

Ордена Дружбы Народов Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Российская ассоциация исследователей женской истории

Российский национальный комитет
Международной Федерации исследователей женской истории
Министерство образования и науки Российской Федерации
Северный Арктический федеральный университет
имени М.В. Ломоносова

СИЛА СЛАБЫХ: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОПОМОЩИ И ЛИДЕРСТВА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

*Материалы Десятой международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории и
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

7–10 сентября 2017 года, Архангельск

Том 3

Москва
Архангельск
2017

ББК 60+63

УДК 396

С 36

РАИЖИ

ИЭА РАН

САФУ

Редколлегия:

Н.Л. Пушкарева (отв. ред.), Т.И. Трошина (отв. ред.)

С36 **Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем.** Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск: В 3-х томах / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 3. 272 с.

ISBN 978-5-4211-0179-6, ISBN 978-5-8396-0524-7

Издание включает в себя материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории), которая в 2017 году состоялась в Архангельске, на базе Северного (Арктического) федерального университета.

В сборник включены результаты исследований в области различных аспектов гендерных отношений, представленные социологами, историками, культурологами, лингвистами, литературоведами, философами, экономистами, антропологами, психологами и учеными, работающими в других направлениях социогуманитарных наук, а также практиками.

Материалы международной научной конференции позволяют составить представление о работе РАИЖИ и способствовать объединению усилий представителей гуманитарных и социальных наук во имя создания междисциплинарной научной структуры по изучению практик сотрудничества и коллективизма в прошлом и настоящем, актуализировать перспективные исследовательские поля в преодолении социальной изоляции и индивидуализма.

ББК 60+63

УДК 396

ISBN 978-5-4211-0179-6

ISBN 978-5-8396-0524-7

© ИЭА РАН, 2017

© САФУ, 2017

© Коллектив авторов, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 3.

МУЖСКОЕ vs ЖЕНСКОЕ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРИСТИКИ. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТОВ СОТРУДНИЧЕСТВА И ЛИДЕРСТВА

Гендерные отношения как предмет изучения социальных наук (политологии, экономики, демографии)

<i>Соловьев А.К.</i> Пенсионный возраст мужчин и женщин в системе пенсионного страхования: экономические и социальные противоречия	9
<i>Козловский В.В.</i> Изменчивая человеческая телесность в гендерном измерении: автономия и солидарность	13
<i>Курашова Н.М.</i> Гендер и занятость	16
<i>Ржаницына Л.С.</i> Замечания к Национальной стратегии действий в интересах женщин	19
<i>Мунин П.И.</i> Жизнь послевоенных поколений населения России и мира: трансгендерный аспект	25
<i>Чухтияшвили Л.В.</i> Семейная политика государства – основа благосостояния семьи	28
<i>Хришкевич Т.Г.</i> Гендерная диспропорция на рынке труда ФРГ в социальных индикаторах	32
<i>Дадаева Т.М.</i> Гендерные стереотипы городских жителей (социологический анализ на примере г. Саранска)	35
<i>Кузнецова О.В., Смолина Н.С.</i> «Женские практики»: основные сюжеты и ролевые модели	38
<i>Ануфриева Е.В.</i> Женское пространство городской культуры	42
<i>Ершова Г.Г.</i> Женское лидерство как признак болезни социосистемы	43
<i>Ломакин И.В.</i> «Прямо засилье женщин, засилье!» Заметки гендерного антрополога о малом провинциальном городе	47
<i>Ломоносова М.В., Савельева А.А.</i> Журнал «Работница» 1917–1918 гг. сквозь призму социологической теории революции П.А. Сорокина	51

<i>Морозова О.М.</i> Модели маскулинности в пространстве Youtube	55
<i>Щепанская Т.Б.</i> Формулы мобильного неравенства: гендер и контроль в потоке дорожного движения	58

***«В борьбе обретишь ты право свое...»: законы и их исполнение
как путь обретения силы***

<i>Устинова И.А.</i> Сводный источник о браках в России в XVII в. и его информационные возможности	62
<i>Козлова О.А.</i> Спектр прав замужней и вдовствующей женщины в обществе и повседневном быту в России на ка- нуне и во время петровских преобразований: общее и осо- бенное	64
<i>Светличная М.С.</i> Тактики подданных при обращении в Канцелярию по принятию прошений на Высочайшее Имя приносимых, 1880-е – 1890-е гг.	68
<i>Сушкова Ю.Н.</i> Развод в обычном праве мордвы	71
<i>Зезегова О.И.</i> Дело о третейском суде по претензии П.М. Миклашевского к В.И. Дмитриевой	74
<i>Тивонюк Н.Г.</i> Типология женских общественных организа- ций современной России в рамках института общественных организаций	76
<i>Бурданова Н.А.</i> Мужчина и женщина в семье: революция в регулировании личных неимущественных прав родителей в России	78
<i>Широкалова Г.С.</i> Петиция как средство помощи людям с ограниченными возможностями. Сообщества, о которых надо знать всем	81

***Мир художественного и литературного творчества
Гендерные исследования в искусствоведении и языковедении***

<i>Поликарпова Н.А.</i> Амбивалентность женского образа в диалоге Сенеки Младшего “Ad Marciam De Consolatione”	85
<i>Коскова А.С.</i> Женские образ в «Божественной Комедии» Данте Алигьери: гендерный подход	88

<i>Трофимова В.С.</i> Совместное творчество брата и сестры в европейских литературах XVII века: Мадлен и Жорж де Скюдери, Сибилла Урсула и Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебургские	91
<i>Приказчикова Е.Е.</i> От Фике до Фелицы: литературные стратегии и государственное мифотворчество записок Екатерины II	94
<i>Тернопол Т.В.</i> Власть женщины: мужские стратегии женского поведения в романе П. Шодерло де Лакло «Опасные связи»	98
<i>Заболотная Л.П.</i> Сила и слабость А. О. Смирновой-Россет (литературная биография одной из женщин пушкинской эпохи как отражение ломки стереотипов)	101
<i>Перельман И.В.</i> Аспекты гендерного взаимодействия – сотрудничества как сюжеты в живописи В.Е. Маковского	105
<i>Веселова И.С.</i> Орнаменты севернорусского вязания, или Женское искусство согласования	109
<i>Голубева Л.В.</i> Одевание пространства: мягкие границы, строгие правила	113
<i>Мезенцева Е.Б.</i> Становление визуального канона женственности в советском плакате 20–50-х годов	115
<i>Сидорчук И.В.</i> Угрожает ли помада коммунизму? Представление о вещизме как форме женского девиантного досуга в СССР 1920-х гг.	118
<i>Новинская Т.Ю.</i> Образ советской сельской женщины по материалам газеты «Сталинское знамя» 1952 г.	121
<i>Шендерюк М.Г.</i> Эгалитарная семья литературной элиты Русского зарубежья	124
<i>Прищепова В.А.</i> Решение «женского вопроса» в Туркестане по фотоколлекциям	127
<i>Баданина И.В.</i> Названия высокостатусных должностей в современном русском языке: гендерный аспект	131
<i>Бакиева Г.Т.</i> Женщина в пословицах сибирских татар	133
<i>Воробьева С.В.</i> Когнитивные факторы гендера в повседневной аргументации	137
<i>Радина Н.К.</i> Мотивационные основы комментирования материалов в сети интернет: об интерпретации феминистски-ориентированных текстов	140

<i>Цыбульникова А.А., Солодкова М.М.</i> Половозрастной символизм в одежде как внешний атрибут социализации молодежи (на примере традиций Кореи)	143
<i>Кубышева П.Д.</i> Новый идеал американской женщины в романах Дж. Уэбстер	146
<i>Орехова М.А.</i> Наблюдения над речевыми особенностями женских журналов	149
<i>Сидорова Г.П.</i> Гендерные аспекты объединенности и взаимоподдержки в образах русской военной лирики	152
<i>Мищенко Т.А.</i> «В главенстве и силе женское счастье?»: традиционалистский дискурс в произведении В. Липатова «Повесть без начала, сюжета и конца»	155
<i>Перехвальская Е.В.</i> F-гендерный регистр как источник новой нормы	159
<i>Нефедова Л.А., Денисова И.В.</i> Лингвокреативный аспект гендерной дихотомии языка в английском и русском языках	162
<i>Ткачук Д.В.</i> Идеально-типические образы женского тела в популярных музыкальных видео	166
<i>Иоффе Е.В.</i> Сексуальная объективация женщин как препятствие в достижении гендерного равенства	169
<i>Пивоваров А.М.</i> Женская и мужская телесность в современных креативных практиках	172
<i>Орехова Н.Н.</i> Гендерный аспект рекламных текстов.	175
<i>Гавар И.И.; Ломакин И.В.</i> «Олдушка»: модельное агентство или социальный проект?	179
<i>Громова А.И.</i> Женская сексуальность и половая мораль: различие интерпретаций в отечественной женской периодике начала XX в.	182
<i>Антошина Т.К.</i> Музей Женщины как особая институция	185

***Гендерная психология на службе преодоления стереотипов.
Проблемы расширения прав и возможностей женщин в обществе***

<i>Козлова Т.З.</i> Самореализация личности: гендерный аспект	189
<i>Солодникова И.В.</i> Самореализация взрослых людей: возрастная и гендерная специфика	193
<i>Вержибок Г.В.</i> Культура и гендер: соотношение и поиск взаимопонимания	202

<i>Рыбак Е.В.</i> Женские стереотипы в профессиональной социально-педагогической деятельности	205
<i>Веретенко В.А.</i> Физическое воспитание в дворянско-интеллигентской среде России второй половины XIX – начала XX в.: гендерный аспект	208
<i>Волкова Е.Л.</i> Сравнительное исследования волевых качеств личности юношей и девушек как будущих лидеров	212
<i>Воротникова К.С.</i> Библиотерапия в психокоррекционной работе со студентами группы риска	215
<i>Голованова Д.В.</i> Образ женщины в тексте арифметических задач конца XIX – начала XX века	217
<i>Кондратьева А.А.</i> Сравнительный анализ когнитивных предпосылок магистров юношей и девушек	219
<i>Шубина П.В.</i> Лидерство в виртуальных сообществах	223
<i>Савинская О.Б., Мхитарян Т.А.</i> Вопросы концептуализации и измерения гендерного неравенства в освоении STEM-дисциплин в средней школе	225
<i>Солнцева Н.В.</i> Использование гендерного подхода в психологическом консультировании супружеских пар	228

Когнитивные факторы гендера в повседневных взаимодействиях. Теоретический феминизм как основа превращения слабого пола в сильный. Гендерные аспекты религиоведения

<i>Алексеева Н.В.</i> Обетная традиция на Севере России в контексте гендерных духовных практик (XIX в.)	233
<i>Поправко Е.А.</i> Истинный правитель для России: конструирование мужского идеала национального лидера в исторической концепции славянофилов	237
<i>Козлова Н.Н., Рассадин С.В.</i> Теоретическое конструирование «народного идеала» женщины в российском консерватизме XIX – первой трети XX в.	240
<i>Есеева О.В., Насирова Л.А.</i> Представления северян о роли женщины в религии	243
<i>Иванова Е.В.</i> Женская религиозная мифология: обретение смыслов через идентификацию с культурными героями	246

<i>Лобанова И.В.</i> Онтологическое обоснование женственности в контексте христианской культуры	250
<i>Лукина Л.В.</i> Многоступенчатость подвижничества	253
<i>Хитрук Е.Б.</i> Гендерный аспект «культуры насилия»	256
<i>Ташлыкова Н.Ю.</i> О диалектике лидерства, насилия и свободы воли: философский и социологический ракурсы	260

Раздел 3

МУЖСКОЕ VS ЖЕНСКОЕ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРИСТИКИ. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТО- РИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТОВ СОТРУДНИЧЕСТВА И ЛИДЕРСТВА

**Гендерные отношения как предмет изучения
социальных наук (политологии, экономики,
демографии)**

А.К. Соловьев

*Москва, Пенсионный фонд РФ, Департамент страте-
гического планирования*

ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В СИСТЕМЕ ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

В условиях затяжного бюджетного кризиса и незавершенной страховой пенсионной реформы активно обсуждается предложение финансовых ведомств по повышению пенсионного возраста как эффективного инструмента «экономии бюджетных средств», с одной стороны, и «смягчения налоговой нагрузки на бизнес», с другой стороны. Однако при этом не учитывается, что пенсионный возраст является интегральным параметром страховой пенсионной системы, поскольку зависит как от параметрических характеристик самой государственной пенсионной программы, которая определяет условия и ограничения для формирования пенсионных прав каждой категории застрахованных лиц, так и от институциональных факторов развития пенсионного обеспечения в стране.

Пенсионный возраст как параметрическая характеристика государственной пенсионной системы непосредственно обусловлен демографическими, и в первую очередь – гендерными – особенностями населения страны. Как известно, гендерная структура нашего населения характеризуется уникальным различием не только общей продолжительности жизни с момента рождения, но и периодом «дожития» после установленного пенсионного возраста.

Долгое время низкая продолжительность жизни мужчин служила основанием для сохранения установленного еще в 30-е гг. прошлого столетия существующих возрастных параметров назначения пенсии. Однако в новом столетии продолжительность жизни женщин приблизилась к среднеевропейским показателям, что дало основание активизировать процесс повышения пенсионного возраста, в первую очередь женщин. При этом главным стимулом для такого решения выдвигается необходимость экономии бюджетных расходов и поддержка бизнеса в условиях финансового кризиса.

Научное обоснование пенсионного возраста (в отличие от политического) должно исходить из параметрической сущности данного показателя государственной пенсионной системы.

Пенсионный возраст следует рассматривать как пороговую границу, которая делит страховой пенсионный цикл на период формирования пенсионных прав и на период реализации государственных пенсионных обязательств. В то же время такие демографические факторы, как продолжительность жизни, служат объективным ограничителем для распределения периодов трудовой и нетрудовой жизни застрахованного лица. Причем в солидарной страховой системе должна учитываться продолжительность жизни соответствующего поколения людей, которое будет формировать и реализовывать пенсионные права.

Пенсионный возраст должен рассматриваться, как это практикуется в западных развитых пенсионных системах, как один из базовых экономических инструментов управления формированием пенсионных прав как всей государственной пенсионной системы, так и каждого застрахованного лица. Именно пенсионный возраст автоматически приводит к изменению всех звеньев процесса формирования пенсионных прав в страховой пенсионной системе, одновременно усиливая или сокращая экономический механизм солидарного перераспределения пенсионных прав между всеми перечисленными категориями пенсионеров, как настоящих, так и будущих.

При обосновании повышения пенсионного возраста необходимо учитывать синэргетический эффект взаимодействия институциональных и параметрических факторов (макроэкономические и демографические изменения), которые требуют институционально-

го единства на основе страховых принципов и соответствующей параметрической настройки дальнейших этапов реформы пенсионной системы.

Исходя из экономической сущности страховой пенсионной системы *объективным основанием* повышения возраста может служить только критерий ее эффективности – поддержание уровня жизни пенсионеров. Одновременно с этим, *объективным условием* повышения пенсионного возраста является максимально полная адаптация установленного возраста к макроэкономическим условиям развития экономики страны – как современным, так и в долгосрочной перспективе.

Это означает на практике, во-первых, создание новых дополнительных рабочих мест для всех категорий пожилых граждан предпенсионного возраста, независимо от возможности продолжения трудовой деятельности. Обоснованность данного требования к современному рынку труда доказывается фактом растущего «дефицита» трудового стажа (недостаток стажа относительно необходимой его продолжительности для получения среднестатистического размера пенсии) для формирования пенсионных прав, в первую очередь у женщин. С учетом прогнозируемой конфигурации рынка труда проблема недостатка стажа для формирования даже минимального объема пенсионных прав к середине двадцатых годов коснется и мужчин.

Результаты актуарных расчетов необходимой продолжительности трудового стажа для формирования пенсионных прав для получения страховой пенсии в размере, адекватном современным представлениям об уровне жизни среднестатистического пенсионера (2,5 ПМП) в течение всего периода дожития, показывают существенные отклонения от прогнозируемых макроэкономических и демографических параметров. Учитывая, что наиболее уязвимым звеном в проблеме повышения возраста является низкая продолжительность жизни после назначения пенсии у мужчин, в расчетах сохранен установленный пенсионный возраст. Однако даже при сохранении законодательно установленного пенсионного возраста мужчины не могут реализовать более четверти накопленных пенсионных прав, поскольку для этого период дожития у них должен составлять 19,3 года.

Для женщин проблема противоположная: даже при сокращении периода выплаты почти на четверть им необходимо увеличивать возраст назначения пенсии на шесть лет. Одновременно с этим у женской части наемных работников наблюдается очень серьезный недостаток трудового стажа: для формирования необходимого объема пенсионных прав они должны трудиться более 36 лет. В то время как среднегодовая продолжительность такого стажа не превышает в настоящее время 28–30 лет.

Отсюда закономерно вытекает вывод о необходимости дополнительно увеличивать пенсионный возраст либо снижать размер страхового возмещения (пенсии). «Зарабатывание» дополнительных пенсионных прав в период работы после назначения страховой пенсии не решает проблемы, поскольку может только частично компенсировать рост расходов на растущий период дожития. В настоящее время данная коллизия решается благодаря солидарно-гендерному перераспределению пенсионных прав между мужчинами и женщинами, поскольку соотношение трудового стажа и периода выплаты у мужчин почти на треть выше, чем у женщин

Проблема пенсионного возраста как главной угрозы неоправданного увеличения расходов федерального бюджета не может рассматриваться в рамках линейной зависимости от демографических показателей общей продолжительности жизни, а обязательно в непосредственной взаимосвязи с комплексом социально-трудовых факторов и макроэкономических условий.

Междисциплинарный анализ показывает, что социальные и экономические риски роста численности получателей всех видов пенсий существенно отстают от экономических рисков опережающего сжатия рынка труда, в первую очередь «легального». Так, только за первые десять лет после пенсионной реформы численность застрахованных наемных работников сократилась на 10%. Аналогичная тенденция сохраняется и на весь прогнозный период реализации Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы, и к 2050 г. сократится дополнительно около 15%.

Актuarный анализ параметрических и институциональных факторов формирования пенсионных прав застрахованных лиц в страховой пенсионной системе показывает, что проблему повышения пенсионного возраста неправомерно рассматривать исключительно

с позиции линейной зависимости от увеличения продолжительности жизни с момента рождения. Более того, даже важнейший параметр формирования пенсионных прав – период выплаты страховой пенсий – также не дает прямых оснований для повышения пенсионного возраста.

Расчеты объективно показывают, что одна из главных целей повышения возраста – сокращение расходов федерального бюджета – достигается только на краткосрочном периоде с последующим адекватным ростом расходов на увеличившийся объем пенсионных прав.

Решение же стратегической задачи – обеспечение достойного уровня жизни всех категорий пенсионеров и долгосрочной сбалансированности и устойчивости пенсионной системы – может быть достигнуто только при осуществлении комплекса мероприятий как в самой пенсионной системе (параметрической настройке ее нестраховых сегментов), так и внешних – макроэкономических факторов функционирования пенсионной системы. Главное направление «предотвращения демографической угрозы старения» для роста нагрузки на федеральный бюджет заключается не в сокращении численности пенсионеров и секвестировании их пенсионных прав различными методами, а в создании объективных условий на рынке труда для реализации трудовых прав граждан на занятость и, соответственно, на зарабатывание собственных пенсионных прав в солидарной страховой пенсионной системе.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финиуниверситета 2017 г.

В.В. Козловский

*Санкт-Петербург, Социологический институт РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет*

ИЗМЕНЧИВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: АВТОНОМИЯ И СОЛИДАРНОСТЬ

Тело и телесность человека на рубеже XX–XXI вв. повсеместно сместились в центр всестороннего научного и художественного осмысления, потеснив считавшиеся актуальными темы общественного устройства современных обществ, культурной идентичности

индивида и сообществ, эффективности политических и правовых институтов. Поворот к телесности проявляется во всем спектре индивидуальных и коллективных человеческих практик. Подобный дрейф интереса к материальности человека, его телу, подвергающемуся самым разным модификациям, обусловлен множеством факторов.

Несмотря на существующие социальные неравенства и культурное разнообразие современных обществ, человеческая телесность в условиях экономического роста, повышения благосостояния, потребления, уровня и качества жизни фактически становится доминирующей ценностью и даже самооценностью. Во-первых, тело из средства достижения жизненного успеха, совершения брачно-семейной, образовательной и трудовой карьеры, приобретения богатства превращается в самоцель. Во-вторых, проект телесности, заботы о собственном здоровье, долголетию, внешности, привлекательности, как для женщин, так и для мужчин выдвигается в число приоритетов. В-третьих, благодаря современной медицине, индустриям здоровья, красоты, новейшим репродуктивным технологиям человеческое тело как естественно данный природный и слегка корректируемый объект обретает статус конструируемого и генетически редактируемого, физически, хирургически, косметологически изменяемого предмета. Многими аналитиками выделяются тренды медиализации женского и мужского тела, его эстетизации, своеобразной актуальной концептуализации и персональной инструментализации.

Следует отметить, что телесность является одной из составных частей сексуальности как сложной мозаики самых разнообразных свойств, качеств, состояний и процессов человеческого индивида, глубоко укорененных в сфере половых влечений. Индивидуальность человека как носителя сексуальности представляет собой подвижную комбинацию биологически, психосоматически и социокультурно сформировавшихся и генетически закрепившихся форм половой активности, половых инстинктов, желаний и мотивов. Поэтому телесность зачастую отождествляют исключительно с биологической конституцией человека. Однако тело изначально вмещает в себя определенную сексуальность, которая предстает в качестве специфического социокультурного конструкта и определяется условиями окружающей среды, коммуникациями, связями, отно-

шениями, институтами и традициями. Сексуальность в целом предстает как комплекс человеческой чувственности, психо-эмоциональной близости и отчужденности, интимности, эротики и телесности. Все элементы и каждая составляющая сексуальности образуют динамичную изменчивую иерархию сексуальности как социогуманитарно трансформированной половой природы человека любого пола, возраста, расы и национальности. Таким образом, телесность каждого индивида, на наш взгляд, рельефно выражает природу его сексуальности как единства плотского, чувственного, эмоционального и интеллектуального начал человека.

Особое значение имеет соотношение человеческого тела, телесности и гендера. И тело, и гендер в современном истолковании являются социальными конструктами с той лишь разницей, что тело – это материальный (физический и биологический) социальный конструкт, а гендер – это социальный культурный конструкт. Гендерное измерение телесности позволяет выделить такие значимые черты как: автономное, точнее, обособленное существование человеческого тела, включающее его физическую и психическую самодостаточность, замкнутость на индивидуальных практиках заботы о теле, гедонистическую и эстетическую направленность жизненных устремлений. Многообразие типов гендера и гендерной идентичности, конечно, не сводимо к комбинации маскулинности и феминности. Выделение женского и мужского тела по принципу полового диморфизма на основании социального и культурного закрепления биологического пола постоянно подвергается ревизии и переоценке в научном дискурсе. В социологической интерпретации соотношения тела и гендера важным вектором и средством анализа, с нашей точки зрения, является конкретный и практически ориентированный концепт «забота» и «забота о теле». Последнее выражает активность индивида, группы или организации, направленную на конструирование и поддержание стандартов здорового, ухоженного и красивого тела, параметров телесности, на воспроизводство гендерной идентичности, гендерных сценариев, гендерного дисплея в соответствии требованиями культурного контекста и социального окружения. Забота о теле раскрывается в описаниях и объяснениях разнообразных человеческих практик ответственного отношения к своему телу, здоровью, долголетию, гигиене, красоте и жизненному благополучию.

Озабоченность собственным телом характерна для женщин и мужчин в любом возрасте. Этому способствуют новые технологии в индустриях здоровья и красоты, реклам, масс медиа, социальные сети. Гендерное выражение автономности и обособленности человеческой телесности, с одной стороны, становится все более многообразным, а, с другой – происходит размывание и диффузия традиционных гендерных ролей.

Данный весьма противоречивый процесс подчеркивания и смешения женской и мужской телесности порождает новые тенденции в смене гендерных ролей, гендерного взаимодействия, в появлении новых гендерных сообществ и солидарностей. Новейшие телесные практики вполне укладываются в рамки социального конструирования биологического пола и тесно увязанной с ним динамикой мужественности и женственности, реализуемой в современных формах гендерного сотрудничества и/или конфликта, солидарности и/или отчуждения в деловой обстановке, в приватной и публичной сферах. Имеющиеся в настоящее время медицинские, социальные и культурные ресурсы изменить пол, направленность сексуальности, собственную телесность, гендерный порядок дают шанс построить неповторимый индивидуальный жизненный проект, осуществить особый персональный стиль поведения, тип взаимоотношений с другими. В культурно-историческом и социогуманитарном знании обсуждается широкая тематика гендерной дифференциации и порядков, фемининности и маскулинности, сексуальной культуры. Можно констатировать, что наиболее полно история и характер человеческой телесности описаны и объяснены с гендерной стороны, существенно дополняющей картину культурной эволюции чувственности и материальности человеческого тела.

Н.М. Курашова

*Казань, Казанский национальный исследовательский
технологический университет*

ГЕНДЕР И ЗАНЯТОСТЬ

Гендерный аспект различных видов деятельности со времен Эм. Дюркгейма и Т. Парсонса является неотъемлемой, хотя и изолированной, территорией смыслов и концептов философии, социологии, антропологии, психологии и других гуманитарных наук. Очевидную

актуальность приобрела задача изучения процессов общественного разделения труда, властных отношений, мужского и женского в целом. Пережил свой взлет и ничем не завершился в историко-политической реальности концепт **Herstory vs History – He’s, not Her’s Story**): «моральная экономика» и патриархальные структуры, в контексте которых живет и действует современная женщина, с консервативными социальными ожиданиями, паттернами и нормами, институционально обеспечивают продление **History**.

Однако факт возрастания участия и удельного веса женщин в исторически не присущих биологическому женскому полу областях деятельности в XXI в. требует осмысления и определяется, прежде всего, социально-экономическими процессами. Трудовые отношения претерпели более значимые изменения к началу XXI в., нежели институциональные и политические.

Количественное увеличение занятости женщин в мужских профессиях, рост значимости женских качеств в сфере труда и расширение областей женской занятости привели в 2012 г. Х. Розин, американскую журналистку, к выводу о свершении в США гендерной революции, т.е. коренного структурного преобразования гендерного порядка.

Говоря о гендерной революции в сфере занятости, речь идет не об универсальных правовых возможностях и либеральных законах рыночной экономики, а о реальных настроениях и стереотипах трудового поведения, влияющих на шансы карьерного продвижения для граждан обоих полов, и последствиях гендерного равенства в экономике.

В России массовый выход женщин в сферу оплачиваемой занятости начался в 30-е гг. XX в., в период «социалистической индустриализации», что опередило на несколько десятилетий те же процессы на Западе. Женская занятость увеличилась в связи с развитием политической и производственной демократии, расширением правового контроля над дискриминацией в ее гендерном аспекте, ростом возможностей для женского профессионального образования в связи с доступным контролем над деторождением. При этом растет доля высокопрофессиональных управленцев и специалистов высшего звена в динамично развивающихся сферах производственной экономики 15 из 35 (а это очень большая доля) «ис-

торий успеха», представленных в ежегодном проекте газеты «Ведомости» «Справочник карьериста» (приложение, издаваемое совместно с The Wall Street Journal & Financial Times) в докризисном 2013 г., принадлежат хорошо образованным молодым (25–36 лет) женщинам. Тип работника-миллениала (поколение Y – родившиеся после 1980 г., которые уже к 2020 году будут составлять 50% трудовых ресурсов) демонстрирует наличие традиционно феминных качеств. По опросу PwC, проведенному в 75 странах, в том числе в России, для 95% опрошенных (в России – для 93%) более всего важен баланс между работой и личной жизнью. На втором месте по значимости после возможности обучения и профессионального развития – гибкий график (традиционно женское предпочтение). У россиян гибкий график на третьем месте после денежной составляющей, так как российская проблема низких зарплат довлеет над прочими опасениями работников.

При этом, гендерная структура занятости воспроизводится относительно устойчивым образом. Распределение по секторам экономики, профессиям, позициям, оплате труда, режимам работы, условиям трудовой и профессиональной мобильности связаны с разделением труда, самой главной и консервативной категорией для понимания гендерных аспектов экономики. В свете древности происхождения и консерватизма этого разделения, гендерные различия в занятости и сегрегация не требуют объяснения и оправдания. Оно функционально и естественно. Поэтому политические институты поддерживают существующие «невидимые» механизмы торможения эмансипации. Так, в России не существует закона о гендерном равенстве. Принятый в первом чтении в 2003 г. закон «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» отклонен в 2012 г. Расхождение бытовых и правовых практик в сфере трудовых отношений действительно сделало бы принятие этого закона избыточным. Феномен «стеклянного потолка» (описан в 1986 г. в Wall Street Journal) относится к этим невидимым барьерам для гендерного равенства в сфере занятости. Это неявное или явное, сродни моббингу, сопротивление, создание искусственных барьеров при найме, профессиональном или карьерном продвижении, объясняемое личностными и корпоративными предубеждениями.

«Стеклянный эскалатор» – вторая ипостась гендерного неравенства в трудовой сфере. Мужчины покидают женские профессии только из-за психологического дискомфорта, но в случае продвижения в женских профессиях их карьерный рост происходит в безбарьерной среде, их пол часто становится фактором преимущества.

Борьба за статус, ресурсы, авторитет является мотиватором для молодого поколения Y женского пола, которое родились в правовом поле равенства и в определенных социальных и географических пределах более свободно от интеракций, верований и стереотипов старшего поколения. Воспроизводство гендерных различий в сфере трудовой деятельности происходит на уровне архетипов и зависит от мотивирующей среды и социально-экономического положения в целом. Перспективы гендерного равенства в сфере занятости умеренно позитивны. Многое зависит от контекста, поддерживающего или минимизирующего проявления гендерных стереотипов, правовой, экономической и социальной динамики.

Л.С. Ржаницына

Москва, Институт экономики РАН

ЗАМЕЧАНИЯ К НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ДЕЙСТВИЙ В ИНТЕРЕСАХ ЖЕНЩИН

Принятие Правительством Стратегии означает поворот внимания власти к проблеме прав женщин, которая была оттеснена в 2000-е годы идеей значимости их в повышении рождаемости, семейной политики, воспитании детей, хотя признается и их роль в обществе как половины занятых в экономике, половины избирателей, большинства участников социальной политики. Это позитивный знак продвижения РФ в системе гендерных отношений в мировом сообществе, определенных Целями развития ООН. Признавая национальные особенности гендерных отношений, тем не менее, полагаем, что их следует выстраивать в формате мирового тренда обеспечения не только прав, но и возможностей женщин реализоваться во всех сферах жизни наравне с мужчинами, чтобы повысить их вклад в развитие. С этих позиций и написана данная экспертиза официального документа, формулирующего будущее политики в отношении положения женщин в РФ.

Прежде всего, необходимо уточнить название Стратегии, исходя из ее цели «обеспечения равных прав и равных свобод мужчин и женщин». Если действия в интересах женщин то это трактуется в интересах отдельного пола, что есть вариант дискриминации – может быть, позитивной, но не оправданной. Более современным, исторически правильным и прямо ориентирующим управление на активную позицию было бы другое название Стратегии, например, «Обеспечение равных прав и равных возможностей мужчин и женщин».

Предлагаемая Стратегия не сосредоточена на главном – на улучшении положения работающих женщин, ибо они – основной субъект политики в интересах женщин, от их труда в сочетании с материнством зависит развитие страны.

Дискриминационный вопрос здесь – отставание женщин по заработной плате. А экономическая независимость женщин есть основа их равноправия.

Причины сложившихся различий по оплате труда в основном объективны –отставание бюджетников от коммерческой сферы, ограничение в продвижении по службе, низкоквалифицированная работа, наконец, добывающая ориентация экономики (существует список работ, где не разрешена их занятость, например, в шахтах). Желаемое выравнивание требует развития обрабатывающей промышленности, поскольку ранее самая большая доля женщин была именно в ней. Ныне – в сфере услуг.

В целях смягчения сложившихся гендерных трудовых различий необходимо включение женского аспекта как составляющей экономического управления, программ социально-экономического развития страны. Но как раз данной позиции нет в Стратегии. Следует прямо перечислить показатели государственного планирования: соотношение по зарплате, безработица по полу, обеспеченность детскими дошкольными учреждениями от 3 месяцев и т.п.

Впрочем,, в Стратегии присутствует пункт об установлении минимальной зарплаты женщин на уровне прожиточного минимума. Но это положение не менее важно для мужчин, оно есть в Трудовом кодексе, но до сих пор не выполняется. И Стратегия должна потребовать, чтобы оно было, наконец, выполнено.

Удивительно другое. К 2022 г. предполагается обеспечить сокращение гендерного разрыва в уровне оплаты труда между мужчинами и женщинами до 75–80%. Но по данным Росстата, в 2015 г. различие уже составляет 25–26%. Получается весьма скромная задача на будущее, близкая к пределам статистической погрешности. Похоже, авторы не заглядывают в статистику, не знают происходящее в мире. Так, недавно в Великобритании и Ирландии приняты законы, в соответствии с которыми организации отчитываются о гендерных различиях по зарплате и должны показать меры по их сокращению.

Присутствует отставание женщин по квалификации. В Стратегии же видят проблему только в изучении точных наук, инженерного дела и т.п. Это несколько элитарное решение. А в реальности – проблема в активизации системы профессионального обучения квалифицированным массовым профессиям, повышении квалификации непосредственно на работе (что особенно важно для женщин). Тем самым Стратегия должна поддержать программу Президента о расширении высококвалифицированных рабочих мест, диверсификации экономики, развития обрабатывающей промышленности.

Естественно было бы также показать новое направление в занятости в условиях рыночной экономики: предпринимательство, и предложить систему его поддержки и поощрения.

Необходимо уделить больше внимания трудовой сфере во всех аспектах. К примеру, много в Стратегии положений по здравоохранению, а заводской медицины на предприятии нет, не предлагается сохранять зарплату во время профилактических осмотров и пр. Но при массовой занятости женщин в сочетании труда с материнством прежде всего нужны ясли, что показывает мировой опыт (Франция, Швеция, ФРГ). Однако в Стратегии этот вопрос не акцентируется.

Зато присутствует положение о сокращении аборт, но их формальное ограничение не в интересах женщин, что показывают социологических опросы. Предпочтительнее социальная поддержка беременных, распространение контрацепции и т.п. Причем предлагается сокращение абортов к 2022 г. на 10%, тогда как за 7 предыдущих лет оно уже произошло на 50%.

К сожалению, вообще упущена проблема алиментов, социальной язвы в нашем женском вопросе. Решение требует усиления мер государства против алиментодолжников, создания Алиментного фонда, предусмотренного Нацстратегией действий в интересах детей в период 2012–2017 гг.

Об условиях труда и допуске женщин на тяжелые и вредные работы. Надо ставить задачу ликвидации для всех подобных работ, независимо от пола. В условиях кризиса, снижения зарплаты есть опасность повышения смертности и травматизма у женщин при либерализации соответствующего Списка.

В Стратегии «в интересах женщин» мужчинам предлагается вовлечь в репродуктивный труд, дать им отпуск по уходу, но почему-то не предлагается более важная мера – оплата отпуска по уходу за ребенком от 1,5 до 3-х лет. Комитет по семье Государственной Думы давно продвигал этот закон, который облегчил бы проблему безработицы женщин. Не заслужили внимания также и социальные программы предприятий для женщин, типа «Работающая мама» на предприятиях Москвы как пример социального партнерства, которое надо расширять.

Наконец, неприемлем сам подход к рекомендуемым мероприятиям. Указаны: подготовка девочек-инвалидов к труду, – а мальчиков? Информировать девочек о вреде алкоголя, – а мальчиков? То же: будем заботиться о пенсионерках, инвалидах-женщинах, а о пожилых мужчинах, видимо, не будем. Следует предлагать общесоциальные мероприятия с выигрышем для женщин. Таковыми могут стать повышение зарплаты в образовании, медицине, где большинство составляют женщины, и т.п.

К сожалению, в документе нарушено соотношение позиций по важности и влиянию – существенный недостаток методологии. Так, вопросов о положении работниц в тексте куда меньше, чем проблем семейного насилия, хотя на момент принятия Стратегии уже было намерение декриминализовать побои. Та же диспропорция относится к проблеме защиты детей заключенных в тюрьмах мам. Наверное, она нужна, но ориентация Стратегии на работающую женщину должна быть главной, чтобы активизировать вклад женщин в страну. Если цель Стратегии – равноправие женщин, то оно реально обеспечивается их экономической независимостью, то есть

занятостью и заработком, где пока наблюдается дискриминация по полу. В ряде стран отсутствие дискриминации при приеме на работу должен доказывать в суде работодатель. Нам такой закон необходим, как и развитие законодательства в принципе, о чем не говорится.

Отметим также отсутствие механизма реализации Стратегии. Нужны структуры в каждом ведомстве, в администрациях, которые будут этим заниматься. В продвинутых странах есть так называемый Национальный механизм управления равноправием женщин (законы, организация, планирование и программирование, кадры, образование, финансы)

Без финансов все превращается в пожелания. Учитывая, что в документах ООН (в известной Пекинской платформе, в Декларации о равных правах мужчин и женщин) указывается на недостаточный доступ женщин к собственности и ресурсам, включая и государственным, во многих странах применяется новая социальная технология – «Гендерный бюджет». В условиях программно-целевого планирования и управления его следует составлять и в России, чтобы определять, имеют ли лозунги реальное основание в финансовой политике. Методологию гендерного бюджета у нас разработана, в том числе автором и преподавалась в Российской Академии государственной службы. Опыт указывает на потребность во внедрении гендерного образования, гендерных исследований в системе Национального механизма равных прав и возможностей в качестве механизма его продвижения в жизнь.

Небезинтересно сравнение текста российской Стратегии по рассматриваемой теме с Европейской которая в чем-то радикальнее нашей, в чем-то нет. Так, Совет Европы считает необходимым приоритизацию гендерной составляющей во всех сферах, мы же подходим более конкретно, предлагая включение ее в систему управления (в законы, планы, программы, бюджеты, деятельность органов управления, распределение финансов, образование и подготовку кадров). Аргументы – сосредоточение управления исключительно на гендерных отношениях может противоречить иной задаче текущего периода, к примеру, сокращению бедности, улучшению демографической ситуации и пр.

Не совсем совпадают и задачи обеих Стратегий.

Схема приоритетных задач Стратегии гендерного равенства Совета Европы на 2018–2023 гг.:

- 1) предотвращение гендерных стереотипов и сексизма, борьба с ним;
- 2) предотвращение насилия в отношении женщин и борьба с ним;
- 3) гарантия равного доступа к правосудию;
- 4) достижение сбалансированного участия женщин и мужчин в принятии политических и общественных решений;
- 5) защита прав женщин и девочек – мигрантов, а также женщин и девочек, которым требуется убежище;
- 6) достижение приоритизации гендерных проблем в рамках всех политик и мер.

Как видим, Европу больше волнует насилие, правосудие, мигранты. Нас – экономика, социальные проблемы, здоровье; меньше – насилие, тем более мигранты. Последнее понятно, имея в виду тысячи беженцев в Европе из Азии и Африки. Причем, Стратегия Совета Европы считает приток мигрантов главным ограничителем мер гендерного свойства, мы же причиной ограничения политики в пользу женщин полагаем замедление роста экономики и отсюда – ограничение бюджетных ресурсов.

И в европейском документе, и в российском нет необходимости развития Национального механизма обеспечения равных прав и возможностей, вероятно, потому, что у них он действует, тогда как в России в настоящее время этот механизм менее представлен, чем в 90-е гг. В данном ряду различий – тезис об участии женщин в процессе принятия решений. У нас женщины пока достойно представлены только на низшем уровне управления: муниципалитеты, регионы, но не на высшем. Но если по-прежнему в Конституции РФ сохранится положение о приоритете международных норм по сравнению с национальными, – придется искать пути выполнения первых, корректируя вторые.

Плюс Европейской конвенции по сравнению с нашей: внимание к положению мужчин, ибо в гендерные отношения она включает проблемы обоих полов. Это существенное уточнение и теории, и практики. Справедлив также тезис об увеличении доступа женщин к государственным ресурсам. Об этом указывалось выше, в размышлениях о роли финансирования мероприятий по реализации

любой Стратегии. По нашему мнению, только финансовое обеспечение превращает программный документ о намерениях государства в будущие мероприятия.

Стратегия в формате, подготовленном Минтрудом, была одобрена Правительством в качестве «подарка» женщинам к 8 марта. Замечания к ее проекту экспертов Рабочей группы Открытого Правительства не были учтены. Между тем, с учетом колоссальной аудитории, к которой обращена Стратегия, целесообразно бы ее принимать не формально аппаратным способом, а обсудить всем обществом, имея в виду не пожелания, а результат.

П.И. Мунин

Москва-Зеленоград, Московский государственный педагогический университет, Зеленоградский филиал

ЖИЗНЬ ПОСЛЕВОЕННЫХ ПОКОЛЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И МИРА: ТРАНСГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Окончание Второй мировой войны совпало с трагическим началом Атомной эры и стартом «демографического взрыва», повлекшим изменения социального, экономического и экологического порядка в мире. На путевой карте сбалансированного перехода к этому порядку, получившему название «устойчивое развитие», сейчас обозначены 17 (Семнадцать) целей-вех.

Демографический переход, обострившийся после взрыва, если обратить внимание не только на устойчивость количественного роста численности населения, но и на столь же устойчивую *тенденцию* изменения его возрастной структуры, служит своеобразным подтверждением реальности «устойчивого развития».

Эта *тенденция* состоит в преобразовании треугольной пирамиды в некое подобие прямоугольника, в котором население равномерно распределено по возрастам. С демографической точки зрения этот тренд именуется как «старение населения» и воспринимается отрицательно.

Негативность его экономического восприятия находит свое обоснование в виде постулируемого снижения эффективности экономики в целом из-за роста затрат на социальное обеспечение пенсионеров.

Экологи, тем не менее, продолжают апеллировать из-за очевидного роста нагрузки на окружающую среду к количественной стороне демографического перехода, что практически делает бесперспективным создать экологическую теорию развития.

Вместе с тем, непредвзятое восприятие этого *тренда* позволяет найти в пирамидах численности позитивные черты.

«Прямоугольный» мир, в котором люди после рождения живут без смертельных болезней в благожелательном окружении и покидают его со всеми своими ровесниками, можно назвать счастливым, а общество – исполненным *социального здоровья*.

В качестве индекса социального здоровья автором был предложен так называемый «мультипликативный демографический индекс – МДИ», вычисляемый как *отношение произведения численности возрастных когорт, составляющих реальную пирамиду, к произведению численности возрастных когорт аттрактора, обладающего той же площадью, что и реальная пирамида*.

В такой формулировке МДИ определяет относительное разнообразие связей между членами сообщества, структурированная численность которого представлена соответствующей реальной пирамидой, и, следовательно, опосредованно характеризует его информационную емкость, то есть *уровень развития*.

И «социальное здоровье» становится мерой загадочного феномена «социальный капитал», графическое воплощение которого – аватар – по всем основным признакам, а именно: горизонтальная интегрированность, вертикальная связность, территориальность, гендерность, структурность, когнитивность, демографичность и др., совпадает с пирамидой численности. Таким образом, социальное здоровье населения, проживающего на определенной территории, становится *демоиндикатором* ее состояния, если использовать последний термин по аналогии экологическим методом *биоиндикации*.

Отмеченный тренд качественного изменения возрастной структуры населения характерен не только для мирового сообщества, но практически для произвольных административно-территориальных единиц, включая континенты, страны и города и т.п., а репрезентативность выборки – максимальна, то МДИ приобретает смысл индекса, унифицированного для всей земной поверхности.

Более того, выбрав возрастную когорту – страту – можно по динамике ее изменчивости в терминах МДИ оценить и проследить аккумулируемое ею качество, проживаемой или прожитой жизни, детерминируемых как генетической информацией, полученной от родителей, так и окружающей природной и социальной средой.

Выбор конкретных возрастных страт в качестве представителей послевоенных поколений оказалось удобным начать с 1950 года и продолжить с интервалом 20 лет до 1990 года, что обусловлено используемым источником данных.

Жизнь (численность) послевоенных поколений мужчин и женщин Мира отражают монотонный, но замедляющийся рост, что говорит о близком завершении демографического перехода, а также нарастание гендерного дисбаланса в пользу мужской общности к 1990 г.

Жизнь (численность) послевоенных поколений населения России обнаруживают более сложный характер изменений. Наиболее благополучным выглядит поколение 50-х. По сравнению с ним поколение 70-х, резко теряющее свою численность, оказывается далеко от благополучия. Рост численности поколения 90-х обусловлен миграционными процессами в период 1990–2015 гг.

Качеству жизни послевоенных поколений населения мира и России по анализу изменчивости их численности можно поставить в соответствие мультипликативные демографические индексы, если учесть накопление информации в памяти выбранного поколения в процессе его взросления.

Анализ изменения вычисленных индексов позволяет констатировать, что качество жизни мужской общности мира для поколения 50-х начало резко снижаться во второй половине 80-х как по абсолютной величине, так и в сравнении с качеством жизни женской общности этого же поколения. Для поколения 70-х подобное положение сохраняется, но в менее резкой форме на фоне относительного общего подъема индекса обеих общностей мира по сравнению с женским поколением 50-х. Прогноз для гендерных общностей поколения мира 90-х выглядит достаточно благоприятно, особенно для женской части!

Качество жизни поколений России, оцениваемое подобным же образом, в своей изменчивости отличаются от мирового. В первую

очередь это касается мужской общности 50-х, резкое падение качества жизни которой началось 1990-х. Женская общность этого же поколения продемонстрировала существенно большую стойкость.

Поколение 90-х занимает среди рассматриваемых поколений самое высокое место и обладает наиболее сбалансированным гендерным паритетом.

Общий вывод для послевоенных поколений населения как мира, так и России состоит в том, что качество жизни более молодых поколений становится в целом выше.

При этом в России, если оценивать ее будущее с помощью мультипликативного полового (гендерного) соотношения, вычисляемого как произведение возрастных отношений численностей мужской и женской общностей соответствующих поколений, предстоит передача управления в стране в руки женской общности.

Подобная оценка для послевоенных поколений населения мира не столь однозначна поскольку продолжается рост этого гендерного соотношения в пользу мужской общности. Возможно такое преобладание, вследствие актуализации трансдисциплинарной науки в образе *трансэкологии*, будет размываться трансгендерными процессами, когда женская общность маскулинизируется, а мужская – феминизируется, перестанет быть символом агрессивности и миролюбие России возобладает в мире.

Л.В. Чхутияшвили

Москва, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА – ОСНОВА ОБЪЕДИНЕННОСТИ И ВЗАИМОПОДДЕРЖКИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Семья как социальная общность во всех цивилизациях выступала важнейшим элементом глобального развития. Здоровая, благополучная, законопослушная семья – это и опора, и основа государства, объединенности и взаимоподдержки мужчин и женщин. Благополучие семьи, укрепление и развитие семейного образа жизни, ее непреходящая ценность для жизни и развития человека и общества являются целью семейной политики, нацеленной непосредственно на изменение и сохранение уровня жизни семей, по-

вышения благосостояния и улучшения их социального самочувствия.

Интересы семьи и социального государства совпадают. Политика материальной поддержки семей с детьми составляет важную составную часть социальной политики нашей страны. Помочь семье – значит обеспечить условия для того, чтобы рождение и воспитание детей, материнство и отцовство получили всемерную поддержку государства, уважение и признание в обществе, а также гармонично сочетались с возможностями профессиональной реализации родителей с защитой женщин и детей от дискриминации и насилия.

Реализация институциональных прав и интересов семей в процессе их жизнедеятельности, защиты социально уязвимых семей и всестороннего развития несовершеннолетних детей не может быть достигнуто без комплексной государственной политики, направленной на рост доходов и повышение уровня жизни российских семей. В качестве обязательного объекта государственной политики выступает семья, а благополучие семьи является приоритетным критерием оценки социальных преобразований.

Важнейшей предпосылкой реформирования семейной политики Российской Федерации, на наш взгляд, является осознание тесной взаимосвязи между семейной политикой государства и характером социально-демографических процессов в современном обществе.

В основу современной государственной семейной политики Российской Федерации должны быть положены следующие принципы:

- укрепления и развития института семьи как фундаментальной основы российского общества, а семейной политики как самостоятельного направления государственной политики;
- единство государственной семейной политики и ее комплексный характер;
- признание прожиточного минимума как основного критерия для принятия решения о мерах поддержки семей с детьми;
- дифференцированный подход к определению системы мер государственной поддержки семьи, материнства и детства;
- учет реальных проблем семей с детьми и защита ребенка от информации, наносящей вред его здоровью и развитию.

Однако сегодня отсутствует единая государственная семейная политика, причинами чего являются:

- низкая эффективность применяемых мер государственной поддержки;
- очевидная бедность семей с детьми и обострение социального неравенства семей с детьми;
- неразвитая сеть социальных услуг семьям с детьми и дефицит мест в детских садах;
- кризис института семьи и семейных ценностей, рост семейного неблагополучия;
- детская и подростковая духовно-нравственная деформация.

Кроме того, развитие институтов семьи и детства тормозит отсталость семейного законодательства. Поэтому важно создать благоприятные условия для рождения и воспитания здоровых детей, охраны материнства и детства.

Качественная семейная политика должна быть основана на принципах объединенности и взаимоподдержки мужчин и женщин и эффективного взаимодействия государства с институтом семьи, как подчеркнуто в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., и разрешать стоящие перед обществом задачи социально-экономического и демографического развития.

Для этого, на наш взгляд, необходимо решить следующие задачи:

- укрепление института семьи как рациональной формы жизнедеятельности личности и ее нормальной социализации, максимально используя трудовой и творческий потенциал семьи;
- совершенствование системы социальных гарантий, направленных на повышение благосостояния и стабильности семей с детьми, развивая систему учреждений по поддержке семьи и детей;
- обеспечение семьям возможности для стабильного функционирования и полного выполнения своих функций, создавая благоприятные условия для рождения и воспитания здоровых детей, охраны материнства и детства;
- повышение роли государства в создании условий по жизнеобеспечению, воспитанию, образованию и развитию детей, создав условия для роста воспитательного и духовно-нравственного потенциала семьи;

– формирование позитивного общественного мнения, повышая престиж многодетной и социально благополучной семьи в обществе.

Государственная семейная политика должна быть переориентирована на создание условий для выполнения семьей ее социальных функций, связанных с заботой и воспитанием детей, заботой о нетрудоспособных родителях. Семья и государство должны стать партнерами, взаимно разделяющими риски и ответственность за благополучие семьи и государства в целом. Кроме того, необходимо усилить меры государственной поддержки многодетных семей, стимулировать семейное благополучие, уменьшить бедность имеющих детей семей, обеспечить семьи качественным и доступным жильем, преодолеть дефицит мест в детских садах, создать комфортную среду для семей с детьми. Государство должно взять на себя расходы по организации семейного досуга, занятий детей в спортивных секциях, художественных кружках или музыкальных школах. Должна сформироваться система конкурсов для получения семьям доступа к качественному образованию в любых формах.

Таким образом, сегодня насущной потребностью становятся систематизация направлений семейной политики на основе трансформации института семьи, моделей и структуры семей, их доходов, потребностей и интересов, нацеленных на улучшение положения семьи.

Преодоление демографического кризиса, предотвращение его катастрофических последствий возможно сегодня только в рамках семейной политики Российской Федерации, направленной на укрепление семьи, возрождение семейных ценностей и сохранения семейной культуры.

Для реализации семейной политики как основы благосостояния семьи, на наш взгляд, важно:

- 1) объединить усилия государственных органов власти, педагогов, врачей, родителей и детей для укрепления семьи, становления, развития и проведения в жизнь семейных культурных традиций и ценностей;

- 2) создать условия для улучшения репродуктивного и психологического здоровья женщин, повышения конкурентоспособности женской рабочей силы и роста заинтересованности работодателей в

приеме граждан с семейными обязанностями, в том числе на условиях неполного рабочего дня, работы на дому или по гибкому графику;

3) работать над моделированием приоритетности духовных и нравственных ценностей, культуры, здорового образа жизни в семье государственным органам власти и общественным организациям;

4) принять комплекс мер по нравственному, этическому и экологическому воспитанию у детей и молодежи в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях уважительного отношения к семье как к базовой ценности общества;

5) пропагандировать семейные ценности, предоставлять льготы общественным организациям, участвующим в возрождении семейных традиций.

Сегодня научное переосмысление проблем семьи является необходимым условием эффективного решения задач семейной политики. Развитие и совершенствование законодательства по поддержке семьи, материнства и детства позволит, на наш взгляд, создать условия для наилучшего выполнения семьей своих функций и создания условий для обеспечения здоровья ее членов, обеспечения развития личности и реализации личных интересов каждого члена гармонизации российского общества. Семья – важнейший инструмент общества. Только так государство обеспечит социальную безопасность семьи, ее благополучие, условия для выполнения социально значимых функций.

Т.Г. Хришкевич

Псков, Псковский государственный университет

ГЕНДЕРНАЯ ДИСПРОПОРЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА ФРГ В СОЦИАЛЬНЫХ ИНДИКАТОРАХ

В начале XXI в. Федеративная Республика Германия является наиболее экономически успешным государством Европы и мира. Высокий уровень благосостояния позволяет говорить о значительной эффективности государственной политики в области социальной защиты населения. В то же время, в Германии присутствует определенный гендерный диспаритет в социально-экономической сфере, который наиболее ощутим на рынке труда. Социальные ин-

дикаторы, т.е. показатели позволяющие измерить благосостояние общества в целом дают нам наиболее полную картину сложившейся диспропорции. К ним следует отнести занятость, уровень безработицы, число получающих пособия по безработице, уровень заработной платы. Источниками для анализа в данном исследовании выступают отчеты Федерального агентства по труду (Bundesagentur für Arbeit), Федерального министерства финансов (Bundesministerium der Finanzen), материалы Zensus 2011 – первой переписи населения объединенной ФРГ, данные Федерального ведомства статистики (Statistisches Bundesamt) и др.

Изменения на рынке труда необходимо рассматривать в сочетании с таким индикатором как общая численность населения. В 2011 г. в ФРГ была проведена первая после объединения перепись – Zensus 2011. По показателю «Домохозяйства и семьи» общая численность проживающих в Германии составила 80 219 695 человек, при этом население восточной части в четыре раза меньше, чем западной – 15 млн. 890 тыс. человек. В целом в ФРГ проживает 39 млн. 230 тыс. мужчин и 41 млн. 098 тыс. женщин.

Существенной проблемой остаётся диспропорция занятости. В первые годы после объединения она была обусловлена ликвидацией тысяч государственных предприятий на востоке. Усугубила ситуацию приватизация, проведенная скоротечно и нередко с нарушениями. В первые годы после объединения были подвергнуты реструктуризации или закрыты многие промышленные предприятия. Были уволены многие чиновники. К началу XXI в. диспропорция так и не была ликвидирована. Один из самых прозрачных социальных индикаторов – уровень безработицы. Однако затронула она в большей степени мужское население. По данным Федерального агентства по труду стабильно наблюдается среднегодовое снижение уровня безработицы у женщин. К 2015 г. их число составило 1 277 352 от общего количества безработных в 2 794 663 человека. В то же время, заметно выше число мужчин получающих социальную помощь – 16 504 172 человека, против 14 267 125 женщин. Данная ситуация характерна как для экономически благополучных западных земель, так и для восточных. Например, в 2000 г. доля безработных мужчин в Западной Германии составляла 1 312 127 человек, тогда как в Восточной Германии – 741 250. Женщин –

1 068 860 (Западная Германия), 767 457 (Восточная Германия). В 2015 г. их соотношение было: безработных мужчин на Западе – 1 092 081, на Востоке – 425 130. Женщин – 928 421 (на Западе), 349 032 (на Востоке)

Таким образом, доля безработицы у женщин колеблется от 44–45% на западе до 45–50% на востоке Германии. В целом, падение безработицы свидетельствует об эффективности реализуемой социальной программе «Agenda 2010», улучшении уровня занятости мужского и женского населения и отражает состояние экономики в целом, но эти позитивные сдвиги имеют обратную сторону: сокращение безработицы у женщин идет преимущественно за счет трудоустройства в низкооплачиваемых сферах, а так же на производстве с почасовой оплатой. Объяснением может служить так же представленность мужчин и женщин в области занятости на неполный рабочий день (Kurzarbeiter). Доля женщин в категории Kurzarbeiter варьируется в зависимости от сектора экономики. Они преобладают в сфере гостеприимства – 62%, здравоохранения и социальной помощи – 73,5%, в таких сферах как производство готового платья – 50%. В тоже время в сфере сельского и лесного хозяйства их – 28%, промышленности – 18,1%, на транспорте 27,3%. Временной показатель неполного рабочего дня у мужчин и женщин так же отличается: 39,3 часа в неделю у мужчин и 30,2 часа в неделю у женщин.

Следующим существенным социальным индикатором, иллюстрирующим диспропорцию можно считать уровень заработной платы. На рубеже XX–XXI в. Германия демонстрировала систематический рост средней заработной платы в год. В 1990 г. – 21 тыс. 279 евро, в 2000 г. – 25 тыс. 478 евро, в 2008 г. 27 тыс. 87 евро. В 2015 г. она составила – 32 тыс. 643 евро. Однако сохраняется разрыв в оплате мужского и женского труда. К примеру, Федеральное статистическое ведомство представило динамику за 2010-е гг., где средняя оплата в час у мужчин – 19,60 евро, у женщин 15,21 евро, что означает, что разница заработной платы составляет 22%.

Таким образом, при положительной общей динамике роста заработной платы, по-прежнему заметно отличается уровень бедности мужчин и женщин. Понятие «уровень бедности» было введено для расчета количества людей находящихся в группе социального

риска, т.е. получающих менее 60% от среднего дохода по стране. При суммарном проценте уровня бедности населения в ФРГ – 16,7%, мужчин от общего числа – 15,9%, тогда как женщин 17,4%.

Таким образом, несмотря на высокие темпы роста благосостояния в ФРГ в целом, можно доказательно отметить существующую гендерную диспропорцию на рынке труда. Женщины в значительной степени представлены в сфере услуг, являющейся более низкооплачиваемой. Несмотря на достаточно высокую степень занятости, она достигается преимущественно работой на неполный рабочий день, что обуславливает более низкую оплату труда. В тоже время, для более полной картины необходимо, безусловно, обратиться к таким индикаторам, как ВВП на душу населения, образование, продолжительность жизни и пр.

Т.М. Дадаева

*Саранск, Мордовский государственный университет
им. Н.П.Огарева*

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ Г. САРАНСКА)

Гендерные стереотипы – сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины. Пронизывая все сферы общественных отношений, гендерные стереотипы часто воспринимаются как естественные, незыблемые. Определяя нормы, модели поведения полов, гендерные стереотипы производят гендерное неравенство, а также поддерживают, оправдывают и закрепляют его. Особенно широко распространены в общественном сознании гендерные стереотипы о предназначении женщин и мужчин в обществе, относительно участия женщин в политике, власти и управлении.

Весной 2017 г. был проведен анкетный опрос «Гендерные стереотипы в современном обществе (на примере г. Саранск)». Задачи исследования включали изучение гендерных стереотипов по поводу участия женщин в политике, управлении, распределении семейных обязанностей, уровня гендерной стереотипизации населения, представлений о гендерных стереотипах среди мужчин и женщин. Было опрошено 112 респондентов (признаками репрезентативности

являются пол, возраст и место проживания респондента). Объем выборочной совокупности репрезентирует население Саранска по полу, возрасту и территориальной структуре с погрешностью 9% в 91% случаев. Было опрошено 43,4% мужчин и 56,6% женщин, 24,2% в возрасте от 18–29 лет, 34,0% – 30–49 лет, 41,8% в возрасте от 50 лет и старше. По семейному статусу большинство респондентов (58,4%) состоят в браке, 21,2 – разведены, 10,9% вдовцы (вдовы), 2,2 не состоят в браке. По уровню образования 70,3% имеют высшее образование, 21,8% начальное, среднее профессиональное (училище, техникум, колледж), 7,3% – основное (до 9 классов) или среднее (до 10–11 классов). Среди опрошенных преобладают русские (63,3%), 27,7% составляют мордва, 5,3% – татары, 3,7% – другая национальность.

46% опрошенных считают, что мужчины и женщины в равной степени обладают правами и возможностями в обществе. Примерно столько же, 40,1% полагают, что мужчины имеют больше прав и возможностей. Больше прав и возможностей мужчины имеют при управлении государством (81%), при приеме на работу и продвижении по службе (63%) и при ведении бизнеса (53,2%). Женщины имеют больше прав и возможностей при воспитании детей и молодежи (81,2%), ведении домашнего хозяйства (80,1%), при ведении бизнеса (23,2%) и меньше – при управлении государством (8,1%), при приеме на работу и продвижении по службе (12%). Именно женщины согласно опросу сталкиваются чаще всего со случаями ущемления своих прав из-за половой принадлежности (9%). Более всего респонденты за последние 3 года сталкивались со случаями ущемления своих прав из-за возраста (23%), где тоже преобладают женщины (особенно предпенсионного возраста).

Большинство опрошенных (43,8% как мужчин, так и женщин) отметили, что участие женщин в политике необходимо, 38% сказали, что это необходимо в некоторых случаях и 8,4% заявили, что это «не женское дело». Однако при других формулировках большинство (72%) заявили, что мужчина должен заниматься карьерой, а женщина – семьей, не согласились с данным утверждением 23%. Получается, что большинство понимает, что участие женщин в политике необходимо, но при этом у женщины есть и самое важное предназначение – семья, о котором она не должна забывать. Инте-

ресно отношение респондентов к утверждению, что «любая кухарка может управлять государством». 21,05% опрошенных «согласны» и 45,3% «отчасти согласны» с данным утверждением; не согласны 23,8%.

Различия профессиональной занятости мужчин и женщин по мнению 44,8% опрошенных предопределены самим обществом; природу в качестве причины гендерных различий в занятости отметили 24,1%, личную волю каждого человека – 14%. Стереотип о естественном предназначении мужчин и женщин, пожалуй, наиболее распространен в общественном сознании. Так, на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что женщина – хранительница очага, а мужчина – добытчик и лидер?», 35,1% выразили согласие, 38,0% отчасти согласились, 23,8% выразили несогласие. Большинство респондентов также согласилось и с утверждением, что мужчина должен заниматься карьерой, а женщина – семьей (34,1% выразили согласие, 38,0% отчасти согласились). «Мужчины больше зарабатывают – это естественно»: с данным утверждением согласились большинство опрошенных мужчин, и 86,1% женщин (суммируем ответы согласен или отчасти согласен), не согласны 1,9% респондентов. Большинство опрошенных (82%) так же согласилось с утверждением, что женщина должна заботиться о мужчине, а мужчина – быть ее защитником, не согласны – 16,9%. 86% согласны, что женщина должна быть женственной, а мужчина мужественным, и 81% согласен, что женщина должна быть сексуально привлекательной, а мужчинам не важен их внешний вид.

Некоторая эгалитаризация в гендерных установках выявилась при оценке гендерного распределения семейных обязанностей и ролей. Так, по мнению большинства респондентов в современной семье супруги в равной степени должны заниматься ведением хозяйства (72,1%) и воспитанием детей (68,8%), 22,1% считают, что ведением хозяйства должна заниматься жена, 2,9%, что муж (24,1% полагают, что воспитанием детей должна заниматься жена, 4,2% – муж). 61,9% респондентов считают нормальным, что жена зарабатывает больше мужа, ненормальным – 21,1%.

На вопрос, «должно ли государство уделять внимание тому, чтобы мужчины и женщины имели равные возможности в обществе», большинство ответили, что «да» (25,2%) и «скорее да, чем

нет» (36,8%); «скорее нет» и «нет» сказали 26%. Однако при распределении ответов на вопрос, «согласны ли Вы с утверждением, что равенство полов приведёт к тому, что женщинам придётся таскать шпалы, а мужчинам – штопать носки?», 75% респондентов так или иначе с этим согласились (ответы «согласен» и «скорее согласен, чем не согласен»), 22% выразили несогласие.

Наше исследование показало, что чем старше респонденты, тем более они подвержены гендерным стереотипам. Как правило, за мужчиной подразумевается роль добытчика, лидера, за женщиной – хранительницы домашнего очага, ведущей домашнее хозяйство, воспитывающей детей. И мужчины, и женщины в равной степени подвержены гендерным стереотипам, однако более молодые, образованные и успешные женщины чаще заявляли о несогласии с рядом гендерных стереотипов, в частности о том, что женщины сами соглашаются на низкооплачиваемую работу, что естественно, когда мужчины больше зарабатывают, что мужчины логичнее, а женщины эмоциональнее, что мужчина должен заниматься карьерой, а женщина семьей. Семейные чаще подвержены гендерным стереотипам, чем проживающие без семьи. Эгалитарные установки респондентов проявляются при оценках гендерного распределения семейных обязанностей: большинство молодых пар считают, что в современной семье супруги в равной степени должны заниматься ведением хозяйства и воспитанием детей, и считают нормальным, если жена зарабатывает больше мужа.

О.В. Кузнецова, Н.С. Смолина

*Екатеринбург, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина*

«ЖЕНСКИЕ ПРАКТИКИ»: ОСНОВНЫЕ СЮЖЕТЫ И РОЛЕВЫЕ МОДЕЛИ

«Женские практики» активно распространялись в России в 90-е гг. XX века и по разным причинам продолжают существовать до сих пор, представляя микс психологических концепций, эзотерических практик, религиозных учений Нью-Эйдж. По форме «женские практики» предстают в виде тренингов, мастер-классов, консультаций, семинаров, направленных на создание и поддержание мифологии женственности, гармонизацию отношений между

мужчиной и женщиной, поддержание женского здоровья, обретение семейного счастья и т.п. Современными религиоведами «женские практики» относятся к спиритуально-коммерческому движению (далее по тексту – СКД).

В теоретическом плане существует определенная проблема с употреблением термина «женские практики». Во-первых, «женские практики» – это самоназвание, используемое их адептами. Именно так эти занятия именуются и учителями, и учениками. Другое конкурирующее, но менее распространённое самоназвание в этой среде – «женские тренинги». В современном российском публичном пространстве эти словосочетания являются устойчивыми и узнаваемыми, однозначно маркируя это явление. Однако первое («женские практики») отражает весь комплекс идей и ритуалов, которым учат на вторых («женских тренингах»). Зачастую словосочетание «женские практики» выступает в качестве приставки-спецификации к какому-то виду занятий или учений, берущих свои идеи из религиозной/психологической/социальной сферы (например, «даосские женские практики», «сила рода: женские практики», «марафон женских практик» и т.п.). Во-вторых, в рамках гендерных и феминистских исследований мы можем встретить понятие «женские практики». Но в этом случае термин обозначает специфический вид гендерной практики.

Безусловно, термин «женские практики» не является в достаточной степени научно проработанным, но пока ввиду отсутствия каких-то иных внятных терминов будем использовать его, понимая под ним сегмент Нью-Эйдж, ориентированный на женскую аудиторию, имеющий под собой спиритуально-коммерческое основание (отличительной особенностью является то, что обучение и передача знания внутри группы носит преимущественно платный характер).

Популярность «женских практик» в России значительна, но ввиду молодости в нашей стране движения Нью-Эйдж и его составляющей, направленной на женщин, явление мало изучено. На Среднем Урале, существует довольно много центров и индивидуальных преподавателей в рамках этого направления. В г. Екатеринбурге в 2013 г. существовало более трех десятков центров, предлагающих занятия йогой либо в качестве основной своей деятельности, либо в рамках широкого спектра предложений.

Большинство посещающих занятия СКД – это женщины. Причина популярности скрыта в феминистском дискурсе. Возраст наставниц в основном укладывается в 20–50 лет. Время активного строительства жизни, создания и манифестации своих ценностей. Одной из таких ценностей является строительство и укрепление семьи. Любопытно, что, при постулировании приверженности традиции, фактически патриархальной семье, нередко наблюдается фактический отказ от понимания ценностей традиционной семьи. Разрыв между транслируемыми патриархальными, патерналистскими ценностями общества и жизненными реалиями женщины, порождают такой вид религиозно окрашенного феминизма. В рамках «женских практик» конструируется дискурс "Великой Богини", сексуальной и без детей, наличие у женщины особых женских энергий. Еще одной причиной популярности можно назвать отсутствие доступного досуга для женщин или форм помощи и взаимопомощи при возникающих трудностях или проблемах в семейной жизни.

Женщины, которые обращаются к «женским практикам», как правило, предрасположены к этому наличием у них какой-то социально-психологической проблемы во взаимоотношениях с партнером, мужем, телом или миром или заинтересованы в поиске мужчины-партнера. Как решить женские проблемы? Этот вопрос толкает в СКД/«женские практики». Уже внутри разнообразные вопросы (от мировоззренческих до сугубо практических) приводят к единому решению – стать женщиной. Женские проблемы решаются через женственность. В этом смысле, мировоззренческой основой «женских практик» является представление о дуалистичности мира: два пола – мужчины и женщины.

При этом они могут обладать совершенно различными досуговыми предпочтениями и потребностями, которые могут обсуждаться на тематических «женских» форумах, в интернет-сообществах. Иногда именно участие в коммуникациях посредством интернет-технологией и становится предпосылкой их обращения к «женским практикам», предлагающим различные тематические тренинги, стремящиеся удовлетворять все разнообразие проблем, потребностей и предпочтений женщин. В данном случае «женские практики» реализуются посредством организации своего рода клуба, со-

общества по интересам. Правда, такой клуб будет существовать ограниченное время, пока проводится тренинг.

Тренинги проводятся в формате «научения», задача тренера дать женщине знание (это знание подается как «магическое», «сокровенное», недоступное всем, но позволяющее обрести «женственность»). Соответственно, тренер, ведущий тренинг, выступает в роли «гуру», уже обладающим этим специфическим знанием. Женщина же – это объект научения, не способная самостоятельно обрести «женственность», столкнувшаяся с определенными трудностями в своей жизни и нуждающаяся в помощи «гуру». От женщины требуется готовность меняться, причем очень быстро: в тот непродолжительный период, пока проходит тренинг.

Знание, обретаемое женщиной в рамках «женских практик», выстраивается вокруг нескольких тем:

- внешний образ женщины (как одеваться, как выглядеть, какую прическу предпочесть, все, что касается внешности и стиля одежды);

- взаимоотношения женщины и мужчины (тренер предлагает женщине набор практик (манипулятивных по сути, но не подающихся таким образом, обусловленных, возможно, активной ролью женщины в социальной реальности и одновременно необходимостью «завоевать» свое место в «мужском» мире), применяя которые можно обрести гармонию в семье);

- телесные практики (как используя тело, раскрепостить свою активную энергию; тренер обучает женщину «пользоваться» своим телом);

- место женщины в семье (набор ролевых моделей и функций, которые в семье должна выполнять именно женщина);

- досуговые практики (тренер обучает женщину, как организовать свой досуг, каким видам активности отдать предпочтение).

Знание упаковывается в традиционную модель, предполагающую патриархальный жизненный уклад и ценности, которые подчас не согласовываются с социальной реальностью, где женщина занимает активную позицию, и с мировоззренческими установками самой женщины.

ЖЕНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура в самом широком смысле слова обозначает совокупность всего, что создано или модифицировано сознательной или бессознательной деятельностью двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или воздействующих на поведение друг друга. Город является продуктом культуры. Под городской культурой, как правило, понимают культуру крупных и средних несельскохозяйственных поселений, обычно крупных промышленных и административных центров. Общими чертами городской культуры, отличающими ее от сельской, выступают такие признаки, как высокая плотность застройки городской территории; наличие большого числа транспортных магистралей социокультурного (дворы, улицы, проспекты, площади, парки) и инженерного (шоссе и транспортные развязки, железнодорожные узлы и вокзалы, водопроводные и телекоммуникационные сети) назначения.

Пространство городской культуры подвергается сильному воздействию глобализационных процессов, сопровождающихся унифицированием различных, в том числе гендерных позиций человека, нивелированием социально-культурных, семейных, национальных, религиозных и других его особенностей, в том числе гендерных. Привычные, «традиционные» социальные роли женщины и мужчины в современной городской культуре значительно изменяются по сравнению с этими ролями в пространстве традиционной культуры.

В монографии Ю.Ю. Карпова под женским пространством понимаются не только физические границы женской функциональности в обществе, определяемой хозяйственными, социально-политическими и другими «материальными» факторами, но и пространство семиотическое, сопряженное с древними и изменявшимися в ходе исторического времени идеологическими постулатами. Справедливо замечание о том, что в большинстве случаев мужское пространство создает контуры официальной культуры социума, тогда как женская субкультура пребывает как бы в тени.

Д.А. Николаева обозначает «женское пространство» как совокупность материальной, духовной, обрядовой, семейно-брачной сфер, восходящую к древним мифоритуальным представлениям о женщине-матери. По мнению исследовательницы, эти воззрения выступают в качестве базовой категории, продолжая воспроизводиться и в настоящее время вследствие социальной востребованности и соответствия ментальным стереотипам.

Под женским пространством в работе Б.М. Алимовой имеются в виду особенности социально-профессионального существования женщины в семье, ее неявные властные функции.

В приведенных определениях, как видим, присутствует много общих черт, характерных также для пространства национального, религиозного, и их реализации в культуре. Следует отметить такие характеристики женского пространства культуры, как «пребывание в тени», «не демонстрируется в публичном пространстве», «соответствии ментальным стереотипам» и другие, подчеркивающие его принадлежность приватной, а не публичной стороне общественной жизни, чем, по нашему мнению, символизируют некоторое подавление женского в культуре. Это вполне согласуется с положениями С. де Бовуар, согласно которым общество конструирует мужское (маскулинное) как позитивную культурную норму, а женское (феминное) как негативное, как отклонение от нормы, как Другое.

Современная культура, развитие науки и техники, в рамках которых складываются наиболее благоприятные условия для самореализации женщины, способствуют ускоренной гендерной динамике, изменению женского пространства культуры, в том числе и городской.

Г.Г. Ершова

Москва, Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета

ЖЕНСКОЕ ЛИДЕРСТВО КАК ПРИЗНАК БОЛЕЗНИ СОЦИОСИСТЕМЫ

Эволюционная логика развития антропосистемы (АС) предполагает асимметричную дифференциацию социальных ролей мужчины и женщины. «Теория самоорганизации антропосистемы» позволяет преодолеть естественную ограниченность биологического

подхода для понимания законов цивилизационного процесса. Основные положения сводятся к следующему.

Механизмом, который организует и изменяет неорганический и органический мир, биосферу и АС, является борьба и единство асимметричных функций (сохранения и изменения) саморазвивающегося объекта, выражающиеся в постоянном противоречии (смене взаимозависимых форм) между функциональной асимметрией и морфологической симметрией.

АС – человечество Земли, самоорганизующееся в процессе активной адаптации в целях противостояния агрессии окружающей среды. Критерий оценки развития АС это увеличение средней продолжительности жизни через создание искусственной среды обитания путем создания знаний и технологий, в том числе социальных при наличии опережающего социо-интеллектуального воспроизводства новых поколений. Устойчивость АС и интегрированных подсистем обеспечивается постоянным развитием.

АС состоит из трех уровней, состоящих из: функционально асимметричного элемента (функция сохранения – функция изменения), и третьего – пространственного – элемента. Пространство (территория) является фактором энергообеспечения каждого из уровней. Тем самым «пространственный» компонент выступает в качестве катализатора (или ингибитора) процессов системы.

Первый: *головной мозг* (функ. асимметрия: правое – левое полушария). Функции мозга реализуются посредством человека как сложной системы.

Второй: *социо-репродуктивная пара* в разных исторических формах семьи (функ. асимметрия: женское – мужское). Функции реализуются на артефактном пространстве жилища-хозяйства. Основная – воспроизведение потомства, которое усваивает знание и технологии предыдущих поколений и создает новые – иначе не обеспечивается развитие социума.

Третий: *социум* (функ. асимметрия: народ – власть). Функции реализуются на естественно-артефактном пространстве «территория».

Объект нашего рассмотрения – функциональная нагрузка элементов второго уровня (пара) при переходе к третьему уровню (социум). Женщина реализует функцию сохранения системы, а мужчина – функцию изменения системы. Механизмом, осуществляю-

щим этот переход от биологической организации к социальной, являются исторические системы родства. Системы родства детерминируют роль женщины и мужчины в социуме, в соответствии с биологической гендерной ценностью. Функциональное сохранение состояния системы, отведенное женщине, предполагает пассивную адаптацию, а изменение состояния системы заключается в активной адаптации, которую изначально реализует мужчина, как менее ценный биологический объект. Репродуктивные усилия мужчины, согласно выводам В. Геодакяна, существенно менее энергозатратны, нежели женские. Поэтому мужским особям отводится решение задачи расширения пространства коллектива, ориентированное на будущее увеличение популяции. Таким образом, стратегические задачи должен решать мужчина, чей мозг в силу полового дихроморфизма раньше женского развивает логическое мышление.

Вместе с тем, именно женщине принадлежит функция «запуска» системоизменяющей системы как высшее выражение видового и социального инстинкта самосохранения. То есть, в рамках механизма системы родства женщина контролирует действия мужчины и делегирует ему задачи управления коллективом. Этот механизм блестяще был раскрыт Морганом-Хьюиттом-Фентоном в описании устройства овачиры в обществе ирокезов. Суть этого устройства сводится к тому, что при полном доминировании матрилокальности, политическая система ирокезов прославилась организованной «мужской» властью, которую, тем не менее, назначали и меняли главные в овачире женщины. То есть при том, что в родовом управлении доминировали женщины – именно они выбирали и следили за деятельностью родового вождя, смещали в случае его непригодности к выполнению возложенных обязанностей. Женщины назначали вождю помощника и избирали не только родового военачальника, но и духовное руководство.

Система родства – это не социальная организация и не регулятор репродукции. Это универсальный механизм осуществления самоорганизации антропосистемы, возникающий на начальном этапе самого появления антропосистемы как таковой. Система родства становится промежуточным механизмом, осуществляющим переход от социо-репродуктивной пары к социальной организации. Именно в рамках системы родства генерируется модель власти. В

нормальном состоянии женская линия родства делегирует управленческие функции мужскому компоненту – как это произошло в норме при формировании ранних обществ.

Однако условия социального стресса заставляют по-разному адаптироваться мужчин и женщин. Этот сюжет рассматривался на неосознанной активизации механизмов пассивной адаптации у женщин в условиях неопознанной агрессии окружающей среды – такой, например, как радиоактивное заражение. При избыточном стрессе и невозможности принятия стратегических решений, как показывают эти же материалы, мужчина следует по пути полного отказа от поисковой активности и ухода в саморазрушение, через избыточное потребление алкоголя или аутодеструктивное поведение в целом.

В аномальных условиях развития – интегрированности в иную систему управления и реанимации самоуправления – часто наблюдается сохранение лидерских функций за женщинами или принятие женщинами лидерских функций. Согласно нашим полевым исследованиям в общинах майя на Юкатане (Мексика) и Гватемале, женщины очень часто начинают возглавлять самоуправление, но только на низовых уровнях. Опросы показывают, что для таких ситуаций характерно следующее:

- Высокий уровень мужской алкоголизации – повсеместно.
- Высокий уровень мужского суицида, особенно среди майя Юкатана (по минимальным поводам), объясняемый нами специфической религиозных верований. Однако немалую роль в этом играет ситуация постоянного социо-экономического стресса. Религиозный аспект становится «подсказкой».
- Отсутствие финансирования региональных социальных проектов.
- Высокий уровень долговременного отсутствия мужчин, уезжающих на заработки в другие регионы страны или в город. При этом отъезд на заработки женщины расценивается крайне негативно.
- Высокий уровень экономической миграции (чаще нелегальной) в США.

Следует заметить, что женщины в подобной ситуации безвыходности и отсутствия власти берут на себя управленческие функции. Эти функции совпадают во многом с функцией старшей жен-

щины в традиционной общине. То есть, чаще всего начинает доминировать женская пассивная адаптация. Она ориентирована на выживание, а не на развитие или какое-либо кардинальное изменение общественной жизни. При этом женщины охотно принимают навязываемый дискурс несчастий «коренного населения» и гордости за то, что женщина руководит в безвыходной ситуации. Формируются объединения «руководящих» или социально активных женщин, которые, как правило, ограничиваются гордой констатацией своего статуса.

Для Гватемалы классическим примером опереточной роли женщины в качестве претендента на политическое лидерство является нобелевский лауреат Ригоберта Менчу, не получившая, в индейской стране, и двух процентов голосов при выдвижении себя на пост Президента страны. В абсолютном большинстве женщины-лидеры достаточно легко перекупаются и становятся выразителями интересов политиков-манипуляторов.

Следует отметить и такой феномен как выдвижение женщин в рамках дискурса «политкорректности». В таких случаях намеренно выдвигаются наиболее подчиняющиеся и обладающие лишь «представительскими» качествами кандидатуры.

Таким образом, выдвижение женщины в роли лидера, как правило, свидетельствует – и с точки зрения самоорганизации АС, и с позиций практического опыта – о неустойчивости и деградации системы в целом.

И.В. Ломакин

Москва, Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ Высшая школа экономики

«ПРЯМО ЗАСИЛЬЕ ЖЕНЩИН, ЗАСИЛЬЕ!» ЗАМЕТКИ ГЕНДЕРНОГО АНТРОПОЛОГА О МАЛОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ

Доклад в формате этнографических зарисовок фокусируется особенностях женской гендерной роли в малом провинциальном городе. Эмпирический материал для исследования собирался в рамках краткосрочных экспедиций. Идея представляемого исследования никогда бы не появилась без плодотворного сотрудниче-

ства автора с отделом образовательных программ ФОМ в рамках проектов «FOM-Labs» и «Заповедник».

Контекстом исследования стал город Солигалич (основан в 1335 г.), находящийся на самом севере Костромской области. Сегодня он насчитывает порядка 6000 человек населения (вместе с районом – около 9000). Исторически связанный с солонваренным промыслом, Солигаличский район и его окрестности после сильного ослабления соляного раствора и окончательного затухания промысловой деятельности стали родиной для большого числа отходников. Некоторые источники даже называли эти места «бабьим краем» – краем женщин, оставленных уехавшими на заработки мужчинами: Д. Жбанков писал в начале прошлого века о «поразительном численном преобладании женщин над мужчинами».

Сегодня нужда снова, как и сто лет назад, заставляет мужчин уезжать на заработки в крупные города и столицу, а лес по-прежнему кормит тех, кто остается. По данным исследователей из НИУ ВШЭ, до половины трудоспособного населения Солигалича зарабатывает на жизнь отхожими промыслами. Причем, отходниками сегодня нередко наравне с мужчинами становятся и женщины – особенно, в центральных и южных областях России.

В самом же городе наше исследование выявило немало свидетельств культивации традиционно-патриархального гендерного порядка, в котором «мужское» и «женское» в своей репрезентации стремятся максимально далеко дистанцироваться друг от друга. Помимо прочего, этому способствуют и формы хозяйствования (в городе практически у всех есть личные подсобные хозяйства, а квартирные дома можно сосчитать по пальцам), и естественный для столь малого города уровень социального контроля, и все более нарастающий в городе «православный тренд» (сильные священнослужители и приходская община с достойным уровнем самоорганизации при минимальном экономическом ресурсе).

В первую очередь, заметной становится гендерная сегрегация в области профессионального труда. Учитывая, что спектр профессиональных траекторий солигаличан и без того является достаточно скудным, не удивительно, что присутствуют представления о «женской» и «мужской» работе, которые всячески дополняются на почве общегородского патриархального гендерного порядка.

Например, наши информанты связывали «женскую» работу с некоторым «творчеством», с «легкостью», «усидчивостью» и даже «бездельем» (!), в то время как «мужская» работа носила для них черты «деловитости», «серьезности», физической и просто деятельной «активности» (приведено на примере разговоров о профессии флориста; более подробно об исследованиях флористического рынка провинциального города).

Из полевого дневника О. Рожковой, 08.08.2015: *«Мы сказали, что город их нам понравился, а они предложили тут остаться. В шутку я сказала: «А почему бы нет? Кем у вас тут можно работать?» Ребята восприняли все серьезно и начали предлагать варианты – лесопилка, пилорама, известковый комбинат, техники. <...> Я сказала, что я девочка – «какие из меня механики или лесорубы?» Сергей поинтересовался, какая у меня специальность. Он впервые услышал слово «социология». И покачал головой: «Не, тут не найдешь работы». На том и расстались».*

Мы также фокусировались и на внешнем облике горожан: как в праздничные дни (например, день города), так и в будни. По данному направлению нами выделялась высокая гендерная дифференциация: одежда здесь определенно является одним из важнейших инструментов конструирования гендерной идентичности. Феминность конструируется через заметную – порой даже кажущуюся чрезмерной для будничных бытовых условий города – ухоженность женщин: на каблуках по практически отсутствующим тротуарам, в нарядных платьях, юбках (брюки и уж тем более брючные костюмы здесь встречаются крайне редко) и неизменно с укладкой. Что касается мужчин, то их внешние характеристики менее разнообразны. Так, многие вольно или невольно стремятся к соответствию известной гипермаскулинной формуле *«Ты права – я дикий мужчина. / Яйца, табак, перегар и щетина»*, некогда воспетой группой Ленинград: потрепанные (если не откровенно испачканные) черные кожаные куртки, джинсы и кожаные ботинки, единообразные короткие стрижки с отрошенной челкой или без, а также неперемнное наличие вредных привычек. Несколько иначе выглядят некоторые «семейные» мужчины: они часто более ухожены. К слову, на стенде «Семейного клуба» в местном РДК, можно было найти следующее высказывание: *«При*

хорошем муже и жена хороша». Как его следует понимать в вышеописанном контексте – вопрос открытый.

Опыт проживания в семье священнослужителя (которая, безусловно, является лишь частным случаем солигаличской семьи) стал также интересным дополнением к гендерной картине изучаемого города. В данной семье присутствует четкое понимание авторитета мужчины-отца и мужчины вообще. Например, в дневниковых записях и здесь можно обнаружить отголоски представлений о «мужском» и «женском» домашнем труде и ритуалах. Мужчина заваривает чай, затапливает печь, а женщина – стирает, убирает. Во время праздничного (православное Рождество) застолья прикасаться к бутылке с шампанским (крепкий алкоголь в доме принципиально не держат) негласно мог только мужчина, а убрали со стола исключительно женщины. Вполне возможно, что подобный уклад является и следствием некоторых личных убеждений матушки: *«Я была уверена всегда, что мужчины намного умнее, намного выше, на ступеньки. Они сильнее, они умнее, они талантливее. Они должны заниматься тем, чем <...> хотят, женщина должна помогать. <...> Я не сторонница матриархата и эмансипации. <...> Преподавание. Я считаю, что преподавание – тоже. Почему-то не идут туда мужчины. И в колледже женщины. Прямо засилье женщин, засилье!»*

Тем не менее, описанные тенденции вполне соотносятся с некоторым эмпирическим материалом, собранным прежде коллегами-этнологами, отмечавшими женскую роль в «обеспечении “материальной” стороны гуляния», мужскую же – скорее связанную с обеспечением некоторых символических элементов праздника, а также с приготовлением и распространением алкогольных напитков.

Более того, немало в общую картину города может привнести и гендерный анализ художественных произведений и, в частности – стихотворений местных поэтов. Основная масса этой поэзии посвящена, что нетрудно догадаться, краеведческой тематике – родному краю. Однако у солигаличских поэтов имеется и весомый пласт поэзии, в той или иной мере посвященной гендерным взаимоотношениям [например, Кусов 2009; Под родными звездами... 2010; Я этим городом живу... 2015].

Женщина в этих произведениях часто выступает как обобщенный образ героини-матери («*Матерям поклонитесь, дети России...*») и как близкий человек, мама («*А мама в беленьком платочке / Мне машет вслед издалека...*»); как объект восхищения («*Богиня моя, богиня! / Я на тебя молюсь!*») и как источник тоски («*Скоро я забуду, скоро оттоскую, / По тебе любимой, милой, дорогой...*»). Есть и отдельная – пожалуй, наиболее интересная, пусть и небольшая – линия, сатирически высмеивающая власть женщины над мужчиной и, одновременно, ее, якобы, самоотверженность и готовность терпеть все «мужские пороки»: алкоголизм, несогласованные с семьей траты общих денежных средств на выпивку и развлечения, измены. Вот лишь небольшой пример из стихотворения Евгения Кусова «Молитва» [Кусов 2009: 58]:

Творец всевидящий и милый,
Смиренья дай мне на года...
Но только не давай мне силы
Прибью ведь гада я тогда!!!

Итак, нами рассмотрен ряд гендерных особенностей малого провинциального города, обнаруженных в ходе полевой работы. Патриархальный гендерный порядок города складывается и самовоспроизводится множеством локальных гендерных режимов, формируя замкнутую экосистему, в рамках которой существует и взаимодействует друг с другом городское сообщество, социализируются новые его члены.

М.В. Ломоносова, А.А. Савельева
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

ЖУРНАЛ «РАБОТНИЦА» 1917–1918 ГГ. СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ П.А. СОРОКИНА

Примечательно, что 100-летие Русской революции 1917 года фактически совпадает со 100-летним юбилеем журнала «Работница». Несмотря на то, что формально несколько номеров журнала вышли в свет еще в 1914 г., именно в 1917 г. произошло возобновление его издания и перерождение в хорошо знакомый многим читателям Советского Союза еженедельный журнал. Однако, не толь-

ко этим обусловлено обращение внимания именно к журналу «Работница».

В своем фундаментальном научном труде «Социология революции» П.А. Сорокин четко формулирует главные характерные черты революции. Помимо ломки политического режима страны и трансформации социального поведения человека, революция приводит к изменению «биологического состава населения, характера селекции, процессов рождаемости, смертности и брачности». Революция меняет состав населения количественно и качественно. В такие исторические периоды роль женщины в обществе приобретает особое значение в свете его потребности в самовоспроизводстве.

В России в начале XX в., одним из важнейших инструментов, позволяющих распространять идеологическое влияние на конкретные группы населения, была периодическая печать. В то время как газеты брали на себя информационную функцию (выходили чаще и несли самую оперативную информацию), прерогативой журналов была их интеграционная роль (у каждого журнала была своя целевая аудитория, на которую он транслировал идеи, формируя вокруг себя единомышленников). Поскольку, во-многом, от роли женщин зависит передача «правильных» (т.е. соответствующих интересам правящей власти) идей новому поколению, то к 1917 г., по сути, каждый журнал был политически ангажирован.

Журнал «Работница» был основан по инициативе В.И. Ленина с целью защиты интересов женского рабочего движения. Его первый номер вышел в свет в Петербурге незадолго до Первой мировой войны, 23 февраля (8 марта по новому стилю) 1914 г. Будучи первым большевистским массовым легальным периодическим изданием, «Работница» играла заметную роль в политическом просвещении женщин и пропаганде большевистской идеологии. В создании журнала участвовали и в разное время являлись членами редколлегии сестра В.И. Ленина А.И. Ульянова-Елизарова, его жена Н.К. Крупская, а также И.Ф. Арманд, А.М. Коллонтай, Л.Н. Сталь, В.М. Величкина (Бонч-Бруевич), профессиональная революционерка Ф.И. Драбкина и др. Уже с первых номеров журнал стал активным органом политического просвещения женщин-работниц.

В 1914 г. вышло в свет семь номеров «Работницы», из которых три сразу же были конфискованы полицией. На пятом месяце суще-

ствования журнала из-за полицейских преследований издание было прервано и возобновилось через три года, уже как еженедельный журнал Центрального комитета РСДРП (б). В период с 10 (23) мая 1917 г. по 26 января (8 февраля) 1918 г. вышло тринадцать номеров тиражом 30–40 тыс. экземпляров. Для сравнения: тираж русского литературно-политического ежемесячника умеренно либеральной ориентации «Вестник Европы» (1866–1918, СПб) – 15 тыс. экз.; тираж литературно-политического журнала, придерживавшегося умеренного конституционализма, «Русская мысль» (1880– 1918, М) – 14 тыс. экз. В то же время до 85–90 тыс. экз. доходил тираж газеты «Правда», органа ЦК и Петроградского комитета РСДРП(б).

«Работница» издается по сей день. Однако это уже совсем не тот журнал, каким он был в 1917 г. Не говоря о столь очевидных отличиях в оформлении и содержании номеров, главным индикатором принадлежности журнала к эпохе революции 1917 г., на наш взгляд, служит язык, которым написаны статьи.

П.А. Сорокин считает изменение речевых рефлексов одним из признаков революции. Он сравнивает их с «термометром» состояния организма и окружающей его среды. Начало революции характеризуется «расторжением» речевых рефлексов – и с количественной и с качественной стороны. Увеличивается доступность и количество способов передачи информации, формируется новый «язык» революции. Использование новых словесных форм распространяется шире сугубо политической сферы. Внедрение в массовое мышление новых понятий имеет важное социальное значение. Язык выступает в качестве специфического социального инструмента. С его помощью происходит легитимация новой власти и дискредитация старой. На примере литературного раздела журнала «Работница» можно наблюдать все эти процессы.

Журнал «Работница» в период Русской революции 1917 г. был рупором Центрального комитета РСДРП (б). Его авторский состав в 1917–1918 гг. состоял из профессиональных революционеров, активисток женского движения, феминисток. В «Работнице» печатались: В.И. Ленин, Б.А. Бреслав (Б. Бреслов), Ф.Л. Захаров (Захар Невский), А.М. Коллонтай, П.Ф. Куделли, З.И. Лилина, К.И. Николаева (редактор журнала), К.Н. Самойлова, Л.Н. Сталь, З. Фабержевич (Т. Гневич).

«Работница» была не просто трибуной для агитационной и просветительской работы, она принимала активное участие в общественной жизни, организовывала митинги и собрания. Свидетельством может служить организованный членами редакции журнала женский митинг 28 мая 1917 г., во дворе здания фабрики Максвел. Ораторами выступали Захар Невский, П.Ф. Куделли, Л.Н. Сталь, Г.И. Бокий и др. Все они призвали работниц к организации, обозначая ее ответственность за судьбу пролетариев всего мира.

«Работница» также поднимала проблемы национального масштаба: безработицы и условий труда на производстве, внешней политики, возможности участия женщины в политике, а также требовала помощи в решении проблем эксплуатации детского труда, детского образования, проституции и пр.

Деформация половых рефлексов – еще один признак революции по П.А. Сорокину. Причины деформации он связывает с господствующей идеологией и её проявлениями в литературе, периодической печати. Так, например, в выступлениях многих лидеров большевизма: В.И. Ленина, А.В. Луначарского, А.М. Коллонтай, З.И. Лилиной-Зиновьевой, не говоря уже о простых большевиках, брак и семья квалифицировались как буржуазное суеверие, как проявление «собственнических инстинктов» капитализма. Кроме этого, в процессе революции происходит *«изменение законов о браке и разводе»*, что является одним из её важных признаков. Декрет от 20 декабря 1917 г. ввел такую свободу развода, что брак мог считаться расторгнутым просто по заявлению одного из супругов. Этот декрет предоставил, с точки зрения П.А. Сорокина, полную свободу в вопросах заключения брака и развода, тем самым, представляя собой способ легализации случайных половых связей. Процесс «роста половой вольности» во время революции захватывает детей и молодежь; растет число изнасилований (особенно в областях, охваченных гражданской войной); происходит колоссальный рост проституции.

Революция 1917 г. подорвала институт семьи. Однако по мере стабилизации жизни в стране после революционных потрясений происходит реставрация фундаментальных социальных институтов, к которым в первую очередь принадлежит семья. П.А. Сорокин, внесший огромный вклад в объективное изучение революции,

доказал, что именно семья играет самое важное место в жизни не только отдельного человека, но и в судьбе народа. Уже в 30-е годы 20 в. журнал «Работница» практически полностью изменит редакционную политику в отношении публикаций на тему «семейную», что ещё раз подтвердит выводы П.А. Сорокина по поводу основных характеристик революционного процесса.

О.М. Морозова

Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет

МОДЕЛИ МАСКУЛИННОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ YOUTUBE

Явлением сегодняшнего дня стала широкая популярность Интернет-блогов, которые заменяют собой другие каналы коммуникации и информации, становятся доминирующей формой досуга, замещают другие инструменты социализации и даже воспитания. Интернет-пространство стало чуть ли не доминирующим фактором развития личности тинейджера, оттеснив семью и школу. В последние несколько лет на смену текстовым блогам уверенно приходят видеоблоги, дополнительно стимулируя переход к поколениям визуалов. Складывается новая медиа-элита, а вместе с ней и новая конфигурация отношений между авторитетами и молодежной средой. У самых популярных видеоблогеров ежемесячный прирост новых подписчиков составляет до 20 тыс. в день, а общее число подписчиков (фолловеров) может достигать нескольких миллионов человек. Видеоблогеры – не просто медийные персоны, или селебрити, они – лидеры мнений, и могут легко влиять на сознание своей аудитории: управлять ее настроением, определять отношение к тем или иным вещам, формировать предпочтения и привычки, т. е. управляющие смыслы.

Исходным моментом исследовательского интереса к видеоблогосфере стала работа со студентами вузов, в ходе которой была выявлена отличающаяся, сугубо молодежная интерпретация событий в блогосфере, а также зависимость их суждений от мнения, высказываемого «лигерами» (блогерами, фанатами которых они являются).

Основная масса нынешних фанатов YouTube, Instagram, Подкаста и пр. – это поколение рожденных в 1994–2002 гг. (демографической «яме» 1990-х). Оно вобрало в себя эхо нескольких кризисов разнообразной этиологии и первым приняло на себя новую волну четвертой информационной революции. Свои коммуникации оно выстраивает на основе цифровых технологий и мобильных устройств. В теории поколений такая молодежная группа именуется поколением Z. Его ценности и восприятие мира сильно отличаются от старших поколений. Культурный разрыв между подростками и юношеством, с одной стороны, и поколением 40-летних и даже 30-летних родителей, с другой, становится все критичнее. При этом крайне важен тот факт, что поколение их родителей, находясь в том же возрасте, приняло на себя удар социально-политических трансформаций постсоветского общества. Они оказались в нулевом пространстве, когда старые стандарты и модели поведения и жизнеустройства уже не работали, а новые еще не сформировались. На протяжении всего активного возраста они в массе своей находятся в состоянии неустойчивого равновесия, подвергаясь опасности сваливания вниз. Их дети не могут наследовать от них надежные, апробированные хотя бы одним поколением жизненные стратегии. Как следует из результатов опроса, родители занимают две крайние позиции по отношению к планированию их будущего: или настаивают на использовании их личного опыта (сейчас, как никогда, высока доля династий в разных сферах занятости), или вообще уклоняются от каких-либо рекомендаций, полагая, что не могут дать детям адекватных советов. В любом случае высока вероятность поиска этим поколением других авторитетов и ориентиров.

До 12-летнего возраста современный ребенок воспринимает ценности традиционно, через семью и школу, как и многие поколения до него. Но использованию этих идеальных образов в реальной жизни он научается уже в другой среде. Ценности объединяются различными смыслами, которые воспринимаются из среды сверстников, где особую роль играют видеоблогеры – ровесники собственных фанатов. Первый и наиболее привлекательный для фолловеров образ – «симпатичный парень». Это – атрибуция подростковой влюбленности, когда нередко эмоции важнее, чем сам объект

симпатии. Объектом привязанности становится блогер с вполне определенным набором качеств. В этом случае непременно требуется миловидная внешность, умение много, складно и желательно остроумно говорить, и для полного пакета – музыкальность и умение петь. Этакой герой вечеринки. Ивангай, или EeOneGuy, наиболее полно соответствует формату этого типажа в русскоязычном YouTube. Он соответствует представлениям девочек-подростков о красоте, а кроме того ряд зарубежных тинейджерских кумиров (Грегори Лемаршаль, Джастин Бибер) актуализировали моду и запрос на юношей подобного типа.

Пощечина общественному вкусу, предлагаемая зрителю YouTube, уже не такая как во времена В. В. Маяковского. Теперь непонятнее иероглифов литературный русский язык, а с парохода современности сбрасывают правильные ударения, сложносоставные фразы и 90% словаря С.И. Ожегова. Ненормативная лексика становится частью узнаваемого образа (как у Макса Голополосова). Обыгрывание тем и ситуаций, которые обычно вызывают брезгливость, избрано блогером под ником RED21. Это визуализация в цифровом пространстве обычных для подростков экспериментов с порогом дозволенного. Музыкальные вариации на темы «ниже пояса» составили имя Ильичу (Илье Прусикину). Став взрослее, он уже экспериментирует с образами мыслителя-аналитика и немного эпатирующего музыканта, примерно в той же степени что и Мик Джаггер или Курт Кобейн.

Пространство Интернета настолько велико, что в нем находится место и для хороших мальчиков, из хорошей семьи, с хорошим образованием, работающих над улучшением общества. Таких не может испортить даже жанр пранка (розыгрыша, социального эксперимента). Пранкеры разыгрывают добропорядочных граждан не смеха ради, а из стремления врачевать общественные язвы, извлекая их на свет божий с тем, чтобы обыватель ужаснулся собственной же глупости или бездушию. Питерский блогер Николай Соболев из социальной и нравоучительной плоскости перешел в сферу политики, способствуя тем самым политизации и своей аудитории, которая вместе с ним, 23-летним, обращается к широким общественным проблемам. Если судить по содержанию комментариев к видеороликам, его зрители отнеслись к изменению жанра по-

разному. Лента комментариев наполнилась дискуссиями. Часть аудитории возражает против предлагаемых блогером готовых ответов, другая, наиболее преданная – ставит лайки, которых под наиболее спорными роликами в пропорции 20:1 по отношению к дизлайкам. И, тем не менее, статистика его канала показывает снижение интереса к его деятельности в последнее время – с марта 2017 г. Дальнейшая тенденция объяснит почему.

Ряд блогеров явно тяготеют к схеме общения со своей аудиторией, которая описывается положениями теории «интеллектуальной сети» Р. Коллинза, согласной которой такого рода возникающие сообщества представляют собой «невидимые колледжи», в которых возникают отношения по принципу «учитель – последователи».

Для взрослеющих мальчиков особой притягательностью пользуются брутальные образы настоящих мачо. Амиран Сардаров (канал «Дневник Хача») ведет, как правило, задушевные разговоры о том, как себя вести с девушками, с друзьями и не-друзьями, в сложных ситуациях и в обычной жизни. Это серьезный мужской разговор в парадном подъезде. Перенесенная в виртуальный мир пацанская инициация.

Интернет-пространство культивирует инстинктивно-гормональные формы поведения. Каждый тинейджер-зритель YouTube импрессионист в том смысле, что лимбическая система (инстинкты и гормоны) у него превалирует над неокортексом (рассудочным, социальным). Здесь и таким способом биологическое закрепляется социальным.

Т.Б. Щепанская

*Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии
им.Петра Великого РАН*

ФОРМУЛЫ МОБИЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: ГЕНДЕР И КОНТРОЛЬ В ПОТОКЕ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Мобильное неравенство, т.е. неравенство доступа к возможностям и средствам мобильности, становится особенно актуальным в условиях общества, в котором все в большей степени власть и социальный контроль, высокий статус и вознаграждение зависят от передвижений. Исследователи говорят о формировании мобильной элиты в обществе, по выражению Дж. Урри, переживающем «мо-

бильный поворот». Мобильность становится важнейшим ресурсом и знаком статуса – тем более заметны практики исключения и конкурентной борьбы за этот ресурс.

В этом сообщении я рассматриваю среду российских автомобилистов, в которой исключение по гендерному признаку все еще остается весьма актуальным. Материалом послужил анализ постов в интернет-сообществе петербургских водителей Spb-auto в Живом журнале, где сообщения на темы гендерного неравенства институционализированы введением специального тега (метки) « Тысячелетие шовинизма – Борщ». Я выбрала посты по этому тегу, размещенные в период с 28 апреля 2014 г. по сегодняшний день (15 мая 2017 г.), т.е. за последние три года.

Я ставлю две цели. Первая: выявить дискурсивные конструкты мобильного неравенства по гендерному признаку, обращая внимание на лексику и фразеологию, а также смысловые конструкции, лежащие в основе легитимации гендерного неравенства участников дорожного движения. В некоторых случаях речь идет прямо о формулах исключения, например, таких: «...женщина – существо за рулем крайне неадекватное. И силушку к ним не применить и ругать в лицо нельзя. Мы их терпим и материмся себе под нос. Я с бабами на дороге не связываюсь. И конечно их место дома: дети, борщ, телефон»; эта формула исключения, легитимированного отсылкой к «домашним обязанностям» женщины, видимо, настолько обычна, что отражена и самой метке (Борщ). Моя задача – проанализировать набор формул и легитимаций исключения, которые я рассматриваю как выражение власти – неформальной, но вполне ощутимой. Анализ обсуждений позволяет выявить и формулы сопротивления – часть водителей, как женщин, так и мужчин, выступает против формул и практик исключения, иногда требует смягчить высказывания, заступаясь за жертву в конкретной ситуации, – но до деконструкции собственно власти и права контроля по отношению к женщине дело, конечно, не доходит.

Вторая цель связана с анализом распределения контроля правил дорожного движения и их соблюдения в реальной практике движения в потоке. Рассматривая поток как временное, ситуативное сообщество участников движения, я выявляю правила, на которые ориентируются участники – выясняется, что это не только официально

утвержденные Правила дорожного движения (ПДД), но и еще ряд неформальных норм, которые в ряде случаев дополняют, а иногда – противоречат ПДД. Кто устанавливает эти правила? Как они обосновываются? Как и кем обеспечивается их соблюдение? Эти неформальные правила часто обсуждаются в постах с меткою «Тысячелетие шовинизма-Борщ», что означает включение проблематики нормативности и контроля в дискурсивные рамки гендерного неравенства/исключения.

Посты с осуждением женщин и приписываемой им «женской манеры вождения» (по определению неправильной) практически во всех случаях превращаются в коллективное осуждение, с редкими возражениями. Выделяется целая группа сообщений с осуждением водителя женщины за то, что она двигается по правилам дорожного движения (например, соблюдая скоростной режим, не превышает скорости в 60 км/час), создавая помеху тем, кто намерен двигаться с большей скоростью (+20 к разрешенной, за которые не штрафуют, и еще выше – в зонах, где нет техники фиксации нарушений). Дружно осуждая тех, кого они стигматизируют как «соблюдунув», участники обсуждения фактически устанавливают свои правила (нормальная езда +20, либо столько, сколько «позволяет дорога») вместо ПДД. При этом нарушителем признают не того, кто нарушает ПДД, а того, кто их соблюдает, вопреки провозглашаемому неформальному обычаю: «там где можно легко ехать 80 они крадутся 50 и постоянно сбавляют до 40. зато когда обгонишь-резанешь-по тормозам не понимают в чем дело, машут руками. а потом наверное рассказывают что на дорогах одни дебилы, которые ездить не умеют))))», – пишет один из комментаторов, обосновывая свое право «наказывать» соблюдающего установленный ПДД скоростной режим. И, как в приведенном примере, те, кто устанавливают неформальные правила, претендуют и на осуществление контроля их соблюдения, вплоть до санкций, создающих прямую угрозу безопасности движения.

Право устанавливать правила передвижения в потоке, в том числе альтернативные ПДД, а также осуществлять контроль их соблюдения, вплоть до силового – присваивает себе мужская часть водительского сообщества. Женщины же часто становятся объектом осуждения как нарушительницы этих неформальных правил

(даже в тех случаях, когда они движутся в соответствии с ПДД). Коллективное недовольство в обсуждениях «женщин за рулем» – форма осуществления дискурсивного давления с целью перемещения их в зону контроля, осуществляемого группой, неформально доминирующей и консолидированной по гендерному признаку. Так формирование альтернативного ПДД нормативного комплекса способствует вытеснению женщин, ориентирующихся на ПДД, в область, маргинализируемую этой неформальной группой, формирующей доминирующий дискурс. Стигматизируются как мужчины, так и женщины, не умеющие или отказывающиеся соблюдать неформальные правила. Однако, именно к женщинам претензии выдвигаются в первую очередь: «Нет, ну есть и мужики подобные, но от "правильных" баб, это раздражает...». В этом случае стигматизация подкрепляется гендером – гендер (женский) становится ее дополнительным маркером.

«В борьбе обретешь ты право свое...»: законы и их исполнение как путь обретения силы

И.А. Устинова

Москва, Институт российской истории РАН

СВОДНЫЙ ИСТОЧНИК О БРАКАХ В РОССИИ В XVII В. И ЕГО ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Исследование истории брачности на Руси является одним из динамично развивающихся направлений в современной историографии. При этом одной из наиболее актуальных задач в отношении XVII в. становится поиск новых источников по данной проблеме.

Интересную страницу в истории брачности XVII в. открывают приходные книги Патриаршего Казенного приказа. Корпус книг за весь век сохранился хорошо, лишь с незначительными лакунами. В приходные книги приказа заносились сведения о поступлении данных денег с церковью Патриаршей области, а также «неокладные доходы» с них же. Неокладные доходы – пошлины с выдачи похоронных, «почеревых» (за рождение ребенка вне брака) и венечных пошлин. Книги являются сводным документом, куда в географическом порядке заносились данные с каждой из десятин Патриаршей области. Сведения о неокладных доходах фиксировались в конце раздела по каждой десятине. Самостоятельный раздел в конце книги посвящен венечным пошлинам, собранным в Москве в патриаршей Тиунской избе.

Патриаршая область в XVII в. – самая крупная епархия русской церкви. В ее состав входили 42 города с уездами, а также церкви на землях крупнейших монастырей-вотчинников – Троице-Сергиева и Костромского Ипатьевского. Население этих земель – прихожане церковью Патриаршей области (более 2800 церквей), и, следовательно, в подавляющем большинстве они там были крещены, венчаны и отпеты. Таким образом, записи о сборе венечных пошлин в приходных книгах Патриаршего Казенного приказа представляют собой наиболее массовый источник по истории брачности в России XVII в.

Уникальные сведения о заключенных браках в книгах дифференцированы: в записях о сборах венечных пошлин выделены группы с «отроков» (первобрачных), двоеженцев и троюженцев. Записи отражают и годовую смену брачных периодов между четырьмя постами – январь-февраль, апрель-июнь, сентябрь-ноябрь.

Рассмотрим структуру брачности на примере данных книги 1640/41 г. Общее количество бракосочетаний на территории епархии за этот год – почти 10 тысяч. С точки зрения методики подсчета данных о браках важно учитывать, что пошлины поступали в два приема: за вторую половину предыдущего года (как правило, за период с января-февраля по июль-август) и первую половину текущего (с сентября-октября по январь-февраль). Нередки и оплаты за весь предшествующий год или записи без указания на период года, за который внесены пошлины. Данные за оба года (1639/40 и 1640/41) в книге 1640/41 г. неполны, поскольку значительная часть пошлин за 1639/40 г. поступила и зафиксирована в книге предыдущего года, а остаток поступлений за 1640/41 г. пришелся на следующие 1641/42 и 1643/44 гг. Браки 1639/40 г., пошлины с которых поступили в 1640/41 г., составляют треть от общего количества. Итоговая цифра включает в себя только браки, совершенные в 1639/40 и 1640/41 гг., сведения о которых зафиксированы в приходной книге. В общий итог не вошли сведения по десятинам Торопецкой, Оскольской, Валуйской, а также по Карашской волости, селам Горице и Стоянец – с них сборы в 1640/41 г. не поступали. Кроме того, с отдельных церквей венечные пошлины поступили уже в последующие годы, однако их количество незначительно. Всего в рассматриваемый период зафиксировано поступление венечных пошлин с 9921 брака (2849 браков по сбору за 1639/40 год и 7072 брака за 1640/41 год). Из этого количества первых браков было заключено 7752 (78,1 %; 2224 за 1639/40 и 5528 за 1640/41), вторых – 1885 (19 %; 533 за 1639/40 и 1352 за 1640/41), третьих – 284 (2,9 %; 92 за 1639/40 и 192 за 1640/41).

Соотношение количества первых и последующих браков по данным на 1639/40 и 1640/41 гг. идентично. Доля вторых и третьих браков достигает 25 %. Аналогичные данные получены М.С. Черкасовой по Вологде с уездом 1620–30-х гг., волости Красный бор Ростовской митрополии в 1660-е гг.

В некоторых десятинах картина отличалась от общего соотношения первых, вторых и третьих браков по Патриаршей области: так, вторые и третьи браки в Дмитровской десятине составили 44 %. Своеобразную картину дают брачные показатели Москвы, где почти 70% браков оказались вторыми, около 20% – третьими и лишь 10 % – первыми. По данным приходных книг Патриаршего Казенного приказа 1640-х гг. в Москве в этот период в среднем заключалось около 500–600 браков в год, и все они дают аналогичную картину. Объяснение этих особенностей требует дальнейшего исследования и привлечения сравнительных данных по другим крупным городам и епархиальным центрам (Новгорода, Ярославля и др.). Возможно, специфика московской брачности объясняется необходимостью получать разрешение епархиального архиерея (которым в Патриаршей области являлся сам глава русской церкви) особенно в спорных случаях, за которым лицам, вступающим во второй и третий браки, приходилось являться в Москву.

Документы патриаршего приказного делопроизводства содержат уникальные по общему и территориальному охвату данные о заключении браков в России в XVII в. С другой стороны, в силу своего обобщающего характера они не имеют деталей – причин вступления в повторные браки, соотношение вторых и третьих браков для мужчин и женщин, сведений о разводах (эти вопросы решал Патриарший Разрядный приказ, архив которого практически полностью утрачен). Дальнейшее изучение этого вопроса требует сравнительного анализа сводных источников с корпусом частных челобитных, книг поповских старост и т.п. документов.

О.А. Козлова

Москва, Институт этнологии и антропологии имени РАН

СПЕКТР ПРАВ ЗАМУЖНЕЙ И ВДОВСТВУЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ И ПОВСЕДНЕВНОМ БЫТУ В РОССИИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Положение женщины в обществе и спектр её юридических прав относительно места в семье и социуме по сей день вызывает немало дискуссий, находя отражение в научных исследованиях. Исторический интерес и научную актуальность в сфере этих вопросов

имеет период второй половины XVII – начала XVIII в., когда накануне и во время петровских преобразований вместе с изменениями, происходившими в обществе, изменились положение и правовой статус женщины.

Россия накануне петровских преобразований представляла собой типичное патриархальное государство, в котором женщина, несмотря на исполняемые ею роли жены и матери семейства, являлась стороной, полностью подчинённой мужчине (мужу) и зависимой от него. Подобное положение женщины нашло своё отражение в исторических источниках того времени, когда в законодательных актах в случаях установления наследственных прав и имущественных обязательств мужчина фигурировал как доминирующая персона, а женщина – как подавляемая и подчиняющаяся единица.

Фактически главным имущественным гарантом прав женщины в семье, в которую она вышла замуж, являлось её приданое, т.к., чем более богатое и многочисленное приданое она приносила в свою новую семью, тем большим авторитетом обладала в глазах новых родственников. Именно по этой причине практичные отцы семейств, выдавая замуж своих дочерей, стали составлять описи приданого имущества, дабы в будущем обезопасить своих чад от возможных имущественных претензий со стороны родни мужа и обеспечить дочерей всем необходимым, дабы те в дальнейшем не могли претендовать на имущество своих братьев, которое полагалось оставить в наследство. Особый исторический интерес в этой сфере могли составлять брачные сговоры, порой составляемые между семьями, особенно если речь шла о союзах, заключаемых в привилегированных сословиях.

Безусловно, женщина, вступившая в брак с подобным гарантом соблюдения её прав в новой семье, как богатое приданое, рассчитывала на большее уважение у родни супруга и возможность активного участия в жизни семьи и общества, чем бесприданница, однако даже тогда она оставалась стороной зависимой, чью жизнь и положение в обществе в полной мере контролировал муж – фактический и юридический доминант, обладающий всеми правами, которыми наделяли его общество и государство.

Однако в сфере зависимого положения русской женщины в обществе накануне и во время петровской эпохи вызывает непод-

дельный исторический интерес тот факт, что женщина одновременно с подобным зависимым положением могла наследовать имущество супруга, получать на «прожиток», распоряжаться полученным имуществом по своему усмотрению. Такая юридическая практика находит отражение в законодательных актах того времени, с уточнением того, что практически во всех таких случаях женщина должна быть вдовой.

Юридическое оформление лояльного отношения к женщине в обществе, когда вдове и её детям должны быть прощены долги умершего мужа, начинается во время регентства Софьи Алексеевны, а продолжается при Петре I, когда будущий император позаботился о состоянии семьи овдовевшей женщины и её детей, назначая необходимые им социальные выплаты.

Женщина замужняя в контексте собственных юридических прав в указанную эпоху являлась ведомой: её права защищал и обеспечивал муж, который по закону являлся официальным представителем в социуме своей семьи в целом и жены – в частности. Женщина вдовствующая свои права отстаивала самостоятельно, при этом её статус вдовы подкреплялся юридическим контекстом и спектром религиозных и этнических предрассудков, берущих начало из дохристианских и раннехристианских времён.

Следует отметить, что женщина-вдова, не имеющая детей, была уязвимее в социальном и правовом контексте нежели чем овдовевшая мать (независимо от возраста её детей). Бездетные вдовы, согласно законодательству, обязывались по смерти вернуть имущество мужа его родне – братьям, сёстрам, племянникам или детям от первого брака, если таковые имелись. Явное ущемление прав вдовы в отношении получения ею наследства прослеживалось в том случае, что она не могла получить вотчину, данную её мужу или его предкам (в случае её бездетности) государем, если супруг даже оставлял в её пользу духовную грамоту или завещание. Подобные документы признавались недействительными, и вдова по смерти мужа могла ограничиться лишь упоминаемым выше прожитком, но не стать владелицей всего имущества в целом.

В случае, если женщина становилась не просто вдовой, но ещё и опекуном несовершеннолетних детей, спектр её юридических прав расширялся, что вновь находило место в законодательных ак-

тах. Овдовевшая мать представляла свою семью в обществе в контексте юридических и социальных прав, выполняя функцию отцовладьяки, при этом дети при поддержке государства пользовались широким спектром прав, в том числе и наследования имущества, под присмотром и опекой матери (или мачехи, если жена отца не являлась им родной).

Таким образом, прослеживая основные сходства и отличия юридического положения замужних и овдовевших женщин в российском обществе допетровского и раннепетровского времени, можно прийти к следующим выводам:

1. И замужние, и овдовевшие женщины в контексте социальных воззрений общества нивелировались как личность. Замужние женщины рассматривались как жёны и матери семейств, но не самостоятельные индивидуальности, что выражалось в представлении их интересов мужьями, обесценивая и принижая роль женщины в семье и обществе, превращая женщин в «слуг» и «рабынь» своих мужей, что объяснялось засильем патриархальных домостроевских канонов, актуальных даже во второй половине XVII в. Женщины-вдовы теряли свою гендерную значимость в глазах общества, становясь в восприятии социума «мужчинами», домовладыками, поскольку их функционал со смертью супругов менялся до противоположного, когда вдовствующая женщина представляла юридические интересы и права своей семьи в глазах общества и в повседневной бытовой жизни.

2. Замужняя женщина, будучи подчинённой юридическому и повседневному доминированию мужа, была отстранена от социальной сферы жизни общества, ограничивая свою деятельность повседневным обиходом. Вдовствующая мать семейства, имея детей, получала более широкий спектр своих юридических прав, обязанностей и возможностей, отличавшийся от её положения во время нахождения в браке, что объяснялось её представлением детей в социуме и тем, что в глазах общества вдова получала юридические права и привилегии умершего мужа. Бездетная вдова была более ограничена в правах, но в силу сохранявшихся патриархальных устоев и религиозных пережитков сохраняла часть своих прав и юридической независимости.

Данная сфера юридического положения прав и обязанностей русской женщины в указанную эпоху, её роль в формировании общества нуждается в дальнейшем исследовании и представляет несомненный научный интерес.

М.С. Светличная

Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге

ТАКТИКИ ПОДДАННЫХ ПРИ ОБРАЩЕНИИ В КАНЦЕЛЯРИЮ ПО ПРИНЯТИЮ ПРОШЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ ПРИНОСИМЫХ, 1880-е–1890-е гг.

Прошение в Российской империи было обычной нормой, которая охватывала всю систему управления, от подданного до монарха, включая все ведомственные и территориальные уровни. Прошение, с помощью которого автор обращается в смиренном тоне к правителю, артикулируя веру в его царское могущество – одобряемое властью выражение взаимоотношений между подданным и правителем в патерналистском государстве. Существовал и официальный способ подать жалобу или прошение о милостях на имя императора через специальное учреждение по принятию прошений, которое в 1880-е – 1890-е гг. носило название Канцелярии по принятию прошений на Высочайшее Имя приносимых (далее Канцелярия). Причины для обращения в Канцелярию прошений у жителей Российской империи было множество: от просьб о пенсиях, пособиях и разрешении споров до просьб подарить красное яичко к пасхе или прочесть написанные по случаю выздоровления императора стихи. Следует отметить, что в соответствии с законодательством некоторые вопросы, например, узаконение или усыновление детей, получение отдельного вида на жительство и исключительных прав на опеку детей решались только по прошению в Канцелярию.

В связи с тем, что механизм принятия решения в Канцелярии был запутанным, четко нерегламентированным, правила рассмотрения прошений зачастую обходились, подданные стремились использовать традиционные, понятные тактики поручительства и правильного позиционирования. Такие тактики, как стремление заручиться поддержкой значимого лица для Канцелярии, указать

хотя бы на минутное знакомство с императором или членом императорской семьи, отправить несколько прошений разным лицам в Канцелярии и выбрать нужный тон обращения в зависимости от адресата говорят нам о недоверии к бюрократической процедуре подачи прошения через Канцелярию и желании проконтролировать и хоть как-то повлиять на процесс.

В правилах подачи прошений в Канцелярию был прописан запрет на то, чтобы писать прошение кому-либо другому лицу кроме императора, но несмотря на это, авторы прошений часто прибегали к возможности обратиться напрямую к ответственным лицам в этом учреждении. Так, в ноябре 1882 года дворянка А. Баевская обратилась одновременно к начальнику Комиссии по рассмотрению прошений, статс-секретарю С.А. Долгорукому, где указала, что «я на законном основании подала прошение на ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ, прося о единовременном пособии имея взгляд на прослуженные лета мужа моего. Я подала прошение в сентябре, за № 11470, и до сих пор не имею резолюции. Светлейший Князь взгляните <...> и будьте так милостивы благоволите успокоить нас Монаршей милостью на мое прошение: ибо я с сиротами в страшных нуждах». В тот же день она написала начальнику канцелярии К.В. Шнейдер: «Будучи в Петербурге, я насмотрелась на Ваши порядки и решительно знаю, что от Вашего Превосходительства доклада зависит участь просителей». Подписи для каждого адресата она выбрала тоже разные – в прошении к статс-секретарю подписала свое прошение следующим образом: «Имею честь оставаться Светлейший Князь Покорнейшая слуга Потомственная дворянка Анна Павлова Баевская», а директору – как «покорная слуга А. Баевская». Подчеркивание в первом обращении своего высокого социального статуса и его сознательное не упоминание во втором обращении можно объяснить тем, что эти обращения имели разные цели – в случае с прошением к статс-секретарю важно было обозначить свое привилегированное право и значимость, а при обращении к директору как человеку, контролирующему делопроизводство, важнее было дать ход своей просьбе. Следует отметить, что практика обращения к первым лицам с просьбами была распространена и в других ведомствах и является типичной для взаимодействия между властью и подданными.

Вторая группа связана с риторическими тактиками в самом тексте прошения: использование набора социально одобряемых образов и черт характера; присоединения к адресату, наделение адресата определенными качествами в зависимости от темы прошения. В качестве аргументации приводились не законные, а иррациональные основания, апелляция к чувству при формулировании просьбы. Нужный образ выбирался в зависимости от случая и описывались положительные качества и действия этого образа. Наравне с общими для всех просителей тактиками, такими, как присоединение к адресату, выражение почтения и любви, трудолюбию и набожности, просители также опирались на сугубо «женские» и «мужские» добродетели. Определяющей была патерналистская модель, выражавшаяся в образе родителя, обращающегося к детям, мужа к жене, императора к своим поданным. В качестве аргументации приводились не законные, а иррациональные основания, апелляция к чувству при формулировании просьбы. (немногочисленные исключения лишь подчеркивают эту тенденцию).

Женщины в конце XIX века были исключены из деятельного мира мужчин, их набор социально одобряемых образов и черт характера был ограничен «патриархальной триадой», поэтому, обращаясь к ним с просьбой, им приходилось играть «на чужой территории». Но были и исключения. Так, в прошении о возобновлении работы табачной фабрики просительница выступает не только женой и матерью, но и хозяйкой, управляющей торговым предприятием: «Муж мой уже 4 года не занимается делами, предоставив ведение их мне. Я воспитываю сына в гимназии, и он подлежит отбытию воинской повинности, а, следовательно, не может быть полезным мне в торговых делах. Таким образом, я остаюсь единственной кормилицей нашего семейства и почтительнейше прошу Ваше Сиятельство для поддержания моей женской деятельности снова открыть фабрику нашу».

Таким образом, мы видим, что первая группа тактик просителей просматривается вне текста прошения, она включает в себя обращение к разным лицам, принимающим решения в Канцелярии, правильное обозначение себя (подпись в зависимости от того, к кому обращается и с каким вопросом), подключение влиятельных связей, повторное напоминание о своем прошении.

Ю.Н. Сушкова

*Саранск, Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева*

РАЗВОД В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ МОРДВЫ

Расторжение брака у мордвы (мокш. «явфтома», эрз. «явома») было явлением очень редким, даже исключительным. «Семейные узы у них крепче, чем у русских», – писал В. Рагозин. «Разводов никогда не было. Пока жена не умрет, на другой муж не женился». Принципы соблюдения жестких требований к выбору супругов; обязательность участия родителей в принятии решения о браке и согласование его с советом родственников, сложный, насыщенный многочисленными обрядами свадебный процесс – все это обуславливало нерушимость брачных уз. В одной мордовской поговорке говорится: «Кинь марто венец алат, сень марто седе малат» (эрз.), что в переводе на русский язык означает: «С кем под венец пойдешь, с тем и век свой проживешь».

В народном мировоззрении расторжение брака считалось безнравственным и глубоко предосудительным актом. О невозможности его расторжения свидетельствуют мордовские песни, в которых парень просит своего бога «забрать нерадивую жену», ибо «постель постелит для эрзянского парня – жесткая», «изголовье положит – низкое», «хлеб испечет – пресный».

В силу того что развод глубоко порицался односельчанами и родственниками, обычное право почти не знало тех или иных обрядов, знаменовавших прекращение семейных отношений. «Развода, как формального акта, сопряженного с той или иной обрядностью, у мордвы, как язычников, так и православных, не было», – писал М.Е. Евсеев. Фактически единственным письменным свидетельством совершения мордвой обряда, юридически констатировавшего расторжение брака, является сообщение И.-Г. Георги о том, что мордвин, подобно представителям «языческого суеверия» черемисам, вотякам и вогуличам, в случае полного недовольства своей женой разрывал ее покрывало, тем самым уничтожая созданный между ними супружеский союз.

Отсутствие формального института расторжения брака не исключало действительного, хотя и редко случавшегося распада семьи. Практически совершаемые разводы так или иначе форми-

ровали представления о способах и основаниях признания брака прекращенным. Так, универсальным способом расторжения брака у мордвы был добровольный или вынужденный уход из семьи одного из супругов (мокш. «тума», эрз. «туема»). «Такие разводы бывают или по обоюдному согласию сторон, или по почину одной из них. Когда развод производится по обоюдному согласию сторон, в него никто не считает себя вправе вмешиваться. Нам передавали, что даже волостной суд нисколько не стесняется дать свою санкцию акту, которым расходящиеся супруги определяют условия, на которых они расходятся и дают взаимные обязательства не вмешиваться больше в дела друг друга», – писал А. Кипарисов.

Если же паче чаяния развод все же происходил, то права женщины защищали преимущественно отец или брат, а в определенных случаях и община. Объясняя редкость ухода жены от мужа, М.Е. Евсевьев отмечал, что мордва не просто осуждала такие поступки, но и в любой момент старики были вправе вернуть ушедшую жену назад к мужу. Сельский суд иногда восстанавливал сожительство, если не находил уважительных причин к его расторжению, особенно в случае, когда жена убегала от мужа. Если же суд признавал существование таких причин, то не стеснялся укрепить развод своим решением, хотя бы другая сторона не была на то согласна.

В силу договорной сущности брака девушка, обладавшая собственностью, главным образом приданым, в определенных случаях, когда жизнь становилась невыносимой, при крайне жестоком обращении с ней ее мужа или при стечении каких-либо иных обстоятельств, была вправе вернуться вместе со своим имуществом назад к родителям. Такой случай «ухода» нашел отражение в челобитной от 14 июля 1696 г. патриарху Адриану Краснослободского присуда деревни Сураев Починок новокрещена Я. Стефанова на Я. Казеева, в которой говорилось, что жена Якушки Стефанова Марка под предлогом ухода в гости сбежала к своему брату Якову Казееву и больше к мужу не вернулась. Судя по челобитной, брат как глава семьи, проникнувшись тягостным положением сестры в доме мужа, решил избавить ее от страданий, оставив жить у себя. Аналогичный пример ухода жены от мужа содержится в деле 1794 г. о

крестьянке Настасье Терентьевой, «бежавшей от своего мужа» крестьянина из села Большие Ижморя Керенского уезда Пензенской губернии Давыда Афанасьева.

Старожилы мордовских сел, впрочем, рассказывали, что хотя женщина и была вправе вернуться к родителям, она этого практически не делала, дабы «сохранить честь рода». Традиционно считалось, что после вступления в брак, отделившись от родителей, все тяготы и трудности супружества мордовские девушки должны были выносить самостоятельно, не прибегая к помощи близких. Практически не было случаев, когда бы замужняя женщина жаловалась своим родителям, поскольку это противоречило традиционным принципам межличностного отношения, в том числе брачно-семейного. Клеймо «ушедшей» жены, по существу, становилось непреодолимым препятствием для вступления в новый брак. Мордовская пословица гласит: «Что напряла, то и тки, за кого вышла, того и знай (люби)».

За помощью к матери и отцу женщины прибегали лишь в крайних случаях. Но даже и в такой ситуации родители, как правило, возвращали их назад. Не меньшими трудностями сопровождалось инициирование развода со стороны мужчины, о чем ярко свидетельствуют фольклорные источники. Например, мордовские пословицы гласят: «Кальдяв авась тежда мумс, да стака эздонза тумс» («Плохую жену легко найти, да трудно от нее отвязаться»), «Кальдяв авась аф паневи, сядонга пях аф ваневеи» («Плохую жену не выгонишь и ей не угодишь»).

Основанием для расторжения брака, инициатором которого преимущественно выступал мужчина, было отсутствие детей. В связи с возможностью бесплодия у мордвы в качестве разновидности брачных контрактов иногда практиковалось заключение пробных браков.

Институт развода не получил широкого обычно-правового развития. К фактическому расторжению брака супруги прибегали, как правило, в самых сложных семейных ситуациях, причем и в этих случаях статус «разведенного» был большим позором для семьи и всего рода. В то же время распад супружества при определенных обстоятельствах все же считался возможным.

ДЕЛО О ТРЕТЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРЕТЕНЗИИ П.М. МИКЛАШЕВСКОГО К В.И. ДМИТРИЕВОЙ

Университетский суд был учрежден Указом Сената от 22 декабря 1757 г., его юрисдикция распространялась на преподавателей и студентов Московского университета. Уставы российских императорских университетов 1804 г. включали специальный раздел XIV «О суде университетском». Суд имел три инстанции: первой был ректор, второй – университетский суд, третьей – университетский совет, и последний был высшей университетской судебной инстанцией. В эпоху Николая I университетское законодательство было пересмотрено, и Уставом 1835 г. университеты были лишены специального суда, что следует рассматривать как сужение автономии. Устав 1863 г. восстановил университетский суд, но его компетенции были ограничены только рассмотрением проступков студентов и не совсем понятны современникам. Так Ф. Космачев писал, что нельзя было «составить точного понятия о характере этого суда, об объеме его юрисдикции... и определенных границах его в столкновениях с общим уголовным судом...». В Уставе 1884 г. суды вообще не были прописаны, однако продолжали существовать в виде третейских судов по рассмотрению проступков студентов.

Третейское заседание суда, рассматриваемое в данном исследовании, представляет интерес в связи с участием в нем в качестве обвиняемой женщины – В.И. Дмитриевой. Дело рассматривалось 5 и 6 марта 1892 г. профессорами В.И. Семевским, В.А. Манасеиным (находившемся в отставке) и Н.И. Кареевым. Каждая из сторон имела возможность выбора члена третейского суда. М.П. Миклашевский и А.Г. Мягков в качестве своего представителя выбрали д.и.н., профессора В.И. Семевского, В.И. Дмитриева остановила свой выбор на докторе медицины, профессоре В.А. Манасеине. Члены суда избрали общим посредником д.и.н., профессора Н.И. Кареева, который имел высокий авторитет в студенческой среде.

М.П. Миклашевский и А.Г. Мягков заявили о претензии к В.И. Дмитриевой: первый за нанесение В.И. Дмитриевой оскорбление действием, второй – за оскорбление в письме. М.П. Миклашевский

распространял слухи о В.И. Дмитриевой, ее порочащие, «клеветал на нее из-за угла». В ходе разбирательства, опроса свидетелей было выяснено, что эти слухи и раньше имели хождение и испускались самой В.И. Дмитриевой. Последняя обещала предоставить М.П. Миклашевскому доказательства необоснованности слухов, но вместо этого обратилась с разъяснениями в письме к лицу, пользующемуся всеобщим уважением. А при случайной встрече в Академии художеств «предпочла личную расправу» с М.П. Миклашевским. Поведение В.И. Дмитриевой было вызвано сильным волнением при встрече с ним, так как она испытывала сильнейшую неприязнь вследствие распространения им позорящих ее слухов. Третьей судьбы нашли смягчающие вину В.И. Дмитриевой обстоятельства, но это не снимало с нее обвинения «в нанесении оскорбления действием».

На следующий день – 7 марта, в канун международного женского дня, в час пополудни все стороны процесса получили копии приговора в окончательной форме с подписью общего посредника Н.И. Кареева, оригинал которого, подписанный всеми членами третейского суда, сохранился в его архиве. При объявлении приговора присутствовали члены суда Н.И. Кареев и В.И. Семевский, которые как частные лица, хорошо знакомые с обстоятельствами дела, советовали В.И. Дмитриевой извиниться перед М.П. Миклашевским, на что со своей стороны она ответила отказом.

Скажем несколько слов о фигурантах дела, разбираемого третейским судом. Михаил Петрович Миклашевский (1866–1943), учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, с конца 1880-х гг. активно публиковался в журналах «Новое слово», «Начало», «Мир божий», «Образование». М.П. Миклашевский придерживался либерально-демократических взглядов с оттенком народничества. В своих трудах он неоднократно высказывал мысль о необходимости «уплаты долга народу». Вероятно, эти взгляды сблизили его с бывшим студентом Петербургского технологического института, отчисленным за участие в студенческой сходке, Александром Геннадьевичем Мягковым (1870 – 1960), племянником критика и публициста, народника Н.К. Михайловского. Установить личность В.И. Дмитриевой точно не удалось. В пользу того, что В.И. Дмитриева могла быть «первой писательни-

цей на Руси, вышедшей прямо из народа» Валентиной Ионовной Дмитриевой (1859 – 1947), говорит то, что в качестве своего представителя третейского суда она выбрала доктора медицины В.А. Манасейна, у которого могла обучаться на врачебных курсах Петербурга в 1878–1886 гг. Однако изучение биографии Валентины Ионовны вынуждает сомневаться в возможности ее присутствия в Петербурге в 1892 г., т.к. в это время она со своим мужем «уехала на службу в Воронежскую губернию, и с тех пор окончательно поселилась в Воронеже и посвятила себя исключительно литературной работе». Кроме того, за участие в студенческом движении и хранение нелегальной литературы она не имела права жить в столицах.

Из документа неясно, в чем была суть клеветнических слухов, распространяемых М.П. Миклашевским о В.И. Дмитриевой. Но мы хотели бы поставить другую проблему: все участники дела и члены суда, кроме В.И. Дмитриевой, мужчины. Женщине было нанесено оскорбление, долго носимая обида заставила ее при случайной встрече по-женски отомстить обидчику – «нанести оскорбление действием». Суд нашел смягчающие обстоятельства, но при этом после заседания и вынесения решения мужчины-судьи советуют женщине принести извинения обидчику, на что, на наш взгляд, она справедливо отказывается.

Н.Г. Тивонюк

Москва, НИУ Высшая школа экономики

ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В РАМКАХ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Данная работа посвящена созданию типологии женских общественных организаций России с 1991 по 2016 гг. С момента опубликования Справочника «Женские неправительственные организации России и СНГ» (1998) направления функционирования женских организаций значительно изменились и поэтому возникла необходимость в создании новой типологии, которая отразит современное положение данного вида общественных организаций.

Прежде чем создать собственную типологию мною была собрана база данных женских организаций за период с 1991 по 2016 гг. Источниками являются:

– Для периода 1991–1998 гг.: Справочник «Женские неправительственные организаций России и СНГ» и Информационный бюллетень ФЕМИНФ;

– Для периода 1999–2016 гг. Реестр женских организаций Союза женских России, Реестр организаций Евразийского женского сообщества, а также Список членских организаций и региональных отделений СЖР.

Также были использованы уставные документы женских организаций и материалы женских форумов и конференций.

После сбора информации из этих источников, осуществлялась их перепроверка, в большинстве случаев с использованием ЕГРЮЛ или ЕГРБО.

Для создания собственной типологии были выбраны основные институциональные характеристики деятельности женских организаций (далее – критерии). Выбор критериев был обусловлен предыдущими исследованиями в рамках данной темы (например, Айвазовой С.Г., Екатерины Лаховой Е.Ф., Абубикировой Н.И. и др.). В тоже время при отборе критериев особое внимание уделялось возможности их последующей перепроверки информации в других официальных источниках (например, ЕГРЮЛ или уставных документах организаций).

Итак, на основании работы Екатерины Лаховой были выбраны такие критерии как «*Цель деятельности организации*» и «*Статус организации*» (например, федеральный или региональный).

Также были выбраны следующие критерии «*Организационно-правовая форма*», «*Направление деятельности*» и «*Целевая аудитория*», обозначенные в вводной статье к Справочнику «Женские неправительственные организации России и СНГ», которые будет определяться в соответствии со сведениями, указанными в существующих реестрах женских организаций и их дальнейшей проверкой в ЕГРЮЛ.

Еще одним критерием для создания типологии является «*Сфера деятельности*» организации, который был ранее выделен Т. Мельниковой.

В результате создания типологии женских организаций были выделены следующие особенности их деятельности:

– в большинстве субъектов РФ «выжили» региональные отделения Союза Женщин России, иногда с немного видоизмененным названием организации;

– Центры гендерных исследований продолжили свое существование и после 1990-х гг.;

– уменьшилось число Комитетов солдатских матерей по регионам РФ в сравнении с их количеством во второй половине 1990-х гг. (присутствовали практически в каждом субъекте РФ, а в большинстве регионов были еще и единственными);

– по состоянию на 2016 г. практически все женские организации стали официально зарегистрированными, однако все еще преобладают организации с региональным или краевым статусом и местные организации составляют лишь малую часть во всероссийском масштабе;

– женские организации по профессиональному признаку продолжают свое существование уже более 20 лет.

Результаты типологии показали, что самыми жизнеспособными оказались именно те женские организации, которые в период своего становления и в последующем получали финансирование из-за рубежа. Основными такими источниками являлись Фонд Форда, Фонд Дж. и К. Макартуров, а также из Агентства США по международному развитию (USAID).

Н.А. Бурданова

Санкт-Петербург, Московский районный суд г. Санкт-Петербурга

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В СЕМЬЕ: РЕВОЛЮЦИЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ РОДИТЕЛЕЙ В РОССИИ

В 1917 г. основные принципы семейного права в России претерпели кардинальные изменения в сравнении с нормами монархического периода российской истории. Как они развивались в течение прошедших ста лет? Удалось ли к 2017 г. создать новую модель правового регулирования личных неимущественных роди-

тельских прав и обязанностей? Каковы перспективы развития данного института?

В области источников правового регулирования личных неимущественных родительских прав и обязанностей произошла утрата значения норм церковного и традиционного права. Относимые нормативные правовые акты издавались преимущественно в форме кодифицированных законов. В советский период самостоятельные нормы права содержались в актах органов исполнительной власти. По мере профессионализации судей значение приобретали разъяснения судебной практики. С 1917 г. по настоящее время можно констатировать относительные, в сравнении с иными отраслями права, стабильность и преемственность правового регулирования личных неимущественных прав и обязанности родителей. Особенно данная тенденция заметна во второй половине XX и XXI вв. при анализе содержания Кодекса законов о браке и семье РСФСР и Семейного кодекса РФ. Предлагается сохранить положительный опыт коррекции нормативных правовых актов в небольших объемах с учетом правоприменительной деятельности.

В неизменном виде воспринят современным российским законодательством основной принцип правового регулирования личных неимущественных родительских прав и обязанностей, введенный советским законодателем, – первоочередная защита прав и законных интересов ребенка. Опыт зарубежных стран и нормы международного права подтверждают обоснованность данного подхода. Оснований полагать, что он нуждается в изменении, не усматривается.

Важнейшим достижением революций 1917 г. стало предоставление отцу и матери равного правового статуса. В остальном за последние сто лет определение круга лиц, обладавших родительскими правами, неоднократно изменялось. В отдельный период произошло расширение понятия супругов, к числу которых были отнесены мужчина и женщина, состоявшие в фактических брачных отношениях без регистрации брака в органах записи актов гражданского состояния. Затем отцовства были лишены мужчины, не состоявшие в браке с матерью. В новейшей истории круг родителей пополнился за счет социальных родителей, в первую очередь, лиц, давших согласие на применение искусственных методов репродук-

ции человека, а также суррогатных матерей. В дальнейшем необходимо совершенствование правового регулирования отношений, возникающих в результате применения современных методов репродукции. Клонирование человека в будущем может поставить новые проблемы. Следует помнить о требующих разрешения правовых коллизиях отношений с иностранными семьями, в которых родителями являются лица одного пола.

В 1918 г. созданы специализированные контролирующие органы опеки и попечительства. Деятельность, способствовавшая охране прав и интересов детей и родителей, показала обоснованность введения данных органов. Наиболее острым является вопрос о пределах вмешательства государственных органов в частную жизнь. Требуется разработать и апробировать механизмы достижения баланса интересов между правами ребенка и родителей, а также приоритетом семейного воспитания детей. Значительную работу в данном направлении осуществляют новые институты Уполномоченного по правам ребенка в РФ и субъектах РФ.

В РСФСР значительно увеличилась компетенция светских судов по разрешению конфликтов между родителями. Положительным опытом является введение лишения родительских прав как меры защиты ребенка и формы ответственности родителей. К сожалению, до сегодняшнего дня основная проблема заключается в низкой эффективности исполнения постановлений суда. По нашему мнению, каких-либо дополнительных реформ судебной процедуры не требуется. Представляется целесообразным развитие иных форм разрешения споров между родителями об осуществлении личных родительских прав, таких как семейное консультирование, работа психологов, просветительская и посредническая деятельность, медиация.

Таким образом, можно констатировать создание в период с 1917 г. по 2017 г. в России принципиально новой модели правового регулирования личных неимущественных родительских отношений. Она изменялась, развивалась, совершенствовалась, однако в течение ста лет сохраняла устойчивость основных правовых ценностей. Развитие общественных отношений ставит новые задачи перед законодателем, которые должны решаться в рамках существующей модели правовой регламентации. Проблемы правопримене-

ния требуют активного включения в деятельность по регулированию родительских отношений институтов гражданского общества с целью реального разрешения конфликтов и защиты прав ребенка.

Г.С. Широкалова

Нижний Новгород, Нижегородская сельскохозяйственная академия

ПЕТИЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПОМОЩИ ЛЮДЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ. СООБЩЕСТВА, О КОТОРЫХ НАДО ЗНАТЬ ВСЕМ

Внимание к проблемам инвалидов после подписания РФ международных документов, в обществе возросло: не будем перечислять общеизвестные законы и программы. Но закон – это лишь некая система координат, определяющая параметры жизни социальной группы, но не отдельного человека в уникальной ситуации. Между тем среди людей с ограниченными возможностями «уникальностей» намного больше и они не всегда понятны и интересны окружающим, социальным службам, медработникам...

В последние годы для решения общественных/личных проблем стали использоваться интернет-сайты, на которых размещаются петиции с просьбами поддержать принятие нормативного акта. По данным руководителя Change.org в России Д. Савелова из российских пользователей сайта – 54% – женщины. Кроме того, они более активны: собирают в среднем в 1,5 больше подписей под своими петициями, чем мужчины. Кампании, начатые женщинами, зачастую эффективнее влияют на системные перемены в их сообществе и стране.

Наш анализ победивших петиций показал, что женщин беспокоит самый широкий круг тем: от предоставления инвалидной коляски ребенку до сохранения музея, от доступности одежды для особых групп инвалидов до закона, запрещающего выращивание ГМО в России, от защиты бездомных животных до запрета на строительство полигона ТБО. Вокруг петиций создается сообщество единомышленников, которые не только помогают друг другу решать и иные проблемы через сбор подписей, но находят время на публичные акции, участие в судебных заседаниях. Поэтому данную

работу можно с полным основанием назвать школой формирования гражданского общества.

К сожалению, информация о возможностях законодательной инициативы через подобные каналы недостаточна. Между тем, они могут стать реальным помощником для людей с ограниченными возможностями, поскольку автором петиции может стать каждый гражданин России, имеющий доступ к компьютеру, подключенному к Интернету.

Change.org – международная компания, но 4 марта 2013 г. В. Путин подписал указ № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Был создан сайт «Российская общественная инициатива» (РОИ), на котором нужно собрать 100 тысяч подписей для того, чтобы обращение было рассмотрено на федеральном уровне. Цель сайта – развитие и укрепление гражданского общества, защита прав человека и гражданина, участия граждан в управлении делами государства. К сожалению, на сайте нет имен авторов инициатив, поэтому установить долю «женских» не представляется возможным. Но его достоинство в структурировании тематики. Представим несколько петиций с раздела сайта «Здравоохранение», затрагивающих интересы людей с ограниченными возможностями.

1. «Вернуть законодательно бессрочную инвалидность людям с генетическими не излечимыми заболеваниями», такими как «Спинальная мышечная амиотрофия II-ой степени», «миопатия». В настоящее время они должны проходить регулярное переосвидетельствование, что требует от больного и его семьи больших временных, материальных затрат.

2. «Пересмотреть (расширить) перечень жизнеугрожающих и хронических прогрессирующих редких (орфанных) заболеваний, приводящих к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности». По информации автора петиции таких больных в РФ около 14 тысяч. После принятия ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» № 323 от 21.11.2011 г. перечень заболеваний не обновлялся, хотя не учитывает реальной ситуации, сложившейся в России. В результате, граждане умирают из-за невозможности получить лекарства, не дожив и до подросткового возраста.

3. «Увеличить срок пребывания в центрах реабилитации больных и инвалидов, которые специализируются на восстановительном лечении».

Максимальный срок пребывания в центрах реабилитации для них – 2 недели, но в тяжелых случаях нужен месяц, два для закрепления результата. Врачи обходят это ограничение повторным пребыванием в центре, месяца через три, но это нарушает методики лечения, ведет к его удорожанию и снижению эффективности.

4. «Установить твердые социальные гарантии срочного получения высокотехнологической медицинской помощи больным раком и другими тяжелыми заболеваниями». Автор петиции считает, что необходимо обязать учреждения здравоохранения направлять граждан по их заявлению на бесплатную высокотехнологичную диспансеризацию с целью раннего выявления и лечения онкологических заболеваний и ликвидировать «унизительную практику квотирования». При недостатке либо отсутствии лечебных ресурсов в РФ, лечение проводить за рубежом за счет Фонда национального благосостояния России. Установить уголовную ответственность должностных лиц за затягивание сроков принятия решения и выделения финансирования.

5. «Внести изменения в приказ Минтруда России от 17.12.2015 г. № 1024н в части установления инвалидности женщинам после удаления злокачественной опухоли молочной железы». В петиции сообщается, что Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 17 декабря 2015 года № 1024н лишил женщин с раком молочной железы стадий (T1 и T2)pN0 возможности получения инвалидности несмотря на то, что им также проводится операция и от 6 до 8 и более химиотерапий, курсы лучевой терапии, требуется дорогостоящее продолжение лечения в течение года, двух или пяти лет, которое по федеральной льготе они уже не получают. Следовательно, 1024н лишает женщин с указанными стадиями социальной защиты государства при тяжёлом противоопухолевом лечении, невозможности продолжать работать в период его прохождения и лишения, таким образом, женщин с раком молочной железы указанных стадий средств к существованию, лишении возможности к реабилитации. Автор считает, что этим нару-

шается статья 39 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантирует социальное обеспечение в случае болезни.

На сайте широко представлены петиции, которые можно рассматривать как меры по предотвращению инвалидности. Особенно много предложений о регулировании производства и продажи алкогольной продукции, табака. Для примера приведем две из них: «Остановить алкогольный геноцид русского народа – принять Федеральный закон «Об охране здоровья граждан РФ от воздействия алкоголя, сокращении употребления этилового спирта в немедицинских целях, профилактике и лечении алкоголизма в РФ». «Законодательно защитить права некурящего населения».

Собрать сто тысяч подписей для рассмотрения петиции на федеральном уровне, конечно, сложно, поэтому победа возможна, если автор организует своеобразный «снежный ком», рассылая информацию по социальным сетям и подключив знакомых к этому процессу. Но даже тем, кто пока не нуждается в помощи, следует распространять знания о такой возможности борьбы за права тех, кто оказался в сложной жизненной ситуации.

Можно использовать сайт для воспитания гражданской активности в учебном процессе в рамках общественных дисциплин. Не многие студенты знают о таких платформах и с интересом с ними знакомятся. И хотя подпись под петицией не входит в домашнее задание, практически все отдают голос, чаще в защиту больных людей, животных, экологии. По моим наблюдениям, девушки чаще остаются в данном сообществе, подписывая вновь рассылаемые им петиции и сообщая о них своим знакомым.

Мир художественного и литературного творчества Гендерные исследования в искусствознании и языковедении

Н.А. Поликарпова

*Newcastle, NSW, Australia / Ньюкастл (Австралия)
The University of Newcastle*

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ДИАЛОГЕ СЕНЕКИ МЛАДШЕГО “AD MARCIAM DE CONSOLATIONE”

В среде древнеримской элиты периода ранней империи, или принципата (27 г. до н.э. – 284 г. н.э.), широкой популярностью пользовалось философское учение стоиков, в частности по причине реализации в нём человеко-ориентированного подхода при рассмотрении вопросов морально-нравственной проблематики. В практическом смысле данный подход, отражая патриархатный характер древнеримского социума, постулировал безусловный примат мужчины и маскулинности в качестве объектов внимания мыслителей-стоиков. Однако трансформация общественного сознания в пользу расширения женских возможностей не могла не повлиять на проблематику стоического учения.

В философских трудах одного из самых известных представителей позднего стоицизма, Сенеки Младшего (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.), важное место занимает рассмотрение вопросов о женской природе и характеристиках фемининности. Согласно воззрениям философа, женщины в целом представляют собой склонных к пороку и движимых инстинктами неразумных животных, не способных управлять собственными эмоциями. Тем не менее, при обсуждении частных случаев Сенека обнаруживает среди них и примеры добродетельных женщин. На первый взгляд к их числу относится и римская матрона Марция, которой Сенека адресует написанный в связи с кончиной её сына Метилия философский диалог “*Ad Marciam De Consolatione*”.

В тексте диалога создаётся образ римлянки, которую среди других женщин выделяют *magnitude* (величие) и *rubor animi* (твёрдость характера), а также *virtus* (смелость). Ярко выраженный мас-

кулинный коннотат указанных качеств призван, по всей видимости, подчеркнуть большую близость Марции к мужской добродетели, чем к женской порочности. Сенека усиливает подобное впечатление, утверждая, что Марции не свойственны *infirmi- tate muliebris animi quam ceteris vitiis* (слабость женского характера, а также другие пороки).

В глазах Сенеки положительно характеризуют Марцию также её высокая образованность и любовь к книгам и чтению, поскольку, согласно философским взглядам мыслителя, именно наличие особенно тщательного воспитания и образования может позволить женщине преодолеть слабость и порочность женской природы.

Кроме того, к числу достоинств, по всей видимости, Сенекой относилась и значительная финансовая состоятельность Марции, которая сумела самостоятельно переиздать сожжённые ранее исторические сочинения отца, сенатора Авла Кремутия Корда, осуждённого в 25 г. н.э. по закону «об оскорблении величия римского народа». Богатство само по себе в философии стоиков представлялось вещью безразличной, однако в случае разумного и бескорыстного его использования могло расцениваться как благо.

Сочетание положительных личностных качеств и добродетельного образа жизни позволили Сенеке утверждать, что Марция являет собой *antiquum exemplar* (образец древней добродетели).

Столь подчеркнута высокая оценка Марции мыслителем, казалось бы, свидетельствует об уважении и даже некотором пиетете Сенеки по отношению к ней. Однако сомневаться в этом заставляет уже тот факт, что Сенека задумывал диалог "Ad Marciam", написанный спустя три года после кончины Метилия, скорее не как личное послание, призванное смягчить горе скорбящей матери, а как произведение, адресованное широкой аудитории. Несвоевременность написания *consolatio* (утешения) и его публичный характер наводят на мысль о том, что личная драма Марции могла послужить для Сенеки удобной возможностью посредством данного произведения реализовать свои собственные интересы.

Кроме того, и сам текст "*Ad Marciam*" содержит ряд не столь явно адресных оценочных суждений негативного характера, которые значительно дискредитируют первоначально созданный философом идеализированный образ Марции.

Так, негативно оценивается Сенекой неослабевающее горе Марции. Согласно убеждениям мыслителя, считавшего длительную скорбь проявлением порочности, причиной подобного поведения может являться слабость женской природы, выражающейся в том, что женщины наряду с варварами и людьми необразованными чувствуют скорбь острее мужчин, людей цивилизованных и имеющих образование. Поскольку женщины по природе своей неумеренны, то, считает Сенека, им как никому другому должно воспитывать в себе чувство меры. В достижении этой цели, по мысли философа, кого-то *ratio ducit* (направляет разум), кому-то же необходимы *nomina clara* (знаменитые примеры) и ссылки на *auctoritas* (авторитеты). С точки зрения Сенеки, Марции следует выбрать второй путь, что, в свою очередь, указывает на слабость её характера и неспособность преодолеть боль утраты силой собственного разума.

Кроме того, по словам Сенеки, безграничную печаль от потери сына не в состоянии унять даже так некогда любимые Марцией книги. Другими словами, даже в случае такой, казалось бы, сильной и интеллектуальной натуры, как Марция, несовершенно женская природа берёт верх над воспитанием и образованием.

Идея богатства как блага в случае Марции тоже вряд ли может считаться убедительным доказательством её величия и душевной щедрости. Поскольку в Риме времён ранней империи финансово состоятельные женщины рассматривались в качестве источника поддержки и продвижения по службе родственников мужского пола, постольку Марция, переиздав литературное наследие отца и увековечив тем самым его имя в памяти потомков, лишь исполнила негласные предписания социума.

Таким образом, женский образ, созданный Сенекой в философском диалоге *“Ad Marciam”*, носит явные признаки дуализма. Воспроизводимые философом мизогинистские общественные стереотипы в отношении женщин в целом вступают в противоречие с образом сильной и независимой римской матроны, какой философ пытается изобразить Марцию. Подобная непоследовательность порождает сомнения в искренности суждений Сенеки о достоинствах Марции, возвращая нас к вопросу об истинных мотивах создания философом данного произведения.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ» ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ: ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД

Объект гендерного литературоведения – картина мира, основанная на категориях маскулинности и фемининности (феминности), или мужественного и женственного. Маскулинность и фемининность – это основные формы гендерного самосознания человека, модели поведения, ожидаемые от мужчин и женщин в определённой культуре и в определённую историческую эпоху. Наполненность данных категорий изменчива и подвижна. Смена этих гендерных стереотипов отражается и в литературе.

С. Р. Охотникова говорит о том, что гендерная система общества влияет на создание, анализ и интерпретацию литературного произведения, а кроме того, на его содержание и форму; она воплощается в особой точке зрения автора и героев, особой системе персонажей и т.д.

Обращаясь к такому произведению как «Божественная Комедия», можно констатировать его малую исследованность с точки зрения гендерного подхода, несмотря на его всестороннюю изученность. Женские образы являются центральными в творчестве Данте, начиная с произведений юношеской любовной лирики и вплоть до «Комедии». Для того, чтобы провести гендерный анализ женских образов, необходимо изучить гендерную картину эпохи Данте.

В течение многих веков европейской истории взгляды людей на природу и роль половых различий постепенно менялись, и эпоха Средневековья синтезировала в себе различные взгляды на женский пол, тем самым усложнив гендерное мировоззрение, что отразилось и в теолого-философской мысли, и в художественной литературе данной эпохи. О.Г. Рыбакова замечает, что «Идея слабости женской природы проходит через всю интеллектуальную историю Средневековья. Мария – это исключение. Хвала, воздаваемая Деве Марии, не распространялась на ее скромных сестер, чье положение привычно оставалось невысоким, аккумулируясь в образах блудниц, кающихся грешниц, неверных жен и т.д.», образы которых присутствуют и в «Комедии» Данте. Вводя подобных персонажей в

произведение, Данте не противоречит общей гендерной картине своей эпохи.

Однако женщины средневековья были не только «блудницами» и «сосудами греха», но и святыми, о которых в Средние века писались агиографии (жанр во многом повлиявший на творчество Данте). Так, в жизнеописании Екатерины Александрийской, агиограф говорит о сочетании в ней ума с физической красотой, как знака ее «девственного христианского совершенства»; красота, в данном случае, усиливала смысл спасительных проповедей святой.

Кроме того, нельзя забывать о таком гендерном институте, как куртуазная любовь, в русле которого была создана литература, богатая на возвышенные образы благородных дам, которые, хоть, не были святыми, но являлись носителями божественного света. Но, при этом, в куртуазной поэзии еще отсутствует анализ индивидуальности женщины, нет акцента на значении ее нравственной деятельности, женщина не имеет голоса, она молчит, а центром всего является поэт-мужчина с его личными переживаниями. Так же молчаливы и женские персонажи в ранней лирике Данте. Напротив, в его «Комедии» появляются такие женские фигуры, которым поэт дает «высказаться». Этот факт заставляет нас говорить о них, как об аномальных для литературы эпохи Средних веков с точки зрения гендерного подхода.

Наиболее известным аномальным образом является фигура Беатриче. Она – Прекрасная Дама, которая, начиная с последних песен «Чистилища» и на протяжении всего «Рая» постоянно разговаривает. Такое необычное переплетение двух характеристик дает нам право называть ее образ гибридным.

С одной стороны, Беатриче сохраняет в себе много эротических маркеров куртуазной Дамы (описание некоторых черт характера, внешности). Все ее поэтическое существо продиктовано нуждами лирического героя произведения. Несмотря на то, что она стоит в небесной иерархии выше Данте и является его проводником и наставницей, ее образ большей частью «дантецентричен», сконцентрирован на нем. В этом смысле ее поведение соответствует гендерной картине эпохи, представлениям о доминанте маскулинности над фемининностью. Как и на Прекрасную Даму, на Беатриче накладываются определенные ограничения, восходящие к куртуаз-

ной идеологии, возносящей Даму до платонического идеала больше, нежели чем рассматривающей ее как человеческое существо со своим внутреннем миром и индивидуальностью.

С другой стороны, в рамках «Комедии» Беатриче обладает беспрецедентной маскулинной властью, которая выражается в ее речах, в языке. От молчаливого стильновистского образа «Новой жизни» она эволюционирует в «*Beatrix loquax*» («Комедии»).

При этом, необходимо отметить, что признаки маскулинности и фемининности очень тесны переплетены между собой. Буквально в пространстве двух стихов Данте может переходить от куртуазного топоса к маскулинным характеристикам: Беатриче улыбается и тут же ее красивые губы начинают проповедовать Данте о тайнах божественного устройства мироздания и т.п..

В этом же стихе по отношению к речи Беатриче используется эпитет «*infallibile*» (т.е. безошибочная, верная, непогрешимая). Это само по себе неординарно, принимая во внимание долгую и зафиксированную традицию «женского молчания» в произведениях литературы и весьма распространенного негативного отношения к женской способности думать и говорить.

Еще одна причина, по которой речи Беатриче в «Рае» являются маскулинной чертой, заключается в их свободе от содержания, характерной для женской речи (разговор на «мужские», теологические темы). Однако на данный момент вне нашего поля зрения остается чрезвычайно важное и перспективное исследование модели речи Беатриче, анализ маскулинных и феминных черт на различных языковых уровнях.

Вследствие вышесказанного можно сделать вывод о том, что образ Беатриче – это радикально новый конструкт – андрогинный образ. Но его смысл и значение в контексте произведения требуют более подробного и глубокого исследования.

В «Божественной Комедии» присутствуют и другие «аномальные» для гендерной картины эпохи Средних веков женские образы, демонстрирующие нестандартность гендерного мировоззрения самого Данте. Исследование данной проблемы является актуальным и перспективным направлением, поскольку гендерный анализ произведения зачастую позволяет по-другому взглянуть на него и интерпретировать уже с учетом гендерного знания.

В.С. Трофимова
Санкт-Петербург

СОВМЕСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО БРАТА И СЕСТРЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ XVII ВЕКА: МАДЛЕН И ЖОРЖ ДЕ СКЮДЕРИ, СИБИЛЛА УРСУЛА И АНТОН УЛЬРИХ БРАУНШВЕЙГ-ЛЮНЕБУРГСКИЕ

XVII век дал немало примеров семейного литературного и научного творчества. В начале века в Дании София Браге занималась астрономией вместе со своим знаменитым братом Тихо Браге; в конце века во Франции супруги Дасье вместе работали над переводами с классических языков. Некоторые девочки из образованных семей учились вместе с братьями. Совместное обучение в отдельных случаях перерастало в совместное творчество. Ярким примером соавторства в литературном творчестве является деятельность Мадлен и Жоржа де Скюдери и Сибиллы Урсулы и Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургских.

Мадлен де Скюдери родилась в Гавре в 1607 г. в семье капитана порта. Ее старший брат Жорж родился в 1601 г. В шесть лет она осиротела, и ее воспитывал дядя, который имел доступ к королевскому двору. У него также была большая библиотека, и он стремился дать племяннице достойное образование. Ее учили писать, рисовать и танцевать, а также владеть всеми «женскими ремеслами» (шитье, вышивание и т.п.). Кроме того, она всерьез интересовалась садоводством, училась вести хозяйство и хорошо готовить. Она также занималась приготовлением целебных настоек. Она изучала испанский и итальянский, а чтение стало впоследствии ее любимым занятием. По всей видимости, Скюдери была хорошо начитана в древней истории, если судить по ее знаменитым романам «Великий Кир» и «Клелия».

После смерти дяди в середине 1630-х гг. Скюдери переезжает в Париж, где начинает вести активную светскую жизнь. Она регулярно посещает знаменитый салон маркизы де Рамбуйе. В 1641 г. Мадлен Скюдери ждал первый литературный успех: вышел в свет роман «Ибрагим, или Великий Паша». Как и в случае с «Великим Киром», этот роман был подписан именем ее брата Жоржа. В том же году выходят «Любовные письма» – сборник образцовых писем

по разным поводам. В следующем году были опубликованы «Выдающиеся женщины» – вымышленные речи и послания великих женщин древности. Особого внимания заслуживает послание Сафо Эринне, которое некоторые исследователи творчества Скюдери называют феминистским. В этом послании Скюдери защищает право женщин на занятие литературным творчеством.

С 1644 по 1647 гг. Мадлен де Скюдери жила с братом в Марселе, где Жорж получил губернаторское место благодаря маркизе де Рамбуйе. Она чувствовала себя оторванной от привычного круга, и только письма связывали ее с друзьями из Парижа. Однако их с братом совместные занятия литературным творчеством шли очень активно. Сохранилась история о том, как Мадлен и Жоржа чуть было не арестовали в отеле в Лионе, когда услышали, что они оживленно обсуждают убийство принца. Правда, их тут же отпустили, когда поняли, кто они, и узнали, что они говорили о сюжете последнего романа.

Вскоре после их возвращения в Париж началась Фронда. Многие друзья писательницы были фрондерами, и ее брат Жорж тоже был с ними связан. Однако Мадлен Скюдери явно делала ставку на королевскую власть и предупреждала, что король запомнит, кто играл какую роль в событиях Фронды. Гонения на бывших фрондеров ее не коснулись, но Жоржу Скюдери в 1654 г. пришлось бежать в Гавр. За четыре года до этого его избрали во Французскую Академию. Надо отметить, что, если бы его имя не стояло на сочинениях его сестры, это вряд ли бы произошло. К началу 1650-х гг. отношения брата и сестры совсем расстроились. В концентрированном виде этот разлад нашел отражение в «Истории Сафо» из романа «Великий Кир» – рассказчик отзывается о брате Сафо весьма нелицеприятно. Кульминацией стала женитьба Жоржа на Мари-Мадлен де Монткал де Мартинваст, женщине, которая, как и Мадлен де Скюдери, занималась литературным творчеством. Она станет соавтором своего мужа, как прежде Мадлен. Вместе супруги напишут роман «Альмагид, или королева-рабыня» (1658).

В 1661 г. происходит событие, которое потрясло жизнь французских деятелей культуры – падение суперинтенданта Фуке. Фуке, блестящего и удачливого вельможу и финансиста, связывали дружеские отношения со многими литераторами и хозяйками париж-

ских салонов: Лафонтеном, мадам де Севинье и другими. Мадлен де Скюдери не была исключением. Арест Фуке коснулся ее самым непосредственным образом: был заключен в Бастилию ее лучший друг, секретарь Фуке Поль Пелиссон, которого освободили лишь спустя пять лет, в 1666 г. Радость по поводу этого события была омрачена в следующем, 1667 г. кончиной брата Мадлен Жоржа.

После смерти брата Мадлен де Скюдери все больше утверждает себя в качестве самостоятельного литератора. Она не возражает против того, чтобы ее считали единоличным автором «Великого Кира» и «Клелии». В 1671 г. она получает Приз Французской Академии за речь «Рассуждение о славе». Это было выдающееся признание ее заслуг перед французской словесностью со стороны уважаемой организации – законодательницы в области французского языка. Мадлен де Скюдери продолжает писать романы и новеллы, а с 1680-х гг. активно разрабатывает новый жанр – жанр «беседы». Ее «Беседы на разные темы» появляются в 1680-е гг. анонимно с известной регулярностью. В 1683 г. ей была назначена королевская пенсия. И хотя ее объемные галантно-героические романы уже стали выходить из моды, ее «Беседы» были переведены на другие европейские языки, и сама Скюдери приобрела всеевропейскую известность.

Среди многочисленных знакомых Мадлен де Скюдери был и представитель семьи герцогов Брауншвейг-Люнебургских – принц Антон Ульрих. Двор в Вольфенбюттеле славился музыкальными и театральными представлениями. Герцог Август был ученым, библиофилом, писателем и коллекционером. Его третья супруга, София Елизавета, славилась знанием языков и музыкальными талантами. Сибилла Урсула и Антон Ульрих – дети герцога Августа от второго брака – продолжили творческие традиции семьи. Сибилла Урсула изучала вместе с братьями литературу, латынь, французский и музыку. Однако она не смогла поехать с Антоном Ульрихом в Париж. Между тем, именно Антон Ульрих помог Сибилле Урсуле завязать переписку с Мадлен де Скюдери. Она стала большой поклонницей сочинений французской писательницы. Сибилла Урсула перевела на немецкий «Кассандру» и «Клеопатру» Ла Кальпренета – другого автора галантно-героических романов – и создала общий план и зарисовки лирических сцен романа «Арамена». Впослед-

ствии это произведение было переработано ее братом Антоном Ульрихом. Таким образом, один из самых известных немецких барочных романов был создан творческим союзом брата и сестры – Сибиллы Урсулы и Антона Ульриха. Сибилла Урсула была также активной участницей придворных представлений, выступала в пьесах-«масках» и «балетах».

В отличие от Мадлен де Скюдери, во второй половине жизни Сибилла Урсула переживала творческий спад. Замужество положило конец ее активному участию в культурной жизни Вольфенбюттеля, а болезни не давали возможности заниматься литературным творчеством. Она умерла при четвертых родах в 1671 г.

Е.Е. Приказчикова

*Екатеринбург, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина*

ОТ ФИКЕ ДО ФЕЛИЦЫ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО ЗАПИСОК ЕКАТЕРИНЫ II

Одним из центральных культурных мифов эпохи Просвещения был государственный миф. В России он имел гинекратический характер в силу того, что фактически на протяжении всего XVIII в. во главе государства находились женщины-правительницы. Однако только Екатерина II оставила после себя три варианта записок, в которых сам автор определял основные литературные стратегии изображения жизненного пути правителя. Первый вариант записок был написан ею в 25-летнем возрасте после рождения наследника престола, имел эпистолярную форму и был адресован ее фавориту Станиславу Понятовскому. Второй вариант записок создавался императрицей в середине жизненного пути в 42 года, когда смогла достичь очень многого в контексте имперской государственной мифологии, став «российской Минервой» и удостоившись от Вольтера лестных ономомифов «звезда Севера» и «Северная Семирамида». Наконец, третий вариант – классический текст записок, изданный в XIX в. А. Герценом, который писался императрицей в последние годы ее жизни и был предназначен не только для ее сына Павла, но и для потомков.

Первый вариант записок может быть назван автобиографией принцессы Фике. Он писался, когда Екатерина II еще не предполагала, что будет самодержавной российской императрицей. В них обращает на себя внимание безграничное тщеславие молодой Екатерины, все время подчеркивающей свою исключительность, свой острый и глубокий ум, нежную душу, благородные свойства своего характера, делающие из нее идеальную женщину своего времени. При этом огромные амбиции «маленькой принцессы Фике» соединяются в ней с ребяческим тщеславием: в тексте слишком явственно чувствуется провинциальное тщеславие бедной немецкой принцессы, попавшей к богатому и блестящему русскому двору и с гордостью фиксирующей все знаки внимания, оказываемые ей, а также стоимость подарков, которые ей преподносят. Синхронный (почти дневниковый) взгляд на события, лишенный последующей концептуальности и аберрации личной точки зрения мемуаристки, проявляет себя при изображении образов императрицы Елизаветы Петровны и великого князя Петра Федоровича. Елизавета Петровна этой версии записок вполне соответствует образу Минервы государственного мифа, юная Екатерина признается, что «смотрела на нее, как на божество, лишенное всяких недостатков». Что касается образа великого князя, то его образ очень напоминает образ ребенка-вундеркинда, с раннего детства готовящегося к своей высокой миссии, который «был красив, любезен, хорошо воспитан», – признание, невозможное в двух последующих вариантах записок.

Во втором варианте записок основной литературной стратегией императрицы становится стремление представить себя истинной российской Минервой, которая не могла не оказаться на российском престоле в 1762 г. Для решения данной задачи в тексте создается концепция жизнестроительства, проникнутая нравственной философией эпохи Просвещения, в центре которой помещена идея правильного воспитания. Подчеркивая свою детскую некрасивость и болезненность, Екатерина находит для себя единственно верный путь для подготовки к трону – серьезное чтение (Плутарх, Ш. Монтескье, Вольтер), которое в контексте библиофильского мифа эпохи Просвещения способствовало воспитанию идеальной личности просвещенного монарха. Одновременно с этим Екатерина изображает свою жизнь при дворе Елизаветы Петровны как цепь

постоянных страданий, продолжавшихся 18 лет. При этом главной гонительницей героини выступает императрица Елизавета Петровна, образ которой теперь максимально далеко отстоит от Минервы мемуарного варианта 1755 г. По версии 1771 г. «дочь Петра» отличается вспыльчивостью, подозрительностью и «бабской» мелочностью, не позволяя Екатерине носить платья, которые ей более всего к лицу, не приглашая на свои великолепные охоты, зная, как великая княгиня любит верховую езду, не позволяя выражать скорбь по своему умершему отцу, так как тот не был королем, удаляя верных ей людей. Еще более серьезно выглядят обвинения политического характера, позволяющие ответить на вопрос, кто на самом деле достоин имени российской Минервы. Екатерина пишет, имея в виду дело И. Лестока: «Императрица не имела достаточного мужества, чтобы оправдать невинного; она боялась бы мести со стороны подобного лица, и вот почему с ее воцарения, виновный или невинный, никто не вышел из крепости, не будучи, по крайней мере, сосланным». Данное признание полностью разрушает представление о Елизавете Петровне как о Минерве на троне.

Наконец, третий вариант записок Екатерины II представляет собой образец политической философии, доказывающий, почему Петр III не мог быть императором России. Отталкиваясь от жанра максимы, то есть примера, Екатерина начинает текст с силлогизма о счастье, характере и поведении, определяющего основную антитезу текста записок. Эта антитеза – Петр III и Екатерина II, разум и отсутствие такового, любовь к справедливости и тиранический произвол, любовь к России и презрение к ней... и как следствие – будущее счастливое 30-летнее правление и бесславная смерть. Не забывая об основной задаче текста – стать политическим завещанием – Екатерина II создает текст, в котором и она сама, и великий князь Петр Федорович предстают живыми и художественно убедительными персонажами. Так, Петр Федорович, несмотря на свою ребячливость, игру в солдатики, выматывающие слух окружающих упражнения на скрипке, жестокую дрессуру собак, сопровождающуюся их избиением, часто выступает в качестве пародийного двойника своего великого деда императора Петра I. Он ходит большими шагами...по дворцовым комнатам, любит потешные баталии, которые никогда не сменит на настоящие поля

сражений. Он – полковник Преображенского полка, но никогда не носит форму этого полка, предпочитая свой голштинский мундир. В конце концов, Екатерина заставляет Петра признаться, что он «чувствует, что не рожден для России; что ни он не подходит во все для русских, ни русские для него, и что он убежден, что погибнет в России».

Что касается своего собственного образа, то в третьем варианте своих записок Екатерина уже не стремится примерять на себя исключительно шлем Минервы, который, по мнению В. Ходасевича, «был ей велик». Как будто взяв на вооружение державинский принцип изображения человека в духе державинского персифляжа (от фр. *persiflage*) императрица становится Фелицей, не боясь показывать себя читателю в различных ракурсах: от торжествующей амазонки и прекрасной поселянки бала-маскарада 1750 г. до страдающей роженицы, у которой отняли сына. Болгарская исследовательница А. Вачева отмечает, что в записках Екатерины часто встречается топика романов XVIII в. Например, любовный роман Екатерины с С. Салтыковым, включая знаменитую сцену на охоте, может быть рассмотрен в интертексте романа М.-Ж. Риккони «Письма мисс Фанни Батлер». Многие жизненные стратегии поведения молодой Екатерины заставляют вспомнить знаменитый шендианский характер как вид бытового стоицизма, знакомый по роману Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». При этом Екатерина не останавливается в записках перед идеализацией собственной личности. Она пишет: «...я была честным и благородным рыцарем, с умом несравненно более мужским, нежели женским, но в то же время внешним образом, я ничем не походила на мужчину; в соединении с мужским умом и характером во мне находили все приятные качества женщины, достойной любви». Упоминание мемуаристки о своем «мужском» уме не случайно. Данная андрогинность прекрасно вписывалась в контекст идеальной российской государственности XVIII в. Но если М. В. Ломоносов видел ее воплощение в образе императрицы Елизаветы Петровны, то Екатерина, проделав в своих мемуарах эволюцию от Фике до Фелицы, доказала, что именно она и ее жизнь является идеальным воплощением гинеκραтического извода государственного мифа эпохи Просвещения.

ВЛАСТЬ ЖЕНЩИНЫ: МУЖСКИЕ СТРАТЕГИИ ЖЕНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОМАНЕ П. ШОДЕРЛО ДЕ ЛАКЛО «ОПАСНЫЕ СВЯЗИ»

Эпоха Просвещения во Франции – это время, когда женщины активно проявляют себя в традиционно мужских занятиях: науке и искусстве. Физик Эмили дю Шатле, химик Мария Польз, художница Мари Виже-Лебрён добились общеевропейского признания. В литературных произведениях XVIII в. отражено использование женщинами стратегий мужского поведения, хотя эта тенденция получает резко негативную оценку.

Для анализа выбран эпистолярный роман П. Шодерло де Лакло "Опасные связи" (1782 г.), в котором изображаются нравы французской аристократии накануне революции. Система женских образов романа построена так, что каждая из героинь олицетворяет один из этапов жизни светской женщины: юная debutантка (Сесиль де Воланж), молодая замужняя женщина (г-жа де Турвель), молодая вдова (маркиза де Мертей), зрелая женщина (г-жа де Воланж) и пожилая женщина (г-жа де Розмонд). Все эти героини (за исключением маркизы) ведут себя вполне в соответствии со своим статусом и положением: они озабочены матримониальными проблемами, зависимы от чужого мнения и действуют под влиянием эмоций. Лишь госпожа де Мертей ведет двойную жизнь: на людях это вдова безупречной репутации и строгих правил, но на самом деле ее распутству и умению манипулировать людьми может позавидовать любой донжуан.

В тексте мы встречаемся и с мужчиной-соблазнителем и губителем женщин – виконтом де Вальмоном. Его поведение типично для донжуана: он добивается цели, просчитывая каждый свой шаг и умело используя человеческие слабости. Г-жа де Воланж дает ему очень точную характеристику: *"Он еще более фальшив и опасен, чем любезен и обаятелен, и никогда с самой своей юности он не сделал ни одного шага, не произнес ни одного слова, не имея при этом какого-либо умысла, и никогда не было у него такого умысла, который не явился бы бесчестным или преступным.... Он умело*

рассчитывает, сколько гнусностей может позволить себе человек, не скомпрометировав себя..." В связи с женщинами Вальмон вступает без особенных чувств, рассматривая сексуальные отношения как способ приятного времяпрепровождения (например, эпизод с Эмили, описанный в 47-ом письме, или история с обманутым мужем и любовником виконтессы, рассказанная в письме 71-ом). Ухаживание за г-жой де Турвель не мешает ему соблазнить Сесиль де Воланж, а также проводить время с прежними своими любовницами. Связь с женщиной является для него способ самоутверждения за счет подчинения себе ее воли. Такое скандальное поведение, как ни странно, не делает героя персоной нон-грата: оно, конечно, осуждается (об этом пишет г-жа де Воланж), но тем не менее *"он принят и даже пользуется успехом в так называемом избранном обществе"*. Более того, вина Вальмона в смерти г-жи де Турвель и решении Сесили, а затем и Дансени принять постриг, искупается (в глазах г-жи де Розмонд да и многих читателей) гибелью героя на дуэли. В финале все негодование светского общества и читателей обращено против г-жи де Мертей. Но, если проанализировать факты, изложенные в письмах, ее поведение ничем принципиально не отличается от поведения как Вальмона, так и еще одного светского распутника – Превана, чью репутацию маркиза едва не погубила.

В знаменитом 81-ом письме Мертей, бросая вызов Вальмону, хвастливо утверждает: *"вы были свидетелем того, как я, пользуясь обстоятельствами и мнениями людей, делала этих столь грозных мужчин игрушкой своих причуд или прихотей, лишая одних воли, а других возможности вредить мне, если я, повинувшись изменчивости своих вкусов, умела то включать в число своих поклонников, то далеко отталкивать от себя... если среди этих частых перемен добрая слава моя оставалась непоколебленной, не пришли ли вы к выводу, что, созданная для того, чтобы мстить за свой пол и поработать вам, я сумела изобрести и средства, до меня неизвестные?"*. Однако в стремлении доказать свою уникальность и превосходство над мужчинами, героиня забывает, что действует их же методами.

Чуть ниже маркиза подробно излагает принципы своего поведения, главный из которых – умение ничем не выдавать своих чувств и тщательно планировать каждый свой шаг: *"Видели ли вы*

когда-нибудь, чтобы я отступила от правил, которые себе предписала, чтобы я изменила своим принципам? Я говорю о принципах и говорю так вполне сознательно, ибо они не отдаются, как у других женщин, на волю случая, не приняты необдуманно, и я не слеую им только по привычке". Мертей провозглашает право вести себя как мужчина: быть независимой (статус вдовы ей это позволяет); иметь любовников, причем самой выбирать и бросать их; вступать в сексуальные отношения без любви, но ради чувственных наслаждений; манипулировать людьми ради достижения своих целей и подчинять их своей воле, но при этом сохранять репутацию порядочной женщины. На протяжении романа маркиза сама выбирает себя любовников (Бельрош, Дансени), хотя при этом не испытывая к ним никакого чувства, постоянно умело манипулирует как их поведением, так и поведением окружающих ее мужчин и женщин (очень показательна история Превана, над которым она одержала победу, выставив его насильником и добившись его исключения из полка). Именно Мертей убеждает Вальмона соблазнить Сесиль и порвать отношения с г-жой де Турвель, послав последней оскорбительное письмо (показательно, что текст письма составлен самой маркизой), толкает Сесиль в объятия Вальмона, отговаривает г-жу де Воланж выдать дочь замуж за Дансени и заставляет последнего вызвать Вальмона на дуэль. Таким образом, маркиза присваивает себе право, которым до этого пользовались в обществе только мужчины, – право распоряжаться судьбами людей, напрямую от них не зависящих. Таким образом героиня чувствует себя равной мужчинам и даже имеющей над ними определенную власть. Кроме того, маркиза достаточно провокативно заявляет о своей сексуальности, что заставляет скандализованную ее поведением г-жу де Розмонд воскликнуть: *"Стыдно быть женщиной, когда видишь, что есть женщина, способная на такое распутство"*. Отметим, что распутство любимого племянника, погубившего на ее глазах юную Сесиль и добродетельную г-жу де Турвель, которую старушка называла "своей дочерью", пожилую даму не возмущает.

Подводя итог всему изложенному выше, следует отметить, что роман П. Шодерло де Лакло (как известно, основанный на реальных событиях) свидетельствует о том, что в конце XVIII в. женщины во французском обществе пытаются использовать в повседнев-

ной практике стратегии мужского поведения, в частности гендерную роль донжуана, но вынуждены делать это тайно, поскольку общество, прощая такое поведение мужчине, осуждает за него женщину.

Л.П. Заболотная

*Кишинев, Республика Молдова, Национальный музей
истории Молдовы*

СИЛА И СЛАБОСТЬ АЛЕКСАНДРЫ ОСИПОВНЫ СМИРНОВОЙ – РОССЕТ (К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОДНОЙ ИЗ ЖЕНЩИН ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ)

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти, те, те, те
А.С. Пушкин
нет, вы не знаете ее...

Ю.Н. Лубченко

Александра Осиповна Смирнова (06.03.1809, Одесса – 07.06.1882, Париж), урожденная Россет, широко известный женский персонаж, особенно, в истории русской литературы. Одна из выдающихся женщин петербургского светского общества, фрейлина двух императриц (Марии Федоровны и Александры Федоровны), жена дипломата, она отличалась редкой красотой, умом, образованностью и независимостью суждений. Она была в тесных дружеских отношениях со всеми знаменитыми людьми своей эпохи, ее общества добивались и посвящали ей стихи Пушкин, Лермонтов, Вяземский, Хомяков, Ростопчина, Мятлев и др.

Ее жизнь достаточно освещена в научной литературе и публицистике, поэтому мы не ставим задачу повториться или переписать известные события ее жизни. Предметом нашего исследования она стала в рамках изучения темы о выдающихся женщинах-молдаванках XIX в. В работах румынских историков (Г. Безвикони), уже в начале XX в., появились заметки, в которых культивировалось ее молдавское происхождение. Без каких либо документальных свидетельств, этой традиции придерживаются и некоторые современные коллеги (Ю. Колесник).

Однако, в результате наших исследований в архивах и библиотеках Санкт Петербурга, у нас вызвало удивление, что она никогда не связывала свое происхождение с молдавскими боярскими родами. Более того, она избегала обсуждения этого вопроса. Никто даже из близких родственников не знали правду о ее родословной. И если, относительно генеалогических корней матери, она всегда писала достоверные факты «у матери кровь Лореров и Цициановых (грузинские князья)», то, кем был ее отец, она искусно вуалировала. Из ее записок и дневников, видно, что она приписывала себе – то итальянское, то французское происхождение отца. В частности, в своих воспоминаниях она писала: Отец, кавалер Жозеф де Россет, был эмигрант, довольно известный, служил на Дунае под началом Г.А. Потемкина (награбил его орденом Святой Анны) и А.В. Суворова (награбил его Святым Георгием за Очаков)... Был комендант порта Одесса». Эту информацию подтверждает и ее дочь Ольга Николаевна Смирнова: «Имя моего деда Осипа Ивановича Россета, сохранилось в Георгиевском Зале Кремля, на плите героев Измаила и Очакова. В Одессе он женился на Н.И. Лоррет из Цициановых. От отца француза перешли моей матери дух возрождения, вкус, критический смысл, ясный и точный стиль, качества сатирического ума без высмеивания». На наш взгляд, А.О. Смирнова-Россет не просто обращает внимание эти две высокие награды, она подчеркивает факт особых заслуг отца перед Отечеством, особенно, если учесть, что эти ордена относились к государственным наградам Российской Империи, которые никогда не переставал иметь особый статус династической награды дома Романовых.

Довольно неоднозначно и завуалировано пишет А.О. Смирнова-Россет о своем рождении: «Шестого марта явилась на свет не красивая смуглая девочка. Которую назвали Александрой в честь двоюродной сестры отца, графини Алесандры Россет». Представляет интерес как она описывает себя новорожденной или как себя позиционирует. Во-первых, от первого лица. Вряд ли кто-то из членов семьи мог говорить о ребенке таким образом. Её назвали в честь тетки, которая, по-видимому, играла большую роль в семье. Другая тетка, сестра матери Вера Ивановна Лорер, в замужестве Мазараки. Мазараки, как и Россети, были известными молдавскими боярскими родами конце XVIII–XIX вв.

Яркие детские воспоминания А.О. Смирновой-Россет говорят и о других любопытных и достойных внимания деталях ее происхождения. В частности, она пишет: «Я часто слышала, что отец и герцог Ришелье говорили о князе Кантемире, я когда спросила, кто был Тантемиль (Кантемир), – отец мне отвечал: Иди, играй со своим воздушным шаром, это тебя не касается». Удивительно, что в возрасте около 4 лет она запомнила именно фамилию Кантемира.

Описывая свое детство, она упоминает, что ее крестной матерью была «тетушка Екатерина Ивановна Вороновская, а крестный отец – Ришелье» и к ним дом приходили «Трегубовы, Кантакузены». Работая в Российском государственном историческом архиве по теме о семье Кантемир, мы нашли информацию, свидетельствующую о связи родов Кантемиров и Кантакузенов. В частности, в деле «О возведении в княжеское достоинство рода Кантемиров» последний представитель династии Кантемиров по мужской линии Дмитрий требовал в судебном инстанции передачи фамилии своему внуку. В представленной генеалогии и обосновании права на наследования, среди родов Кантемиров и Кантакузен фигурирует и фамилия Россети.

Описывала А.О. Смирнова-Россет эти воспоминания детства в довольно зрелом и сознательном возрасте. Зачем и почему уделяла внимание эти деталям, остается пока без объяснения, тем более, что и до нас были исследователи, которые обратили внимание на эти нестыковки в биографии.

П.Е. Рейнбот, который проявил интерес к некоторым несоответствиям в биографии А.О. Смирновой-Россет, в своей не изданной до настоящего времени монографии приводит аргументы, что ее фамилия изначально была Россети. Так она значится во всех документах и, в частности, в «Формулярном списке 1811 года». Но в более поздней копии последняя буква «и» исправлена другими чернилами на твердый знак. Возможно, эта странная история тянется с далекого детства. В 1814 г. в 5 лет она осталась без отца. Мать повторно вышла замуж. Отношения с отчимом были плохими, и девочка практически была лишена ласки и внимания. Теплые чувства в мемуарах только к бабушке. Совсем юной ее отправили в Санкт-Петербург в Екатерининский институт; за время учебы умерли ее мать и бабушка, и она осталась сиротой и бесприданницей.

Блестяще окончив институт (9 выпуск, получила 2 шифр), она могла стать фрейлиной, но получила отказ, мотивированный ее «непонятым, темным происхождением» (sic! – Л.З.) и тем, что она воспитывалась не за счет семьи, великого князя Михаила Павловича. Для выяснения обстоятельств были высланы запросы. «Справка шла месяц, за месяцем, после которого меня взяли во дворец». Доказывая окружающим свое благородное происхождение, Александра считала «это оскорбительным».

Интересно, что император Николаем I называл ее «моя волошка». При ее замужестве император подписал секретный указ от 7 октября 1831 г. о выдаче ей денежного пособия – «12 000 рублей ассигнациями, на приданое», в то время, когда обычный размер приданого для фрейлин не превышал 1000–2000 рублей.

Намек на ее происхождение присутствует в стихах А.С. Хомяков, посвященных ей:

Вокруг нее очарованье,
Вся роскошь Юга дышит в ней
Пусть ангел светлый и прекрасный
Ее с рожденья осенил
Но ей чужда моя Россия
При ней скажу я: «Русь святая»,
И сердце в ней не задрожит.

После замужества, Александра Осиповна получила статус «полноценности происхождения». Жизнь ее, с одной стороны, сложилась блестяще, она стала «центром литературного салона в царствовании Николая Павловича... Это салон был собранием лучших сил всей страны, сердцем из которого разносились во все концы России животворные соки, светлые, вдохновенные идеи и истинное просвещение. Здесь же происходил обмен мыслей между теми, которым было суждено будить Россию словом, и теми, кто имел возможность задумывать и подготавливать благие начинания в государственной жизни». С ней дружили и посвящали свои стихи А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский и многие другие.

Ее связывала особая и трогательная дружба с Н.В. Гоголем, которая вызывала бурные дискуссии, как у современников, так и у исследователей. Ее дочь, Ольга Смирнова так писала об отношении

Н.В. Гоголя к ее матери: «она благодарит Гоголя, что он полюбил ее не за внешнее и блестящее, принесшее ей доселе столько страданий и разочарований, а за искры души, едва заметные, которые он же дружбой своей раздул и согрел».

С.Т. Аксаков охарактеризовал ее «как необыкновенную женщину». Она объездила всю Европу, «ходила на лекции Мицкевича, концерты Листа, салон католички Свечиной, проповеди Равиньяна».

Итак, помимо того, что Александра Осиповна Смиронова-Россет, бесспорно, была личностью выдающейся, она остается загадочной фигурой, со скрытной и таинственной натурой. Почему и с какой целью она тщательно скрывала свое происхождение. Ответа мы не нашли. Возможно, пережив тяготы и лишения, одиночество и предательство в раннем возрасте, она использовала «сладкую ложь во имя спасения» и именно эта жизненная установка помогла ей сформировать сильный и волевой характер.

Кроме ослепительной красоты, изящества и широкого кругозора, она обладала необыкновенной стойкостью и жесткостью в принятии жизненно важных решений. А тайны стали некоторым символическим знаком этой необыкновенной женщины.

Вместо заключения приведем выдержки из письма Анны Федоровны Аксаковой, которая дружила Александрой Осиповной, к дочери: «Мы последние обломки великой и поэтической эпохи в России, той эпохи, когда люди мыслили и чувствовали, когда они занимались великими задачами человечества вообще и России в частности мы обязаны завещать и передать мысли и работу этой эпохи будущим поколениям, которые будут мыслить и чувствовать, после того как современное поколение истощит свою изменчивость и пошлость, составляющие теперь ее хлеб насущный».

И.В. Перельман

Москва, МКК Пансион воспитанниц МО РФ

АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ – СОТРУДНИЧЕСТВА КАК СЮЖЕТЫ В ЖИВОПИСИ В.Е. МАКОВСКОГО И И.Е. РЕПИНА

Владимир Егорович Маковский – один из талантливых представителей русской живописи второй половины XIX в. Активный участник «Товарищества передвижных художественных выставок»,

творческая методология которого, ориентировалась на репрезентацию партикулярного антропоцентризма. Повествовательная по своей природе, с острым интересом к бытописательству, живопись Маковского, дает основание видеть в художественном наследии мастера богатый материал для создания визуальной истории «мужского» и «женского» взаимодействия (сотрудничества). Теоретической основой такой истории становится социально – конструктивистская интерпретация художественного образа, которая вырастает из широко – постклассического социального дискурса, а именно из социально – конструктивистского подхода П. Бергера и Т. Лукмана и драматургического интеракционизма И. Гофмана, основной дефиницией которого является представление о гендерном дисплее.

Гендерное взаимодействие-сотрудничество связано для Маковского, человека своего времени, прежде всего, с темой семьи. На разных этапах творчества художник создаёт различные концепции видения – чувствования этой темы.

Своего рода цикл составляют три картины художника: «Варят варенье» (1876), «В четыре руки» (1880), «Поздравление с ангелом» (1878), посвящённые повседневному сотрудничеству в домашних делах пожилых бездетных супругов, близких по духу к «Старосветским помещикам» Н.В.Гоголя. «Идиллические сценки, согретые добродушным и безобидным юмором» – они рисуют образы городских обывателей, далёких от социальных волнений и суеты. Это образы-стереотипы, раскрывающие тему супружеского партнёрства, взаимопомощи.

Для Маковского, как и для передвижников в целом, был характерен острый интерес к современности. Добродушно-идиллические семейные сценки 1870-х гг., сменяются отражением конфликтности гендерного взаимодействия в работах зрелого периода. Процессы экономической модернизации в России второй половины XIX в., связанные с раскрестьяниванием в деревне, ростом населения городов как центров промышленного производства, влекли за собой семейные драмы. Об этом рассказывается в известной картине В.Е. Маковского «На бульваре» (1887), в которой отчуждённость супругов – мастерового и приехавшей к нему из деревни жены с ребёнком, явлена очень ярко. Длительная разлука супругов, повлекла за собой духовную разобщённость близких людей. Она стала итогом соци-

ально-экономических реформ, требующих ломки традиционных основ российского общества, размывания сословных границ, появления новых классов. Эта идея передана автором со всей силой художественной выразительности в яркой психологической характеристике персонажей, в композиции, в городском пейзаже. Отголоски сюжета этой картины актуальны и для нашего времени, когда длительная отлучка одного из супругов «на заработках», становится причиной распада семьи. Подвыпивший мастерской из картины «На бульваре» превращается в зядлого мужа – выпивоху в картине «Не пуцу!» (1892), воссоздающую типичный сюжет из жизни городских низов. В ней истерзанная страданиями жена, преграждает путь в трактир хладнокровному супругу, готовому пропить последнее. Пагубное пристрастие супруга становится причиной семейной драмы.

Уже в 70–80-х гг. в живописи передвижников репрезентируются образы, выражающие критическое отношение к существующей действительности, стремление изменить её радикальным путем. Впервые в русской живописи возникают мотивы гражданственности. Таков сюжет картины В. Маковского «Вечернее общество» («Вечеринка») (1897). Художник обращается к теме революционных настроений, для которой гендерное сотрудничество является первостепенной. Герои произведения являются разночинцами и представителями русской интеллигенции. Вектор социального экстремизма представленных образов отрицает поведенческую регламентацию, предписанную традицией социального проявления пола индивидам того или иного сословия и гендерной группы. Вовлеченными в идейную борьбу показаны представители обоих полов. В русской живописи реализма впервые звучит «мотив» отрицания гендерных стереотипов публичной сферы.

Таким образом, в картинах В.Е. Маковского отразилось основное поле гендерного сотрудничества, актуального для России второй половины XIX – начала XX вв.

В начале XX в. великий русский портретист И.Н. Репин создает два типологически близких портрета супружеских пар: «Автопортрет с Натальей Борисовной Нордман» (1903) и «Портрет поэта С.М. Городецкого с женой» (1914). Портреты можно считать феминистски прогрессивными, поскольку они демонстрируют такой характер супружеских взаимоотношений, для которого становится оче-

видным морально – психологическое превосходство женщин над своими партнерами. Эта идея передается художником композиционно, колористически и психологически. Кроме меткой психологической характеристики, привлекает внимание акцентирование автором женской телесной трансформации через варьирование композиционно – пластического приема, известного по портретам 80-х гг. «Отдых» и «Портрет пианистки С.И. Менгер». Репин использует данный прием в новом символическом ключе, а именно, для передачи идеи барственного, морального превосходства героинь над своими партнерами. В частности, в автопортрете Репина с Нордман, которая была социально активной, независимой женщиной, «художник выглядит скромным приложением к вальяжно раскинувшейся фигуре его гражданской жены».

Жестко высказывался по поводу союза Репина и Нордман-Северовой писатель и философ В.В. Розанов: «Около него эта толстая красивая женщина, его поглотившая – как кит Иону: властолюбивая, честолюбивая и в то же время восторженно – слащавая», «Форнарина». Свобода её пластического самовыражения, контрастирует с традиционностью позы художника. Это визуальная метафора супружеских отношений, которые были характерны для представителей передовой художественной среды России конца XIX – начала XX в. В данной связи стоит вспомнить отношения между Д. Мережковским и З. Гиппиус: «Она очень женственна, он – мужественен, но в плане творческом, метафизическом роли перевернуты. Оплодотворяет она, вынашивает, рождает он. Она – семя, он – почва», – вспоминал позже секретарь Зинаиды Николаевны.

Эта идея продолжает развиваться Репиным в портрете поэта С.М. Городецкого с женой, в котором героиня, грациозно полулежащая на диване, смещает в глубину картины фигуру мужа. Обращает на себя внимание царственность её позы в сочетании с яркостью костюма и предметного окружения, но главное, лежащая на ноге кисть правой руки с широко расставленными пальцами, увенчанными крупными кольцами и помещенная на передней линии картины. Она не просто эффектно выставлена на показ, но демонстрирует психологическую гегемонию героини в данной среде, в семейном союзе.

Таким образом, в парных портретах Репина, появившихся на позднем этапе творчества художника, возникает идея неординарного

супружеского союза, который демонстрирует не только разрушение традиционного гендерного контракта в русской художественной среде рубежа веков, но и смещение властных отношений внутри него в сторону психологического доминирования женщины. Своеобразной антитезой этой тенденции выглядит «Портрет Л.Н. Толстого с женой» (1907), в первом варианте которого профильное изображение головы Софьи Николаевны устремлено взглядом на Льва Николаевича, который, в свою очередь, смотрит прямо на зрителя. Во втором варианте оба героя смотрят в сторону, но на один и тот же предмет. Известный критик женской эмансипации, Толстой отводил женщине подчиненную роль в обществе, видя её главное предназначение в рождении и воспитании детей. Портрет супругов Толстых и композиционно, и эмоционально воспринимается ретроспективно, как образец традиционной русской семейственности, в которой фигура мужа является безусловным центром влияния на окружающих.

Русская живопись второй половины XIX – начала XX в. расширяет источниковую базу изучения аспектов гендерного сотрудничества. Она является важным корпусом визуальных текстов, обогащающих наше представление о российской гендерной истории указанного периода. Её методология строится на принципах анализа произведений искусства, принимая во внимание их метафоричность, красочность, заострённость отдельных сторон изображаемого образа. Этот подход не может быть равнозначным аналогичному исследованию на другом эмпирическом материале, поскольку искусство живописи является уникальной знаковой системой, осуществляющей собственный способ эстетического познания. Методология гендерного «прочтения» визуального художественного образа даёт возможность переосмысления и расширения подходов к его пониманию.

И.С. Веселова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

ОРНАМЕНТЫ СЕВЕРНОРУССКОГО ВЯЗАНИЯ, ИЛИ ЖЕНСКОЕ ИСКУССТВО СОГЛАСОВАНИЯ

Полихромное вязание на Русском Севере – распространенное и любимое многими женщинами рукоделие. Вязаные артефакты (рукавицы, носки, гетры) востребованы не только туристами. Узорны-

ми рукавицами пользуются все, и мужчины, и женщины, и дети, и старики. В некоторых ситуациях престижность самодельных рукавиц ставится по сомнению: в поездках в город женщины надевают покупные перчатки, а дети могут отказаться носить рукавицы из пряжи собственного производства из-за ее грубости. Но как только наступают настоящие северные морозы альтернатив «бабушкиным» варежкам и в городе, и в деревне нет. Сеть распространения рукавиц очень широка, а «производственные мощности» каждой из мастериц невероятны. Так бабушка одной из моих собеседниц связала за жизнь 2600 пар варежек, носков и чулок.

Распространение практики и коллекций артефактов происходит по женским линиям родства и свойства. Выходя замуж, мезенские женщины берут из родного дома вместе с прочими знаниями, паттерны узоров. Из десятка узоров в своем репертуаре одна из наших собеседниц Нина Григорьевна Сидорова из деревни Селище Лешуконского р-на Архангельской области повторяла «материнский» чаще других. Этот орнамент вместе с невестой и ее сундуками с приданым проделал путь в 70–80 километров через несколько рек, он воспроизводится по меньшей мере полвека и распространяется по женской линии.

Вернувшись в Петербург, я присмотрелась к узору подаренной мне за год до того в д. Жердь Мезенского района варежки с, казалось, похожим узором. Узор отличался от сфотографированного в Селище, но общие принципы орнаментации были схожи. На осознание общности и вариативности в узорном творчестве у меня ушел не один год.

За 10 лет работы в бассейне рек Мезени, Вашки и мезенской Пижмы мы с коллегами собрали фотографии более трехсот вязаных варежек и чулок. Участники фольклорно-антропологических экспедиций не только ежегодно щедро одаривались «бабушками» варежками, но и фотографировали домашние коллекции вязаных аксессуаров и расспрашивали мастериц или их потомков об этом умении.

От старшего поколения к младшему передаются навыки вязания, от матерей – дочерям рукавицы и чулки в качестве свадебного приданого и как образец для дальнейшего повторения. И масштабы, и продуманность наследования связанных за жизнь рукавиц,

носков и чулок (как и накопленных шалей) среди женщин рода, и бережное сохранение полученного свидетельствуют о разделяемой ценности дара: *«Значит, в 2006 году она умерла. Где-то в 2000 году она пригласила всех детей, ей было 80 лет, 2 невестки, 4 дочери. Пригласила к себе в дом, летом. Вот, говорит, приезжайте, будем делить имущество. Она каждому разложила по чемоданам».*

На примере кейса с полихромным вязанием мы видим, как этос культуры проявляет себя в ее эстетике. Я полагаю, что предметы народного искусства нужно рассматривать в широком культурном контексте. Не только социальные правила и ценности, но и эмоциональные реакции «тренируются» в символической деятельности. Меня в равной степени интересуют сами артефакты, процесс их производства, вовлеченные в него люди и их переживания. Психологические и социальные навыки мастерства тесно связаны с эстетическими предпочтениями и телесными техниками. Поиск этой взаимосвязи основан на понимании того, что искусство формирует и поддерживает в рабочем состоянии «матрицу чувствительности» общества (К. Гирц). Матрица чувствительности, она же система эмоциональных реакций и стоящих за ними ценностей, содержится в паттернах культуры – схемах и моделях, в том числе визуальных. В повседневности и символической деятельности паттерны явлены не в виде коллекций (как принято у современных дизайнеров), но как реализация эстетических принципов, сценариев переживаний, социального и телесного поведения. И эта реализация прослеживается на протяжении не только жизни одного члена социума, но в более долгой перспективе, включающей связь нескольких поколений.

Вязание представляет собой одну из длинных «петель» мастерства, о которой говорит Грегори Бейтсон: «...жизнь зависит от взаимосвязанных петель обусловливания в то время как сознание может видеть только дуги таких петель, настолько короткие, насколько этого требует человеческая цель». Метафора петли или траектории легко представить как путь нити в узоре вышивки или вязания. Отдельные стежки – лишь фрагменты общего орнамента или замысла. На протяжении жизни одного человека даже во всей ее перспективе не всегда можно уловить логику обусловливания отдельных поступков, но способность мыслить в более длинной перспек-

тиве и с учетом не только сознательных аргументов, но и «рассуждений сердца», помогает не путать общего «узора» и не рвать нить.

Индивидуальное поведение с учетом общего порядка свойственно не только символической деятельности, но рутинным практикам в севернорусской деревне. Так, распорядок дня до сих пор похож на разделяемый всеми порядок. Участники экспедиции нередко попадали в неловкое положение, оказываясь невольными гостями на обеде у своих хозяев до тех пор, пока не поняли, что обед начинается в 12 дня для всех – даже, если внуки после ночной дискотеки только проснулись. В рассказе о распорядке дня в семье Анны Николаевны Щепихиной, о которой уже не раз шла речь, меня поразило то, что выход на угор (высокий берег над рекой) для встречи с соседями и встречи рыбаков не были результатом предварительной договоренности.

Все соседи и домочадцы знают распорядок дня друг друга, и несколько раз в день встречаются: на скамейке на угоре, за столом, в магазине к моменту выпечки хлеба. Вязание вплеталось в сложный орнамент взаимной координации поведения. Таким образом, мы можем говорить, что в акустическом, визуальном и кинетическом символическом поведении на русском Севере доминировал принцип полифонии, когда множество цветов, движений, жестов и голосов соединялись, не утрачивая собственного значения, в общий ансамбль. Когда осцилляция в ритме сменялась синхронизацией общего порядка. Как мне представляется эта комбинаторика цветов, узоров, голосов и движений в танце становится тренингом согласованности социальной, эмоциональной и хронологической. Севернорусские крестьяне, как и французы, умудряются до сих пор собираться на обеды ровно в 12 часов дня.

На примере современного женского искусства северного полихромного вязания мы видим, как связан этос культуры с его эстетикой. На разных фрагментах «длинной» нити мастерства – обучения метису, наследования и производства артефактов, ритмов творения и воображения результирующего узора – я находила качества и ценности, которые тренируются и разделяются мастерицами и пользователями. Обучение метису вязания из рук в руки, наследование значимости сложных старинных навыков, привычка к трудоемкой работе, что выражается во внимании к тонкости нити и мно-

гоцветности узора, равное уважение к любованию красотой вещи пользователем и к ее презентационной функции, умение равномерно держать ритм и соотносить свое движение с предполагаемым в будущем узором, а также стремление к сбалансированному, равновесному паттерну, или идеальному гешталту. «Лицевую сторону» этой сложной формы, объединяющей социальное и эстетическое, индивидуальное и коллективное, временное и пространственное, составляют эстетические качества, явленные в ярком орнаменте рукавицы, ее «изнанка» – психологические навыки согласованного поведения, которые не так очевидны как орнамент, но очень хорошо ощутимы в комфорте взаимодействия в мезенской деревне.

Л.В. Голубева

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Государственный Университет

«ОДЕВАНИЕ» ПРОСТРАНСТВА: МЯГКИЕ ГРАНИЦЫ – СТРОГИЕ ПРАВИЛА

Строительство крестьянского дома в деревнях на Русском Севере является «мужским делом». И если мужчины строят стены, то правила внутреннего пространства создаются женщинами. В частности интерьер крестьянской избы «зонируется» женщинами с помощью занавесок, шторок и прочих тканевых предметов.

В коллективных и индивидуальных ритуалах, символических обменах и одариваниях, практиках наследования и сбора приданого через полотно женщины создают социальную ткань. Исследователи неоднократно указывали на тот факт, что ткачество почти во всех культурах представляет собой женское занятие. Девочке «предначертано» ткачество с самого своего рождения (даже пуповину девочке перерезали на прялке), и особый статус текстильных предметов сохранялся на протяжении всей её жизни. Она знала, сколько и на что необходимо расходовать полотно (в ритуале и в повседневности), определяла периоды пользования им и принципы наследования так называемого собойного имущества среди младших женщин (по родству и свойству). Манипулируя и контролируя распределение тканей, женщины получают доступ в те сферы деятельности, где, казалось бы, женское влияние не предполагается.

Так, на Русском Севере на установленные мужчинами по обету многометровые кресты женщины по обету носят и вешают пелены (тканевые отрезки с вышитым крестом), тем самым осваивая и присваивая локус, созданный мужчинами, и беря над ним контроль. Исключительно женщины ухаживают за крестом, снимая и сжигая старые тряпки, рекомендуют и советуют, когда и по каким поводам к нему ходить «овещаться».

Так же ткань – это такое имущество женщин, на которое мужчина никогда не претендует. Тканью женщина организует безопасность в обрядах перехода (например, зыбку с младенцем закрывают одеждой матери или платком). Тканью она созидает границы приватности в доме. Эти границы поддерживаются при помощи штор и занавесок. Шторки на окнах домов служат для деревенских жителей особым сигналом. Например, если они закрыты, то, значит, хозяйка дома, но еще спят. Если занавески задернуты в доме у пожилого одинокого человека с утра дольше обычного – повод навестить его. В нежилых домах закрытые шторы на окнах – знак того, что дом нежилой, но с хозяином. Для соседей новые шторы после свадьбы могут указывать на то, какие отношения между молодой и свекровью.

Внутри жилищного пространства все занавески также имеют не только и не столько утилитарное, сколько символическое значение. Они представляют собой границы между сферой приватности (например, пространства сексуальной жизни, родильного обряда и пр.) и публичного. Шторой отгораживают так называемый «шолнышу», место за печкой, куда может заходить только хозяйка-большуха. Занавесками-пологами закрыто место для сна. Неосторожное обращение девушки с закрытой шторой и пологом (например, одинокий сон без подруги в пологе) может быть прочитано как готовность к интимной связи.

Для городского жителя подобные способы разграничения пространства и правилах пересечения не являются очевидными. Для горожанина более понятным знаком в подобных случаях будет закрытая дверь, которая обеспечивает не только визуальную, но и акустическую непроницаемость. Полотняные границы более проницаемы и «мягки». В результате за сохранение границ интимно-публичного оказывается ответственным тот, который преодолел

вает границу, то есть тот, кто посмотрел и увидел. Контролем этих, казалось бы, неочевидных границ занимаются именно женщины как в повседневности, так и в ритуале (он закрывают зыбки с младенцами от «дурного глаза», они накрывают невесту-просватанку шалью, они читают заговоры в закрытой штормой в шолныше и т.д.)

Е.Б. Мезенцева

Москва, НИУ Высшая Школа Экономики

СТАНОВЛЕНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО КАНОНА ЖЕНСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ПЛАКАТЕ 20–50-х ГОДОВ

Обращаясь к истории советского плаката, американский социолог Виктория Боннель подчеркивает, что *«политическое искусство, начиная с 30-х годов призвано было обеспечить общество визуальным сценарием, воплощающим новые модели мышления и поведения»*. Акцент на визуализации социально одобряемых образцов поведения тем более значим, что большевики действовали в стране массовой неграмотности, что крайне затрудняло задачу пропаганды. Плакат, предлагая узнаваемые и однозначно интерпретируемые образы, играл важную роль в распространении новой идеологии и формировании идентичности. Эффективность плаката усиливается и тем, что его воздействие рассчитано на автоматизм восприятия и является «незаметным» элементом визуального ряда, включенным в повседневность. Как подчеркивал Р. Барт, «изображение, конечно, более императивно, чем письмо; оно навязывает свое значение целиком и сразу, не анализируя его, не дробя на составные части».

Важной частью «идеологического пространства», задаваемого советским плакатом, является конструирование новых гендерных идентичностей. При описании гендерного порядка советского периода акцент традиционно делается на роли женщины как работницы и матери, и, соответственно, роли мужчины как работника и солдата. Эти же образы становятся доминирующими в визуальных репрезентациях. Вместе с тем, масштабы трансформации гендерных ролей женщин в рамках советского проекта несопоставимы с трансформацией гендерных ролей мужчины. Разрыв с до-революционной традицией визуализации женственности находит свое выражение в самых разных формах: кардинально меняется эстетика изображения женских образов, осваиваются новые виды

деятельности, трансформируется быт, визуализируются новые социальные роли.

Система визуальных символов новой эпохи начинает формироваться в первой половине 20-х годов и в основном завершается к началу 30-х годов. Одной из важнейших особенностей новой эстетики становится отказ от изображения внешней привлекательности, как базового атрибута в изображении женственности. Плакатные женщины 20-х годов подчеркнута непривлекательны, даже некрасивы. Смысловая и символическая нагрузка переносится на идеологизированные внешние атрибуты, такие, как элементы одежды, обуви, орудия труда, которые позволяют однозначно установить социальную принадлежность персонажа (напр., городские работницы обычно изображаются обутыми в туфли и с однотонной красной косынкой на голове, а крестьянки – босиком или в лаптях и в платках, завязанных «по-деревенски» под подбородком).

На плакатах ранней советской эпохи широко представлены мужские и женские трудовые практики и соответствующие социальные роли. Труд мужчин изначально вписан в жесткие рамки плана, визуальный ряд включает в себя обозначение производственной цели, часто – графики, диаграммы. Также мужчина на советском плакате экономически рационален и в личном плане. Он соотносит свой трудовой вклад и полученное вознаграждение, и выступает как экономически рациональный потребитель, чего нельзя сказать о женщинах. Фактически это различие отражает установку советской эпохи относительно труда первого и второго работника в семье.

В отличие от мужчин, плакатные женщины работают не столько за деньги, сколько потому, что труд является их потребностью и обязательным моральным предписанием. Говоря социологическим языком, женский труд показан в качестве ценностно-рационального действия, не имеющего видимой связи с вознаграждением. Закономерным воспринимается и итог труда женщин – их социальное признание в качестве героев. Парадоксально, но именно женщин можно чаще увидеть на плакатах с орденами и медалями за доблестный труд.

Общая особенность всех плакатных трудовых героинь, как городских, так и сельских – это их внешний облик. Как правило, это жен-

щины слегка за 30, высокие, статные, даже полные. За прошедшие после революции годы они так и не сняли головного убора (без платка только женщины, находящиеся на властных позициях), но перешли к более современному дизайну. Теперь глядя на платки и косынки, зрителю сложнее различить, кто перед ним – городская работница или крестьянка. При этом плакатные горожанки, и крестьянки менялись в сходном направлении – к 50-м гг. XX в. и те, и другие стали мягче, женственнее, милостивее, и ухоженнее. Наиболее ярко эта линия изменений прочитывается у колхозниц, хотя их внешний облик эволюционировал не только в направлении милостивости, но и в направлении «утяжеления» и монументализации облика.

Одной из ключевых сфер формирования визуального канона женственности выступала сфера политической активности. «Политические» женщины на плакатах аккуратно причесаны (они всегда изображены без платков), не менее аккуратно одеты (в строгих костюмах), с легким, едва заметным макияжем. Они не столь монументальны, как плакатные колхозницы 50-х годов и часто изображены в политизированном контексте – напр., на фоне портретов Сталина или рядом с вождем. Их можно принять за вчерашних городских работниц, продвинувшихся в политику, однако трудно представить в качестве крестьянок, которые, благодаря трудовым успехам вошли в политику.

До революции сфера потребления наиболее ярко задавала визуальный канон женственности, поскольку основная часть плакатной продукции была представлена торговой рекламой. В годы НЭПа женщины рекламировали необходимые в хозяйстве вещи (стиральную соду, галоши), а визуальный ряд был преимущественно образами жизнерадостных крестьянок. Однако во второй половине 30-х гг. начинает возникать альтернативный вариант женственности, представленный ухоженными, красиво одетыми и причесанными городскими женщинами, потребности которых выходит за рамки необходимого. Они разбираются в духах, косметике, любят вкусно поесть и выпить шампанского. По своему социальному статусу они, скорее всего, принадлежат к числу обеспеченных городских домохозяек.

Этот визуальный канон можно с определенной долей условности охарактеризовать как «сталинский гламур», героини которого

имеют немало черт сходства с американской торговой рекламы тех лет. Однако советские домохозяйки менее раскованы и чувствуют себя неуютно в пространстве рекламного потребления. Этот странный эффект «стеснительных потребительниц» пропадает только на плакатах 50-х гг., где появляются уверенные в себе потребительницы. Тем не менее, вариант визуального канона, заявленный на рекламных плакатах, можно отнести к альтернативной версии, которая лежит в стороне от плакатного мейнстрима, задаваемого идеологически правильными работницами и колхозницами.

Рассматривая общую эволюцию советского плаката, можно увидеть определенную логику в движении от символизма и конструктивизма послереволюционных лет к соцреализму конца 30-х – 50-х гг. В общих чертах эта логика заключается в тенденции ко все большему замещению реальности ее визуальными суррогатами – и отсюда – ко все большему разрыву между образами плакатных и реальных мужчин и женщин.

И.В. Сидорчук

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

УГРОЖАЕТ ЛИ ПОМАДА КОММУНИЗМУ? ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВЕЩИЗМЕ КАК ФОРМЕ ЖЕНСКОГО ДЕВИАНТНОГО ДОСУГА В СССР 1920-х гг.*

Применительно к гендерной истории и истории повседневности и досуга, период 1920-х гг. пользуется, пожалуй, наибольшим вниманием среди как отечественных, так и зарубежных исследователей. В первую очередь, внимания удостоивались вопросы истории эмансипации советской женщины, поддерживаемой партийными лидерами и идеологами. Исследователи в большинстве случаев подчеркивали, что одной из ее особенностей было то, что женское движение понималось исключительно как часть общей классовой борьбы, и процесс освобождения, в отличие от феминистского движения на Западе, должен был регулироваться партией, а не самими женщинами.

Важной составляющей досуговой политики новой власти стала борьба с девиантными формами досуга. При этом речь шла не только о традиционных девиациях, но и о тех практиках, которые в новых

условиях, были провозглашены таковыми властью. Применительно к женщинам, в первую очередь, речь шла о религиозности и мещанстве – погоне за материальными благами, вещизме. И если религию можно отнести к тому, что исследователь Р. Стеббинс назвал “serious deviant leisure” (меняющим личность взгляд на мир и систему ценностей), то вещизм – это “casual deviant leisure” – способ рекреации, не требующих изменений в принятой образа жизни и преследующих цель получить удовольствие. Он был не так опасен для власти, поэтому борьба с ним велась преимущественно агитацией, а не репрессивными методами. В своем выступлении на X Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 г., комментируя важность развития кооперации в Тамбовской губернии, В.И. Ленин заявил: «Упоминалась даже помада. Сколько вы помады взяли, при каких условиях она распределялась? Нужно и помаду пускать в оборот: в торговле приходится считаться с тем, что спрашивают. Спрашивают помаду, мы должны дать. Мы и на помаде, если будем как следует хозяйничать, можем установить крупную промышленность. Только надо высчитать, сколько нужно купить или достать этой помады для того, чтобы купить 1000 пудов хлеба. (*Голос с места: «А иконы, просят икон».*) Вот что касается икон, – здесь напоминают, что крестьяне просят иконы, – то я думаю, что в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму, тогда как помада не угрожает этим. (*Смех*)»

Анализ прессы, ориентированной на читательниц-женщин, особенно работниц, показывает, что словам В.И. Ленина советские идеологи не придали значения. Пропаганда показывала насколько страшным и губительным может быть простое желание купить красивую юбку, украшение или сходить на танцы. Например, на страницах «Листка рабкора» в 1925 г. было опубликовано стихотворение, посвященное работнице, которая ради дорогих нарядов становится любовницей старика-нэпмана, а в результате заболевает сифилисом. Встречались и карикатуры на «разодетых» женщин. Одна из них изображала работницу, увешанную кольцами и браслетами: «Чем эта работница отличается от дикарки? Только цветом кожи... (Такие типы водятся на многих фабриках и заводах).

Разумеется, вещизм связывался с нэпом. Сюжет гибели революционного духа в возродившемся болоте мещанства был оперативно подхвачен писателями: А.Н. Толстым («Гадюка»), А. Тарасовым-Родионовым («Шоколад»), И. Эренбургом («Рвач») и др. Герой Гражданской войны Бережной из романа Г. Алексеева «Тени стоящего впереди», говорит изменившей ему с фронтовым другом жене Наде: «Хочешь, скажу, когда в первый раз ты изменила... но я ждал, я не смел поверить... <...> Вывески, шелковые чулки, первая коробочка пудры, которую ты принесла... Помнишь: ты принесла ботинки на высоких каблуках и, качаясь, пробовала ходить в них по комнате?... Это твоя жизнь, твоя идеология закачалась тогда, Надя...»

Под ярлыком «мещанство» могло скрываться естественное желание женщины достойного уровня жизни. Внимание к той же одежде было следствием не существования общества потребления, а наличия массы трудностей на пути к приобретению обычной детали гардероба или косметики. Доктор А.Г. Каган, занимавшийся исследованием быта молодежи, в книге «Молодежь после гудка» привел свою беседу с работницами, посвященную, в частности, нерациональному использованию молодыми работницами своей полочки – «много денег уходит у них на дорогие платья, шелковые чулки и т.д.». На вопрос «почему вы так поступаете?», девушки ответили: «Да очень просто. Если, скажем, я пойду на вечер в простеньком платье, шерстяном, будьте уверены – ко мне никто не подойдет, и весь вечер я просижу одна». Именно шелковые чулки стали своеобразным символом этого осуждаемого властью стремления быть красивой как в собственном восприятии, так и в восприятии мужчин. На это обращали внимание в том числе и иностранцы. Элени Самиос-Казандзакис, путешествовавшая по СССР в 1928 г., так и назвала один из своих рассказов – «Шелковые чулки». Ее поразило, что на рынке в Батуми процветала их контрабанда. Несмотря на то, что за такой предмет одежды грозило исключение из партии, «женщины, если бы могли, продали бы СССР за пару шелковых чулок».

На вопрос, угрожают шелковые чулки, пудра и помада коммунизму, или нет, советская пропаганда давала однозначный ответ – да, угрожает. Здесь она расходилась со словами Ленина. Тем не менее,

побороть эту «девиацию» так и не удалось. Далеко не все женщины, в силу разных причин, были готовы отказываться от косметики, красивой одежды и украшений. Феминизация женщины проводилась в той форме, в которой ее представляла власть, а не сами женщины, отчасти поэтому сопротивление ей было столь велико.

Т.Ю. Новинская

Пенза, Пензенский государственный технологический университет

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ СЕЛЬСКОЙ ЖЕНЩИНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ» 1952 г.

Такая же, как многие другие,
Простая мать, доярка из села ...

В 50-е гг. важным направлением советской идеологии продолжает оставаться формирование морального облика «советского человека». В связи с этим образ «советской женщины» в периодической печати рассматривался в контексте социально-политических задач государства. Из газеты, посвященной международному женскому дню: «Советская женщина! Когда мы произносим эти слова, то перед нами встает величественный образ женщины необычайной духовной красоты и высоких моральных качеств. Мы видим горячего патриота, активного строителя коммунизма. В промышленности, в сельском хозяйстве, в научно-исследовательских лабораториях, в классах школы и на сцене – всюду советская женщина настойчиво и упорно борется за новые достижения, показывает образцы самоотверженного служения народу, любимой стране».

Это официальная догма, в которой есть и правда, и вымысел, на протяжении почти всего XX в. определяла положение женщины в обществе. Созданный еще в начале советской эпохи этот образ стал эталоном советской повседневности. С плакатов, страниц газет и журналов на нас смотрели счастливые лица женщин – доярок, трактористок, прядильщиц, учительниц, бригадиров и пр. Они вдохновляли на самоотверженный труд, вселяли надежду и веру в светлое будущее.

Автор анализирует образ советской сельской женщины, сформированный официальной идеологией к началу 50-х годов, исполь-

зую материалы из газеты «Сталинское знамя» за 1952 г. Это одно из тех печатных изданий, которые формировали культурно-идеологические ценности, составляющие смысловую основу советского общества.

В соответствии с основными принципами советского государства, в котором каждый советский гражданин являлся строителем коммунизма, женщины активно вовлекались в этот процесс с первых дней советской власти. Женсоветы, борьба с неграмотностью, а в 20-х гг. более 70% из общего числа неграмотных составляли женщины, – все это пути вовлечения женской части населения в социально-экономическую и политическую сферы деятельности. Став грамотной и образованной, женщина, по мнению большевиков, будет политически активным членом общества, и будет действовать в соответствии с идеологией большевиков.

Но в большинстве своем законы советской власти не способствовали облегчению положения женщин, а подчиняли ее положение преобразованиям. Путь вовлечения женщин в социально-экономическую и политическую сферы носил маргинальный характер, при котором «женщины, недостаточно представленные в структурах власти, были исключены из процесса принятия решений, принуждены приспособливаться к чужим и чуждым политическим решениям».

За годы советской власти женщины овладели многими изначально считавшимися мужскими профессиями. В сельском хозяйстве, где им принадлежала наибольшая роль, они освоили искусство вождения тракторов и комбайнов, успешно освоили знания по агрономии, научились руководить колхозами и МТС. Конечно, женщины-председатели составляли единицы по сравнению с теми, кто трудился в поле и на фермах. В середине 1953 г. женщины составляли лишь 2,8% от общего числа председателей колхозов. Среди них была депутат Верховного Совета СССР Татьяна Васильевна Левкова – председатель сельхозартели «Сталинский путь» Пачелмского района. Сельхозартель часто упоминалась на страницах газеты, так как «из года в год повышала культуру земледелия». Кроме достижений колхоза подчеркивался статус Левковой. Одна из них даже и называлась «В колхозе, где председателем депутат Верховного Совета СССР».

Труд в поле, на ферме продолжал оставаться в основном ручным. Например, одной из «самых трудоемких работ по уходу за посевами свеклы» была шаровка. На этой работе были заняты только женщины, как в прочем и на многих других полевых работах. Соревнующиеся между собой звенья, перевыполняли нормы в 600–700 раз. Перевыполняя нормы выработки, женщины соревновались с мужчинами. «Любо глядеть, как колхозницы, не отставая друг от друга, широко взмахивая косами, сваливают в ряды густую траву. Даже повар Илья Устинович Афанасов, на вид безучастный к тому, что делается за пределами его полевой кухни, с гордостью говорит:

– Не женщины – золото!»

Периодическая печать, пропагандируя принцип добросовестного отношения к труду, как одного из главных характеристик «советского человека», использовала не только, лозунги, констатацию цифр и фактов перевыполнения норм. Использовался литературный стиль изложения – очерк, который способен воздействовать на эмоциональное состояние человека. Этот метод был направлен на формирование образа «homo publicus» – человека публичного, вернее образа, являющегося образцом для «публики».

Например, автор одной из таких статей рисует образ молодой женщины-дойрки: «Статная, раздумывавшаяся от мороза девушка, закутанная в теплый платок, в больших меховых рукавицах и в аккуратных валенках, быстро проходит к стойлам ...».

Далее автор подробно описывает рабочий день доярки, который начинается в 4 часа ночи и заполнен до предела. «Девушка заполняет кормушки сухим, ароматным сеном», подготовленным с вечера. «К пяти часам нужно тщательно вычистить каждую корову, сменить в стойлах подстилку и приготовиться к утренней дойке». Потом коровы поятся водой, телята – теплым парным молоком.

«Короток зимний день. Но для Марии Борковой он длится до восьми часов вечера... А вечером – снова за книги, с которыми Мария не расстанется никогда».

Это действительно повесть о настоящей советской женщине. Правда, где ей думать о том, за кого замуж выйти и с кем детей рожать? Сколько их, таких как Боркова, выучились? Они заслужили стать героинями не только таких очерков, но и «героями труда».

Однако многим из них хватало всего лишь красивого рассказа о такой же труженицы, как и они, чтобы совершать каждодневный трудовой подвиг.

Хотелось бы поведать всей земле,
Что, я доярка, ездила в столицу,
Со мною Сталин говорил в Кремле. <...>
Во мне сейчас уверенность такая
От слов вождя. И как они верны!
Удой коров колхозных повышая,
Я укрепляю мир моей страны.

И если до войны стимулом к самоотверженному труду была борьба с врагами революции, в войну – с фашизмом, причинившим горе и страдание каждому советскому человеку, после окончания войны людям, ожидавшим перемен к лучшему, государство вновь пыталось создать иллюзию необходимости «трудового подвига».

Образ сознательной, оптимистично настроенной, увлеченной работой, учебой, женщины был необходим государству больше, чем образ простой домохозяйки или просто женщины-матери. С чем или, вернее, с какой другой жизнью, могла сравнить свою жизнь доярка Мария Боркова? Только с трудолюбивой, сознательной женщиной-работницей промышленных предприятий, чей образ также был смоделирован советской пропагандой. Закрытость советского общества, позволяла мыслить только доступными понятиями и представлениями. Поэтому подавляющее большинство советских людей верило «в возможность счастливой жизни в коммунистическом «завтра»».

Так создавался образ человека-созидателя, энтузиаста.

М.Г. Шендерюк

*Калининград, Балтийский федеральный университет
им. И. Канта*

ЭГАЛИТАРНАЯ СЕМЬЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭЛИТЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В социологии в зависимости от критерия семейной власти выделяют три основных типа семьи: патриархальную, матриархальную и эгалитарную. По определению, эгалитарная семья – это семья, в которой соблюдается статусное равенство супругов (равное

распределение власти и равное участие в публичной и приватной сферах). Однако при всей кажущейся простоте представления о равенстве проблема лидерства в эгалитарной семье далека от разрешения.

В зарубежье между двумя мировыми войнами оказалась едва ли не половина русской литературной элиты – И. Бунин, Б. Зайцев, И. Шмелев, Д. Мережковский, А. Ремезов, М. Алданов, М. Осоргин, В. Ходасевич, Г. Иванов, Г. Адамович, З. Гиппиус, Н. Тэффи, М. Цветаева и др. Многие из них прибыли в Европу в составе так называемой «тихой» эмиграции 1920-х гг., а, значит, сумели выехать вместе с семьями и устроиться более благополучно, нежели основная масса русских изгнанников. Так, видные идеологи русского символизма, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, в Париже имели собственную квартиру, приобретенную задолго до эмиграции в фешенебельном районе Пасси, в которой создали салон, ставший местом встреч маститых и начинающих литераторов Русского зарубежья.

Чета Мережковских представляла собой классический образец эгалитарной семьи – творчески одаренные, самостоятельно и оригинально мыслящие, оба зарабатывавшие литературным трудом, они более полувека прожили в браке, не разлучаясь ни на один день. Правда, злые языки утверждали, что их любовь носила исключительно платонический характер. Представительницы эмигрантского поколения «молодых» писателей, находившиеся в гуще событий литературной жизни русского Парижа 1920–1930-х гг., Нина Берберова и Ирина Одоевцева в своих воспоминаниях посвящают некогда «блистательной Зинаиде» Гиппиус целые страницы не слишком лестных описаний. Единодушно признавая блестящий, острый, «неженский» ум Гиппиус, они с удовлетворением отказывают Зинаиде Николаевне в «женском» и «женственности» («... она не была женщиной», «Гиппиус являлась мужским началом, а Мережковский – женским»), проявляя свою гендерную идентичность в постоянном противопоставлении Гиппиус себя «вечно женственной». Берберова даже пытается объяснить скверный характер и душевную глухоту Гиппиус ее гермафродитизмом.

Творческие судьбы самих писательниц удивительным образом похожи (хотя литературоведы традиционно противопоставляют как

их самих, так и их мемуарные тексты). Красавица-брюнетка Нина Берберова и очаровательная блондинка Ирина Одоевцева появились в эмиграции как жены двух больших поэтов Серебряного века, Владислава Ходасевича и Георгия Иванова, сразу попав в мир творческой элиты Зарубежья.

Нина Берберова становится сотрудницей одного из самых популярных эмигрантских изданий – «Последних новостей» П.Н. Милокова. К концу 1920-х гг. ее имя приобретает в эмиграции широкую известность благодаря циклу иронических рассказов о жизни русских эмигрантов «Биянкурские праздники». В 1930-е гг. она издает три романа и две художественные биографии русских композиторов. «Маленькая поэтесса с огромным бантом» Ирина Одоевцева в эмиграции расстается со своим черным бантом, почти не пишет стихов и обращается к прозе. Уже первый рассказ «Паду-чая звезда» вызывает хвалебные отзывы читателей, в том числе, отклик Бунина, пожелавшего познакомиться с молодой писательницей, о которой слышал, что «она прелесть какая хорошенькая». В конце 1920-х – 1930-е гг. из-под ее пера выходят три романа.

Супружеские союзы Ходасевича и Берберовой и Иванова и Одоевцевой, как, вероятно, любые браки, в которых супруги одинаково продуктивно реализуют себя в публичной сфере и являются «добытчиками» в семье, в полной мере можно отнести к эгалитарным. Вместе с тем, это не снимает вопроса лидерства в этих союзах.

Очевидно, что писательница второго ряда Нина Берберова не могла достичь статусного равенства со своим супругом, «первым поэтом» Русской зарубежья, Владиславом Ходасевичем, который был старше ее на пятнадцать лет. Сама Нина Николаевна довольно откровенно объясняет, как жизнь с Ходасевичем стала все сильнее тяготить ее: «Я иногда больше не чувствовала себя живой, я чувствовала себя надломленной внутри всеми этими годами, этой жизнью, всем, что случилось со мной». Она хотела «быть одной, свободной, сильной, с неограниченным временем на руках», разрыв был неизбежен. Берберова ушла от Владислава Ходасевича в 1932 г., однако так никогда и не освободилась ни от его творческого влияния, ни от памяти о нем, ни от неизменного желания оставаться в глазах окружающих его единственной женой и музой. Нина Николаевна стала издательницей собраний его поэзии и прозы.

Тщательно оберегая свое особенное значение в жизни Ходасевича от каких-либо посягательств, Берберова практически замалчивает явно счастливые годы жизни со вторым мужем, Николаем Макеевым, и даже ни разу не называет его имени и фамилии в тексте мемуаров.

Ирина Одоевцева прожила с Георгием Ивановым в эмиграции почти сорок лет (до его смерти в «старческом доме» в Йере в 1958 г.), неизменно оставаясь его верной подругой и спутницей. В мемуарах она напишет: «Если бы меня спросили, кого из встреченных в моей жизни людей я считаю самым замечательным, мне было бы трудно ответить – слишком их было много. Но я твердо знаю, что Георгий Иванов был одним из самых замечательных из них». Однако слагая панегирик Иванову на страницах своих воспоминаний, Одоевцева вовсе не уходит в тень мужа, как принято считать. Чтобы понять это, достаточно внимательнее вчитаться в мемуарный текст. Ирина Владимировна не только неоднократно подчеркивает, что именно на ней лежала главная ответственность при разрешении жизненных коллизий («все тяжести и катастрофы падали на меня, а его касались только рикошетом»), но и утверждает, что являлась не просто соавтором, но фактически автором некоторых статей Иванова, опубликованных в «Возрождении». Берберова, кстати, тоже заявляет, что писала за Ходасевича литературные обзоры в «Возрождении» под псевдонимом Гулливер.

Следует отметить, что Мережковский и Гиппиус, Ходасевич и Берберова, Иванов и Одоевцева, как и многие другие представители литературной элиты Русского зарубежья, были бездетны. Представляется, что это был их осознанный выбор. Сегодня мы назвали бы их чайлдфри.

В.А. Прищепова

*Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

РЕШЕНИЕ «ЖЕНСКОГО ВОПРОСА» В ТУРКЕСТАНЕ ПО ФОТОКОЛЛЕКЦИЯМ

Одной из основных частей изменений, которые затронули жизнь народов Туркестана в первые десятилетия после установления советской власти, стало культурное строительство. В Музее

Антропологии и Этнографии (Кунсткамера) РАН (МАЭ, Петербург) хранятся фотографии, связанные с историей организации просвещения в Средней Азии, в том числе, женского. К 1917 г. основная часть коренного населения края оставалась неграмотной. Необходимо было создать новую систему образования и провести быструю ликвидацию поголовной неграмотности населения. С 1919–1920 гг. повсеместно открывалась сеть советских школ ликбеза. Музейные снимки реалистично фиксировали трудности, с которыми приходилось при этом сталкиваться. На фотографии, сделанной Белькиным Семеном Архиповичем, в каракалпакском колхозном ликбезе, в помещении, не приспособленном для школы, за столами сидят ученики, мужчины и женщины. Срок обучения в школе ликбеза составлял три-четыре месяца, программа включала чтение, письмо и счет. Несмотря на недостаток средств при организации реформы предусматривалось снабжение школ бумагой, учебными пособиями, письменными принадлежностями, азбукой на родном языке. На другом снимке выпускницы колхозного ликбеза Таджикистана. Задняя стена помещения, в котором женщины разместились вместе с детьми, занята агитационными плакатами с портретами вождей. Здесь же находится несколько русских активисток, которых отличали не только славянский тип лица и европейская одежда, но и короткая стрижка с непокрытой головой в противоположность таджикам, прикрытым головными накидками. Литературные источники последних лет подтверждают, что действительно, из центра привозили сотни сотрудников, в том числе, женщин, вместе с которыми местные активисты должны были пытаться утвердить в крае порядки, установленные правительством.

Среди кочевого и полукочевого населения с 1925 г. стали организовываться Красные юрты, которые стали основной силой в борьбе с безграмотностью. Они выполняли роль клубов, читальни, библиотеки, лекционного зала, центра консультаций по различным вопросам. Основной их целью была пропаганда советской идеологии. В некоторых случаях наряду с ликвидацией безграмотности Красные юрты занимались организацией женских артелей (рукоделия, швейного дела и т.п.) В Красной юрте Акмолинской области Казахстана сфотографированы мужчины, женщины и подростки,

которые, как было указано в аннотации к снимку, занимаются «чтением газет во время обеденного перерыва». На другом кадре около Красной юрты стоят три женщины, две из них в белой одежде и белых шапочках. Около юрты с открытой дверью, закатанным вверх куском войлока, выставлено три закрытых деревянных ящика. Возможно, женщины около Красной юрты – медики, а в ящиках доставили оборудование.

Работа с женщинами занимала особое место среди культурных преобразований первых лет советской власти. Однако, так называемый, «женский вопрос» решался противоречиво с грубейшими просчетами. Возглавить работу среди женщин было поручено аппарату создаваемых с 1919 г. при партийных органах женотделам – отделам по работе среди женщин. На одной из фотографий «женработник» беседует с женщинами. В некоторых случаях женские клубы создавали на базе Красных чайхан. На фотографии востоковеда Анны Леонидовны Троицкой, сделанной среди узбеков Ташкента, учащиеся школы ликбеза сидят за столом. Четыре женщины склонились над бумагами и пытаются что-то писать. На фотографии 1924 г. пять женщин, членов Самаркандской областной коллегии женотдела, сидят за столом с кучей бумаг и с деловым видом их просматривают. Четверо из них похожи на русских, лишь вторая справа – местная, с испуганным лицом, с длинными волосами, остальные присутствующие женщины с короткими стрижками. Обращает на себя внимание демонстративно мужская поза сидения женщин – положив ногу на ногу. У самой эмансипированной из них, которая сидит слева за столом, в руке зажженная папироса.

Главной целью процесса «раскрепощения» женщины в партийно-правительственных постановлениях было вовлечение их в «организацию строительства новой жизни на коммунистических началах». Для этого женщинам бронировались места в учебных заведениях и снижались требования к ним при поступлении, организовывались женские педагогические техникумы. Сохранились фотографии, выполненные в столице Таджикистана Сталинабаде, нынешнем Душанбе, в 1930 г. В аудитории женского педагогического техникума за партами сидят и просто стоят у стены молодые женщины, одетые по-европейски и внимательно слушают лектора

мужчину. На другом снимке группа учащихся «женпедтехникума», как было указано в музейных документах тех лет, расположилась под деревом вместе с детьми.

«Втягивание» женщин Туркестана в «революционные преобразования», «избавления» от их «узкого мирка *ичкари*» проходило практически при отсутствии реальных возможностей для коренного изменения их бытовых условий. Партия и государство прибегали к методам «революционного насилия», к ломке устоявшегося жизненного уклада, что вызывало мощный социальный протест жителей края. Местные органы не желали считаться с менталитетом коренного населения. Их ошибка состояла также в том, что агитационную работу они проводили только среди женской части населения в то время, как надо было просвещать мужчин. Сотрудник МАЭ иранист Александр Николаевич Кондауров, работая в южных районах Таджикистана, сообщал, что в 1932 г. была убита женщина мужем за то, что она против его желания и законоположений Корана вышла на работу и стала ходить в школу учиться. Из приведенного полевого материала исследователя отчетливо видно, что социально-экономическое положение женщин Туркестана в первые послереволюционные годы серьезно обострилось. К сожалению, это был не отдельный случай.

Вместе с тем, власти принимали отдельные меры по охране материнства и детства, делались попытки создания детских яслей, садов, столовых, однако, это были единичные примеры. Среди населения особенно остро стоял вопрос здравоохранения, создания медицинских учреждений, новой медико-санитарной сети, медпунктов, больниц. Прежде местные жители, особенно женщины, обращались за помощью к народным лекарям – знахарям, *табибам*.

Изучение музейных фотодокументов предоставляет возможность для дальнейшего исследования такой сложной проблемы, как «женский вопрос» в Средней Азии и Казахстане в первые десятилетия после установления советской власти.

И.В. Баданина

Москва, Московский педагогический государственный университет

НАЗВАНИЯ ВЫСОКОСТАТУСНЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В силу антропоцентризма язык располагает широкими возможностями как лексического, так и грамматического характера для выражения значений лица. Эти значения, как известно, все более усложняются, увеличиваются количественно, что требует от языка все новых средств выражения.

В прошлом названий лиц женского пола в языке было во много раз меньше, чем названий лиц мужского пола. Сфера социально значимых видов деятельности почти полностью обозначалась словами мужского рода, поскольку женщины не были в ней заняты. В словарном составе языка вследствие этого имела место ранее и продолжается до сих пор асимметрия лексических средств выражения видов деятельности мужчин и женщин. Вместе с тем в современном языке отражается все более активное участие женщин как вообще в социальной жизни, в государственной деятельности, так и, в частности, в сфере руководства.

Во всех профессиональных областях мужчины доминировали на протяжении столетий, поэтому названия всех профессий, должностей были мужского рода. Когда женщины начали также овладевать этими профессиями, занимать эти же должности, то названия остались прежние – мужского рода. В обществе сложилось отношение к женщине – профессионалу в наукоемких или высокоинтеллектуальных профессиях – как к недостаточно опытному специалисту, невысокого класса. Поначалу так, возможно, и было. Вследствие этого название высококлассного специалиста, эталонная номинация, осталось мужского рода, а если возникала необходимость назвать женщину и при этом указать на ее невысокий уровень мастерства, недостаточную квалификацию, то употребляли существительное женского рода, образованное от существительного мужского рода: не *врач*, а *врачиха* или *врачица*. Часто такое слово использовалось для хулы, порицания, и в итоге привело к тому, что поныне сами женщины настаивают на названиях своих профес-

сий, должностей и т.д. в мужском роде: *врач, доктор, учитель, преподаватель, директор, заведующий, лидер, спикер* и мн. др. Такое «самоотречение» незнакомо женщинам в Западной Европе (Германия, Франция) и в славянских государствах Центральной Европы (Сербия, Хорватия, Словения, Чехия, Польша), где в языках легко образуются существительные женского рода – названия женщин по видам деятельности и, что самое важное, функционируют наравне с однокоренными существительными мужского рода, называющими мужчин, имеют одинаковый с ними стилистический статус: *Kanzler – Kanzlerin*. В английском языке женщину называют либо специальным словом женского рода (*Congresswoman*), либо добавляют слово, указывающее на пол: *Professor/Dame*. Как видно из примеров, все эти слова не имеют окончания *-а/-я*, привычного для русского языка, и поэтому не могут служить образцом для повышения стилистического статуса русских слов женского рода типа *докторша, директриса, заведующая*.

В русском языке подобные существительные женского рода широко распространены в разговорной речи и не приняты в речи официально-деловой. Причины кроются, скорее всего, в менталитете носителей русского языка. Однако в русском языке в ответ на потребности социума образуются и апробируются новые номинации и целые конструкции. Среди них рассмотрим «женщина + существительное мужского рода». Эта аналитическая конструкция все чаще встречается в текстах газет, новостных сообщениях и т.п., то есть именно в тех сферах функционирования языка, где и происходит его развитие: *женщина-руководитель, женщина-директор, женщина-президент* и т.п. Одновременно начали появляться «парные» этим конструкции «мужчина + существительное мужского рода», их можно встретить в основном во множественном числе. Это объясняется тем, что одно из значений слов мужского рода интересующей нас тематики – название лиц обоего пола во множественном числе: *россияне, учителя, граждане, жители*. Эти слова употреблялись в случаях, когда не было необходимости называть пол людей. Поэтому слова *руководители, директора, президенты, министры* – в прошлом это были названия должностей только мужчин – употреблялись самостоятельно, без добавления слов «мужчина», «женщина». Однако в нашу эпоху женщины все чаще

занимают эти высокостатусные должности, и это привело к необходимости указывать, о ком – мужчине или женщине – идет речь. В социологическом исследовании, посвященном женщинам-руководителям, во множественном числе употребляются две конструкции – «мужчины-руководители» и «женщины-руководители» для различения пола называемых лиц. В этой конструкции соблюдены требования социального характера: присутствует слово мужского рода, называющее женщину как высококлассного профессионала, а также слово «женщина», указывающее на пол лица. Одновременно необходимо обратить внимание на то, что с точки зрения закона экономии усилий – одного из фундаментальных законов языка – такие конструкции громоздки и нежелательны. Но в языке часто действует примат социального над собственно языковым, поэтому названные конструкции сохраняются и развиваются, захватывая даже номинации женского рода: можно встретить плеонастические конструкции *женщина-чиновница*, *женщина-дрессировщица*, где слово *женщина* избыточно.

Таким образом, современный язык находит новые способы выразить значения высокостатусных видов деятельности женщин. Показанные здесь конструкции представляют собой компромиссный вариант: не имея официального статуса, равного словам мужского рода типа *руководитель*, *директор* и т.п., они содержат слово «женщина» и тем самым указывают на пол лица. Благодаря таким конструкциям появляется возможность избегать курьезных фраз типа *инженер женился на враче*, хотя появляется громоздкость: *инженер женился на женщине-враче*. Надо полагать, постепенно в языке выработается социально принятый вариант номинации женщины по виду ее деятельности, в том числе как лидера и руководителя.

Г.Т. Бакиева

*Тюмень, Институт проблем освоения Севера Сибирского
Отделения РАН*

ЖЕНЩИНА В ПОСЛОВИЦАХ СИБИРСКИХ ТАТАР

Пословицы и поговорки одни из самых популярных жанров фольклора любого этноса. В них отражается жизненный опыт многих поколений, специфика национального мировосприятия и национального характера, менталитета народа.

В настоящей статье анализируются пословицы сибирских татар в гендерном аспекте, а именно – посвященных женщинам в семье в разных ее ипостасях – мать, дочь, невестка (сноха). Источником исследования являются пословицы сибирских татар, собранных и опубликованных автором. Материал был собран в ходе многолетних экспедиционных выездов в местах компактного проживания самой большой группы сибирских татар – тоболо-иртышской, на юге Тюменской области.

Дочь. Традиционная сибирско-татарская семья была многодетной. Несмотря на то, что особые надежды родителей всегда связывались с сыновьями, рождение дочери воспринималось как радость, она и помощница и украшение дома: *Кысы парның ырсыгы пар, улы парның уты пар* (У кого есть дочь – прибыль будет, у кого есть сын – очаг); *Кыс пала йортка писәк* (Девочка – украшение дома); *Кыс пала – инәсенә тайау, ир пала – атасына тайау* (Дочь – опора матери, сын – опора отцу). Большая беда для родителей, если дети не оправдают надежд и вырастут бестолковыми: *Улы уңмаган ут йотар, кысы уңмаган кус йотар* (У того, у кого бестолковый сын – огонь проглотил, у кого дочь бестолковая – угли проглотил). Если в семье воспитывалась дочь, нельзя обсуждать и осуждать других девушек: *Кысыл көңгөгәң (кысың) пулса, кешетән көлмә* (Если есть красный щенок (дочь), над другими не смейся). Родители осознавали, что рано или поздно дочь уходит из-под родительского крыла в чужой дом *Кыс паласы – кеше паласы* (Дочь – чужой ребёнок). Девушку обязательно должны были выдать замуж, так как считалось, что женщина без мужа – лошадь без узды (*Ирсес катын йөгәнсес ат*). Обществом предписывалось с самого рождения дочери готовить приданое: *Кысыңны сәлтәпкә сал, малыңны тишеккә сал* (Дочь в люльку клади и сразу начинай копить приданое). В прошлом при достижении 16 лет девушка была готова к замужеству; с этого возраста ее начинали сватать: *Кыслы өйгә кырык йертән йауцы* (В доме, где есть девица, из сорока мест сваты). Несмотря на то, что было предосудительным выдавать дочь замуж после первого сватовства, но также и не затягивали со свадьбой, так как, по мнению сибирских татар, засидевшаяся девица, что горящие угли (*Утырған кыс – утлы кус*).

Невестка. Жена. Положение невестки в семье мужа, особенно в первое время, складывалось весьма сложно. У сибирских татар на этот счет имеется ряд пословиц: *Килен кеше ким кеше, йалчы пелән тин кеше* (Невестка подневольное существо наравне с рабыней); *Кыйтык коймак киленненке* (Некрасивый блин у невестки); *Ай тормый – атынны, йел тормай киленне мактама* (Не хвали коня, не прожившего месяц, сноху, не прожившую год); *Оллы йурган кысымныңкы, кеңе йурган киленеңке* (Большое одеяло – дочери, маленькое – снохи); *Улым сиңә әйтәм, киленем син тыңла* (Сыну говорю, невестка – слушай). Особенно сложно было угодить свекрови: *Йаман кәйнә йомортка та кыйым табаты* (Плохая свекровь и в яйце изъян найдет). Но как бы ни было тяжело в семье, народная мудрость предписывало невесткам не выносить сор из избы: *Парасың йән – палта шикелле патын кит* (Выходишь замуж – как топор утони); *Пашың йарылса – йаулыг эцентә пулсын, кулың сынса – йең эцентә пулсын* (Голова разобьется – пусть в платке останется, рука сломается – в рукаве останется).

В то же время в сибирско-татарской культуре признается значимость роли женщины в семейных отношениях. Женщина у сибирских татар – хранительница устоев семьи, от нее зависит мир и радость в семье: *Ирен, устергән тә катын, пөтергән тә катын* (Женщина и возвеличит мужа, и опустит мужа); *Сөйтергән тә катын, пөтергән тә катын, көлтергән тә катын* (Женщина и любовь дает, и разорение, и смех); *Йаткшы катынның ире тә йаткшы* (У хорошей жены и муж хороший).

Народная мудрость гласит, что жена должна быть умной: *Сирәк катын иргә кәрәк, катынга уңган ир кәрәк* (Умная жена мужу нужна, жене толковый муж нужен); хозяйственной сноровкой, уметь быть бережливой: *Ир табаты – катын пүләте* (Муж зарабатывает, жена распределяет); *Ир – келәт, катын – йосак* (Муж – клеть, жена – замок); *Ирең саран пулса – сапаслы пул* (Если муж скряга – запасливой будь); *Уңган катын йеткерәр, уңмаганы пөтерәр* (Хорошая жена прибавляет достаток, нерадивая – растратит); чистоплотной: *Катынның ирең күлмәк йағасыннан пеленер* (О жене можно судить по воротнику мужа).

Напротив, общество резко осуждало такие качества в женах, как лень: *Этнең йаманыннан, пицәнең кыйрасыннан курык* (Со-

баки злой бойся, а жены – ленивой); *Кыйра пица – төпсөс музка* (Ленивая жена – бездонная бочка); расточительство: *Атың йемер пулса – кирте Котай, катының йемер пулса – орты Котай* (Если конь много ест – Бог дал, если жена ест много – Бог наказал). Негативную реакцию общества вызывали гулящие и неверные жены: *Ирен саткан – илгә сыймас* (Изменившая мужу – в мир не войдет); *Ир өйт эн цыкса – пәгете аңылаты, катын кеше өйтән цыкса – итәге аңылаты* (Мужчина выйдет из дома – для него счастье открывается, женщина выйдет из дома – подол открывается); *Уйнаш катын – уртак катын* (Гулящая жена – общая жена); *Урам себерткесе өй себермәс* (Уличная «метелка» (гулящая женщина) в доме не уберется); *Йөртәк пица өйенә йетә йөгәрәте* (Гулящая женщина, только приближаясь к дому, начинает торопиться); *Ир ишектән – пица тишектән* (Муж в дверь, жена – через щель).

Мать. Особое отношение у сибирских татар сложилось к матери. *Катын ун пулыр, инә пер пулыр* (Жен может быть десять, мать – одна); *Усеңнән өстөн – атаң, үсеңнән йакын – инәң* (Выше себя – отец, ближе себя – мать); *Очмак инәләрның айаг астынта* (Под ногами матерей – рай). В случае смерти матери, дети – сироты: *Инә – қасна, ата – йеснә* (Мать – казна, отец – зять); *Атасыс йәтим – тик йәтим, инәсес йәтим – пөтөн йәтим* (Без отца – наполовину сирота, а без матери – круглая сирота). Она всегда поймет и поддержит ребенка, сколько бы ни было ему лет: *Ана өңөн пала алтыта пала, алтмышта та пала* (Для матери и шестилетний ребенок, и шестидесятилетний). Для матери, ребенок – самый главный человек: *Ир кайгысы – итәктә, пала кайгысы – йөрәктә* (Горе по мужу – до подола, горе по ребенку – в сердце); *Ана куңеле палата, пала куңеле талата* (Радость матери в сыне, радость сына в степи). Сколько бы ни было детей, душа матери боли т за всех одинаково: *Кайсы пармағынны цәйнәсәңтә, аурытаты* (Какой палец не откусишь, больно).

Таким образом, корпус проанализированных паремий сибирских татар дает важное представление об образе женщины в традиционной культуре. На основе используемого материала можно воссоздать как идеальный образ женщины, так и отрицательный.

КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ГЕНДЕРА В ПОВСЕДНЕВНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Во всех типах общества концепт «гендер» как организующий принцип подразумевает совокупность когнитивных категорий. Когнитивные факторы гендера – это культурно обусловленные понятийные схемы, дифференцированно формирующие идентичность в зависимости от контекста бытия или деятельности. Эффекты гендера как организующего принципа проявляются в повседневности через язык и аргументацию, отображая когнитивные аспекты бытия или деятельности, или соответственно, женского и мужского типа социализации.

В гендерных исследованиях, начиная с психоаналитических, объяснение различий в статусах полов обусловлено различиями в процессах социализации, в результате которых женская сущность в большей степени определяется биолого-социальными факторами, мужская сущность – социально-культурными. В частности, ориентация на личные или на общественные связи в социальном взаимодействии означает, что женская роль в большей степени детерминирована структурой семейно-родственных отношений, мужская – вхождением в структуру общественных отношений. Это обуславливает разные стратегии социального взаимодействия – заботу или соперничество.

Когнитивные аспекты стратегий заботы и соперничества включают аргументационные модусы биологического и культурно-социального: тела и разума, эмоционального и интеллектуального, чувственного и рационального в зависимости от выбора бытия или деятельности. Данные модусы являются одновременно оппозициями, так как полностью или частично исключают друг друга, и компонентами, так как дополняют друг друга, составляя систему, порождающую изомерию в поведении агентов аргументации в повседневности. Дихотомия аргументов «тела» и «разума» подтверждается когнитивным разграничением онтологических и гносеологических структур мышления, которое позволяет устанавливать различия, во-первых, в опыте, или переживаниях мира, во-вторых, в способах инструментального овладения миром. Когнитивное раз-

граничение концептуально обосновывается в контексте категорий бытия (онтология) и деятельности (гносеология).

Опыт как онтологическая структура не является понятийной и рефлексивной. Она экзистенциальна, так как представляет собой чувственное переживание мира, или осуществление себя. Инструментальное овладение миром – гносеологическая структура, следовательно, понятийная и рефлексивная, подразумевающая поиск способов полагать себя в мире. Оба подхода логически связаны, так как онтологический принцип события (или событийности) является инверсией принципа деятельности. В категории бытия как инверсии категории деятельности происходит переакцентуация: доминантным становится не инструментальное воздействие на внешний мир, а раскрытие и осуществление себя как стремление к саморазвитию и самораскрытию.

Аргументационные стратегии «осуществлять себя» и «полагать себя» в социальном взаимодействии и взаимопонимании описываются, соответственно, в категориях бытия и деятельности, которые ассоциированы с женским и мужским началом. Гендерное различие происходит по шкале поиска способов осуществить себя или по шкале поиска форм полагать себя в мире. Доминирует либо онтологический принцип событийности как осознание своего влияния на то, что с ним происходит в терминах собственного феноменологического мира, образа себя и реальности, либо гносеологический принцип инструментальной активности как самоутверждение любой ценой.

Доминирование онтологии или гносеологии воспроизводится в эпистемологическом опыте субъекта, который составляют континуальные и дискретные инварианты использования естественного языка. Гендерные различия подобных инвариантов обнаруживаются в способах построения ментальных репрезентаций – аналоговых и пропозициональных, представляющих собой эмоционально-континуальные образы бытия или рационально-дискретные структуры деятельности. Аналоговая репрезентация является конкретной, или модально-специфичной (т.е. связана определенной модальностью), отображающей экзистенциальный опыт взаимодействия с миром. Пропозициональная репрезентация является абстрактной, или модально-неспецифичной, построенной по определенным правилам синтаксиса, следовательно, отображающей гно-

сеологические схемы взаимодействия с миром. Гендерное различие двух репрезентант – мир дан агенту повседневной аргументации в самоощущении или самосознании.

Гендерные различия репрезентант обусловлены наличием в языке аспектов действительности, которые не порождены собственным бытием или деятельностью. Основные причины неполноты присутствия в языке связаны с логико-когнитивными процедурами обобщения, селекции и искажения, порождающими набор культурных реакций, включающих когнитивные факторы гендера. В частности, гендерные стереотипы – как их результат – генерируют ряд условностей и ограничений, например, сексизм как предубежденное отношение к противоположному полу. Его логико-когнитивная аргументационная структура – преуменьшение достоинств и преувеличение недостатков – заимствует содержательные доводы из сферы бытия или деятельности.

Гендерные различия женского и мужского способа мышления обусловлены разными контекстами корреляций его структур с концептуально-смысловым строем повседневного языка, высвечивая в аргументации разные феномены. Это означает, что «пороговое значение стимула зависит от инвариантных структур обобщенных признаков и от типичности примеров или образцов из категориальных множеств (прототипов)». Атрибуты и прототипы мужского и женского инвариантов в повседневной аргументации не совпадают. Например, в процессе воспитания девочек и мальчиков формируются отличные друг от друга, допустим, астенические (подавляющие) факторы жизнедеятельности.

Когнитивные факторы гендера в повседневной аргументации ортогональны: личное (свое) / публичное (чужое), личностная идентичность / культурная идентичность, устойчивость в доме / устойчивость в социуме, мир как значимость / мир как значение, обретение стабильности / быть в поиске. Например, аргументы, используемые в «женской» рекламе, направлены на обоснование жилища как места бытия и самоощущения, где больше своего, а не чужого (*безупречная чистота, ослепительная белизна или мамина любовь в шоколадном батончике*). Аргументы, используемые в «мужской» рекламе, характеризуют публичное пространство как место активности и самосознания, где больше чужого, а не своего.

Образуемые когнитивными факторами гендера квадранты позволяют содержательно различать два феномена сознания: индукцию мышления чувствами и рационализацию чувств, или женскую и мужскую повседневность. Они различаются базовыми (логическими) уровнями и прототипами в повседневной аргументации. Базовый уровень категориального содержания бытия или действия – это промежуточный уровень абстракции, спонтанно или осознанно актуализируемый индивидом. Спонтанно актуализируемый уровень содержит предпочтительный уровень абстракции, на котором находятся самые репрезентативные (типичные) примеры категоризации бытия или действия – прототипы, которые являются в большей степени реактивными для поведения индивида по сравнению с другими: быстрее вспоминаются, визуализируются, вызывают эмоции, побуждают к действиям и пр. Осознанная актуализация не предпочтительного, а необходимого уровня сдерживает реактивность, приводя не самые репрезентативные примеры из контекста бытия или деятельности.

Таким образом, когнитивные факторы гендера, раскрываемые в повседневной аргументации, влияют на онтологические (бытие и забота) и гносеологические (деятельность и соперничество) структуры повседневной идентичности. Пересечение ортогональных факторов позволяет распознавать аргументационные структуры бытия и деятельности и выявлять их организационные переменные, так как именно структурная организация оказывает мощное влияние на основные когнитивные процессы гендера в повседневности.

Н.К. Радина

Нижний Новгород, НИУ Высшая школа экономики

МОТИВАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ КОММЕНТИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕМИНИСТСКИ- ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Современная журналистика – цифровая и интерактивная – представляет новые возможности как для читателей (комментирование текста), так и для исследователей (изучение интерпретаций и восприятия текста читателями по оставленным комментариям). Особый интерес с точки зрения исследований комментариев представляют тексты СМИ, тематически локализованные в конфликт-

ных областях, в тех смысловых и информационных полях, где общественное мнение поляризовано, а площадки для комментирования используются для утверждения той или иной позиции.

К одной из таких «горячих тем» по-прежнему относится тема гендерного равенства, вопросы о положении женщин и мужчин в России. Интерактивный характер электронных публикаций позволяет авторам комментариев вступить в дискуссии как с авторами публикаций, так и с другими комментаторами. Мотивы для вступления в подобные дискуссии, как правило, комментаторами не артикулируются и, наиболее вероятно, не осознаются. Однако, по данным исследователей коммуникации, именно дискуссии являются эффективным инструментом для «раскачивания мнений» и изменения позиции дискуссантов.

В качестве привлекательного инструмента изучения комментариев к электронным публикациям возможно рассматривать интент-анализ. Интент-анализ в современной коммуникативистике используется преимущественно в политической лингвистике и исследованиях в области консультативной психологии. Опирается интент-анализ на теорию речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, которая создает оригинальную модель коммуникативной ситуации, включающей кроме традиционных компонентов (говорящий, слушающий, высказывание, обстоятельства) также цель и результат речевого акта.

По своей процедуре практика интент-анализа в сущности является закрытым кодированием (для анализа имеющихся текстов используется готовый словарь интенций). Достаточно часто в исследованиях используется словарь интенций, разработанный сотрудниками Института психологии РАН для изучения конфликтного политического дискурса. Ключевой проблемой интент-анализа является его экспертная форма, следовательно необходимость выполнять интент-анализ экспертной группой и соотносить мнения экспертов.

В то же время современные исследователи текстов продолжают поиски удобных и продуктивных алгоритмов, в том числе работают над изменением словаря интенций под различные задачи, а также предпринимают попытки классификации и систематизации интенций для удобства последующего анализа. Так, М.Ю. Олешков предлагает типологизировать не речевые акты, а коммуникативные стратегии как результат организации речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией.

При этом коммуникативная стратегия понимается как общее намерение, задача в глобальном масштабе, сверхзадача речи, диктуемая практической целью (интенцией) продуцента. М.Ю. Олешков предлагает следующую типологию коммуникативных стратегий, включающих речевой акт и коммуникативную ситуацию реализации речевого акта: информативно-воспроизводящий блок (сообщение, репродукция и обобщение), волеизъявление, управление), контрольно-реактивный блок (оценочная и экспрессивно-оценочная реакция), эмотивно-консолидирующий блок (предложение собственной картины мира для кооперативного взаимодействия), манипулятивный блок (социальное доминирование, установление иерархии).

Цель представляемого исследования – описать коммуникативные стратегии и мотивационные основы комментаторов, принимающих участие в «гендерных дискуссиях» в сети, а также проанализировать вариативность экспертного мнения при анализе комментариев в сети.

В качестве материалов исследования используется 115 комментариев к статье А. Солнцевой «Мужчина под елочку», посвященной историческим корням проблем мужской социализации в России. Интент-анализ комментариев к статье был выполнен 10 начинающими экспертами, которые по итогам анализа дискуссии выделили 141 интенцию.

В качестве словаря интенций для закрытого кодирования был использован обновленный словарь интенций для конфликтного политического дискурса. При анализе использовалась типология коммуникативных стратегий М.Ю. Олешкина в соотнесении с словарем интенций. К информативно-воспроизводящему блоку отнесены интенции, сопровождающие коммуникацию: удивление, вопрос; выражение несогласия и согласия, поддержка, непринятие, отказ от коммуникации, проявление симпатии. В эмотивно-консолидирующий блок вошли: самопрезентация, привлечение внимания, успокоение аудитории, прогнозы, самооправдание. В манипулятивный блок включены оскорбления, угрозы, дискредитация, демонстрация силы без явной угрозы и морализаторство. Волеизъявление-управление блок содержит побуждения к позитивному действию и рекомендации, подстрекательство к негативному, обвинения, предупреждение о последствиях, отвод обвинений.

К контрольно-реактивному блоку относятся похвала, сарказм, критика, ирония; разоблачение.

По мнению экспертов, желание вступить в дискуссию после чтения статей феминистской ориентации, обусловлено желанием предложить собственную картину мира для взаимодействия, что типично для других дискуссий по итогам прочтения материалов политической тематики.

Мотивационные стратегии комментаторов можно идентифицировать следующим образом: информативно-воспроизводящий тип – 24%, эмотивно-консолидирующий тип – 32%, манипулятивный тип – 13%, волюнтивно-директивный тип – 7%, контрольно-реактивный тип – 24%.

Далее значимы мотивационные блоки, отвечающие за желание воспроизвести в речи наблюдаемое и дать оценку ситуации. Доминирование и побуждение к действию замыкают мотивационный рейтинг сетевых комментаторов по гендерной тематике.

В соотношении с притязаниями (по Ю. Хабермасу), ведущим притязанием коммуникаторов является притязание на истину, относительно значимы также – на искренность и правосудие. Замыкает список притязаний – притязания на власть. Следовательно, подобные «гендерные баталии» в сети – интеллектуальные игры с незначительным потенциалом реального действия.

М.М. Солодкова

*Санкт-Петербург, Центральный военно-морской музей
Министерства Обороны РФ*

А.А. Цыбульникова

Армавир, Армавирский государственный педагогический университет

Половозрастной символизм в одежде как внешний атрибут социализации молодежи (на примере традиций Кореи)

Традиционный костюм (*ханбок*) имел для каждого корейца особое значение: по платью узнавали к какому кто принадлежит сословию, женат ли человек или холост, по кому он носит траур и т.д. Костюм как визуальный комплекс постоянно сопровождал своего владельца, наглядно отражая понятия и ценности, характерные для данного общества. Одежда включала особые маркеры социально-экономической

и половозрастной дифференциации, не только демонстрирующие принадлежность человека к той или иной социальной группе, но и являющиеся опорными точками для конструирования визуальной определительной системы «свой–чужой». Чем старше становился ребенок, тем большее значение приобретал гендерный символизм в его внешнем облике, но усиление маскулинных либо феминных черт происходило строго в соответствии с этапами его социализации.

В своей основе детская одежда у корейцев копировала одежду взрослых, но были и половозрастные особенности. В основном это касалось материала, из которого ее шили, и украшений, в первую очередь выполнявших магическо-оградительные функции. Наиболее значимыми в изменении внешнего облика ребенка были следующие возрастные периоды: год, три года, пять и семь лет. Ребенку дарили особый *ханбок* на его первый день рождения. Начиная с пяти лет, одежда мальчиков становилась отличной от одежды девочек. В эпоху Чосон дети взрослели быстрее, поэтому каждый год были изменения в общественном статусе ребенка, что непосредственно отражалось через одежду. Вплоть до начала XX века детство могло закончиться в 10 либо 15–16 лет, когда вступали в брак.

Перед вступлением в брак необходимо было пройти обряд совершеннолетия. Этот обряд состоял из трех частей и начинался рано утром. К началу церемонии молодой человек приходил с детской прической (опущенной на спину косой) и одетым поверх повседневного комплекта нижней одежды, состоящего из *чогори* и *пачжи*, в детский церемониальный халат (*сагюсам*). Халат был светло-зеленого цвета и оторочен по краям черными полосками, на которых были нанесены благожелательные иероглифы. Распорядитель церемонии менял ему детскую прическу на взрослую (*сантху*). Для этого волосы собирались вверх и черными шнурками перевязывались в пучок на темени, образуя своеобразную «волосяную шишку». Втыкались особые шпильки, в домах с достатком были помимо этого специальные чехольчики и налобная повязка (*мангон*). Затем молодой человек переодевался в халат (*симый*) и подвязывался тонким поясом. Рукава были узкие, полы книзу расширялись. Такие халаты носили в домашней обстановке ученые-конфуцианцы.

Второй этап инициации начинался с того, что распорядитель церемонии надевал головной убор (*чхорит*) на голову посвящаемо-

го. Он изготовлялся из соломы и имел не очень широкие выгнутые вверх поля, немного сужающуюся кверху тулью с небольшой прогибающейся внутрь воронкой. Ее носили на самой макушке головы, держалась она на лентах, подвязываемых под подбородком. После этого молодой человек снова переодевался в халат (*тонхо*). Это повседневная уличная одежда из белой или бледно-голубой ткани. Длинные рукава и расширяющиеся книзу полы. Данный халат являлся показателем статуса взрослого.

На третьем этапе молодому человеку надевали на голову модель чиновничьей шляпы (*само*). Отличительная особенность – наличие на затылочной части элемента, похожего на бант. После этого молодой человек переодевался в халат (*нансам*), который своим покроем напоминал служебный халат чиновника (*тальён*) с нашитыми по краям тонкими черными полосками ткани.

Во время переодеваний читались наставления и благие пожелания в соответствии с проходимыми этапами. Основное в обряде – изменение внешнего облика по половозрастному и социальному признакам как показатель изменения статуса.

У девочек церемония с таким символическим смыслом называлась «Кере» – буквально «втыкание шпильки в прическу». Женская инициация была не так сложна и торжественна, как мужская церемония. Это связано с тем, что социальный статус мужчины в обществе Чосон был гораздо выше женского. Женщина не была равной, с ней обращались как с низшей, и с детства девочек воспитывали так, чтобы они обслуживали мужчин своей семьи (отца, мужа, а затем сына). В процессе инициации в прическу втыкались всевозможные головные украшения: шпильки, булавки и т.д.

После обряда совершеннолетия проводилась непосредственно свадебная церемония. Свадебные костюмы жениха и невесты имитировали одежду высокопоставленного чиновника и дворцовой дамы соответственно. Костюм жениха состоял из *тальён*, широкого плотного пояса, застегивающегося на груди, парадного головного убора (*само*) и черных сапог на деревянной подошве (*мокхва*). Невеста надевала пышный свадебный наряд и головной убор «сто соцветий». Одежда невесты состояла из шелковой красной юбки, кофты оливкового цвета и фиолетового халата.

Цвет имел большое значение в выборе костюма, так как была социальная символика цвета. *Ханбок*, который надевали молодые девушки на брачную церемонию, был преимущественно красно-желтого цвета (*чхима* – красного цвета, *чогори* – желтого). После обряда венчания, когда проводился обряд поклонения "новым родителям" и во время медового месяца девушки меняли костюм, то есть *чхима* оставалась ярко-красной, а *чогори* – зеленым. На свадьбе мать жениха всегда носила *ханбок* синего или близкого к нему цвета, а мать невесты – розового. Пурпурный цвет воротника блузы означал, что женщина замужем, а голубые манжеты – что она имеет сына.

Цвет женской одежды зависел и от возраста: девушки и молодые женщины шили одежду из ярких тканей – красных, синих, зеленых, желтых и др.; женщины после тридцати лет могли носить фиолетовую одежду, а пожилые женщины – преимущественно белую. Крестьянки для работы надевали синие или черные короткие юбки. Выходя на улицу – женщины набрасывали халат и при встрече с посторонним мужчиной прикрывали лапами халата лицо.

Таким образом, половозрастной символизм в одежде корейской молодежи являлся неотъемлемым внешним атрибутом ее социализации. Переход на очередную статусную ступень сопровождался соответствующими изменениями во внешнем облике, основной целью которых было приближение типа одежды и украшений ребенка к взрослому образцу. Одним из наиболее значимых в этом отношении являлся этап инициации (обряд совершеннолетия), одинаково важный для обоих полов. Дальнейшие значительные половозрастные изменения во внешнем облике девушки будут связаны с церемонией бракосочетания и рождением детей.

П.Д. Кубышева

Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

НОВЫЙ ИДЕАЛ АМЕРИКАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В РОМАНАХ ДЖ. УЭБСТЕР

Рубеж XIX–XX вв. – время первой волны феминистского движения – ознаменовался в США настоящей революцией в литературе для девочек. На смену «Маленьким женщинам» и «Хорошим женам» Л. Олкотт приходит новый идеал молодой американки: со-

циально активной и независимой, мечтающей не о браке и детях, а о получении образования и самореализации.

Американская феминистка, писательница и общественный деятель Дж. Уэбстер (1876–1916) создает в своих романах, предназначенных для подростков, образы героинь, на которых хотели быть похожими ее читательницы, недаром лучшие ее книги: «Длинноногий дядюшка» (1912) и «Милый недруг» (1915) – стали бестселлерами в США. Сама Дж. Уэбстер получила хорошее образование и ещё с колледжа была членом Ассоциации государственных благотворительных организаций, поэтому основными темами ее романов являются проблемы женского образования, женского труда, организация жизни в сиротских приютах, благотворительность, право женщины на свободный выбор супруга и развод.

Начнем с первой части дилогии – «Длинноногий дядюшка». В данном произведении феминистские взгляды Джин Уэбстер выражены не столь ярко. Во многом история главной героини – Джеруши Эббот, бедной сиротки из приюта, ставшей образованной женщиной, писательницей и счастливой женой состоятельного человека, напоминает историю Золушки. Неизвестный благотворитель, которому понравилось сочинение девушки, оплачивает ее учебу в колледже, с единственным условием – она должна каждый месяц писать ему письма, на которые не будет получать ответа. «Длинноногий дядюшка» (как называет его Джеруша) оказывается так покороен эпистолярным талантом героини, что начинает навещать ее в колледже (в качестве дяди ее подруги). Патрон и опекаемая студентка влюбляются друг в друга и в финале собираются вступить в брак. Но этот довольно банальный финал подается как счастливое стечение обстоятельств. На самом деле, Джуди мечтает вовсе не о браке, а о получении образования (*«Вы не поверите, Дядюшка, какую бездну невежества являет собой мой разум; только теперь я осознаю всю его глубину... Вы видите, сколько мне нужно нагнать»*) и финансовой независимости: *«Я должна получить стипендию за два года, которая покроет пансион и обучение. Она была учреждена за «выдающиеся успехи по английскому языку и блестящие результаты по другим предметам в целом». И я ее выиграла!...Я несказанно рада, Дядюшка, потому что теперь я не буду для Вас такой обузой. Все, что мне понадобится, это ежеме-*

сячное пособие, и, возможно, я заработаю его писательством, преподаванием или еще чем-нибудь». Ее отличает уверенность в себе и наличие собственного мнения, а порой и довольно провокативное поведение по отношению к своему патрону: *«Помимо всего прочего... но что толку спорить с женщиной? Вы, мистер Смит, принадлежите к полу, напроць лишенному логики. Существует только два способа убедить мужчину: надо либо терпеливо уговаривать, либо противоречить. Мне претит уговаривать мужчин, чтобы добиться желаемого. Следовательно, я должна стоять на своем».* Несмотря на зависимость от попечителя, несмотря на искреннюю благодарность ему, Джеруша способна на некий бунт, на отстаивание своей позиции. И это подается как положительные черты ее характера, которые и покоряют "мастера Джерви". Брак, в который вступают герои, – это союз не Золушка и принца, но молодой многообещающей писательницы и состоятельного филантропа, брак независимой женщины и самодостаточного мужчины, построенный исключительно на любви, общих интересах и взаимопонимании. В этом проявляются отголоски феминистских идей о равноправии женщин в семье и обществе.

Теперь обратимся ко второй части – «Милый недруг», в которой феминистские взгляды прослеживаются более четко. Возможно, это обусловлено возрастом героинь: если в первой части персонажами были молоденькие девушки, которые учились в колледже, и на их примере можно было раскрыть лишь тему женского образования и зарождения женского бунта, то во второй части изображаются молодые женщины, которые уже получили достойное образование и хотят принести пользу обществу, работая наравне с мужчинами.

Главной героиней и автором писем в этом романе становится подруга Джеруши – Салли МакБрайд, которая родилась в богатой семье, помолвлена с молодым и амбициозным политиком – Гордоном Холлоком и априори должна блистать в высшем свете. Но вместо этого она становится главой сиротского приюта. Причем не номинально – она отказывается от старых традиций и застывших правил, становится реформатором и свежим дыханием в стенах приюта. Ее цель *"внести побольше любви, тепла и света в эти мрачные маленькие жизни"*. Салли активно проводит в жизни ре-

формы, направленные на улучшение положение детей, развитие их индивидуальности, устройства в семье как можно большего числа сирот. Работа так захватывает ее, что у Салли *"нет ни одной свободной минутки. К вечеру я так устаю, что если бы не строгая Джейн, я легла бы, не раздеваясь"*. Однако именно общественно полезный труд делает Салли счастливой женщиной, и выбирая между светскими обязанностями, которые сулит ей брак с Гордоном, и трудами в приюте, она без колебаний отказывает жениху, язвительно комментируя это в письме к подруге: *«Он найдет какую-нибудь другую девушку с такими же эффектными волосами, которую не будут смущать идеи о служении обществу, миссии женщины и прочей ерунде, занимающей умы современного поколения женщин»*. Таким образом, мы видим как по мере накопления опыта в качестве главы приюта, в Салли просыпаются лидерские качества и крепнет ее уверенность в значимости ее работы, она поднимается по общественной лестнице на одну ступень с мужчиной. Из взбалмошной красотки она превращается в независимую женщину: *«Я не думаю, что счастливая замужняя женщина могла бы понять, как восхитительно сознание, что ты ОДНА и ни от кого не зависишь»*, что парадоксальным образом помогает ей обрести и личное счастье, став женой своего единомышленника и коллеги – доктора Робина Мак-Рэя.

Из всего выше сказанного следует вывод, что произведения феминистки Джин Уэбстер стали отражением её взглядов и идей. В своих романах она рисовала американским подросткам примеры того, какой должна быть современная американская женщина: не просто женой, матерью, светской львицей, но и образованным, независимым, самодостаточным профессионалом.

М.А. Орехова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД РЕЧЕВЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ «ЖЕНСКИХ» ЖУРНАЛОВ

Гендерные исследования занимают особое место в лингвистической науке. При этом изучаются специфические особенности мужской и женской речи и шире – коммуникативного поведения. Под гендером обычно понимается социокультурное понятие, свя-

занное с определенными качествами, характеристиками и нормами поведения индивида на основе его биологического пола. «Гендер – это большой комплекс социальных и психологических процессов, а также культурных установок, порожденных обществом и воздействующих на поведение национальной языковой личности. Таким образом, в гендере происходит сложнейшее переплетение культурных, психологических и социальных аспектов».

Под гендерными стереотипами, связанными с языковым выражением феминности и маскулинности, понимают «культурно и социально обусловленные мнения и presuppositions о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке». Проследим речевые особенности некоторых женских журналов – *Cosmopolitan*, *Glamour*, *Elle*.

В журнальном тексте проявляется модель социальных отношений между мужчиной и женщиной (гендерный стереотип), связанный с разделением труда, культурными и этическими нормами, ролями и стереотипами. Целевая аудитория этих журналов – молодые активные целеустремленные женщины, которых интересует карьера, вопросы здоровья, секс, путешествия, светские мероприятия, жизнь знаменитостей. Журнал создан для женщин и полностью соответствует их и ожиданиям.

Обложка иллюстрированного журнала, ориентированного на женскую аудиторию, привлекает внимание, вычленяет свою целевую аудиторию и информирует читателя о содержании. Рубрики журналов традиционны: Стиль. Мода. Красота. Культура. Стиль жизни. Карьера и деньги. Темы – тоже: разговор о моде (одежда, которую необходимо носить, места, которые необходимо посещать, тенденции, которым надо следовать), о мужчинах (как их завоевать и как их бросать), о женщинах (как с ними дружить и на них походить).

Речевое поведение в статьях «женских» журналов характеризуется повышенной эмоциональностью (употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, прилагательные со значением оценки: придиричivé модницы, уютная кафешка, умопомрачительный наряд). Большая эмоциональность женщин, видимо, проявляется и в большей склонности женщин к оцениванию. М.А. Ягубова называет большую значимость эмоциональных оценок

в женской речи и тенденцию к преувеличению оценок и эмоций, которая выражается в более частом использовании интенсификаторов, стилистически и эмоционально окрашенных средств. Часто использование аффективной лексики и слов, описывающих психологическое состояние человека: *«Моя подруга ужасно любит наряды»*. Женская речь в меньшей степени насыщена неологизмами и терминами: они употребляются только при необходимости: *«Благодаря высокому содержанию флавоноидов горький шоколад благотворно влияет на сердечно-сосудистую систему. Флавоноиды нейтрализуют свободные радикалы и борются со старением»*.

Доверительному, дружескому тону общения способствуют обращение на «ты», использование в текстах просторечной, разговорной лексики, стилистически окрашенных фразеологизмов: *«Самые радикально настроенные эскулапы вообще советуют драпать огородами от субъекта, чей аромат тебя не устраивает»*.

Речевое поведение с большим количеством глаголов в повелительном наклонении отличает определённая назидательность, дидактичность, благодаря чему многие статьи напоминают инструкции на все случаи жизни: *«Что делать? Не подписывать «по собственному», если нарушений за тобой не числится. Попросить приказ о сокращении»*.

Согласно результатам зарубежных исследователей, мужчины в своей разговорной речи используют больше существительных и глаголов, а в речи женщин встречаются чаще прилагательные и наречия.

Использование художественных средств является основной характеристикой публицистического стиля, поэтому в «женских» журналах используется много тропов и стилистических фигур (метафоры, ирония, эпитеты, сравнения и т.д.): *«гордая и сморщенная, как печеный баклажан», «тот, кто в ответ на агрессию показывал зубы, еще и портил собственную репутацию»*

В синтаксическом плане женская речь отличается обилием вводных слов и конструкций, что говорит о мягкости и некоторой нерешительности, об отсутствии категоричности в рассуждениях: *«Может быть, поэтому ты все время одна», «Возможно, тебе не хватает его любви»*.

Исследователи пришли к выводу, что женское коммуникативное поведение является кооперативным: женщина выбирает такие

языковые средства, при помощи которых ей удастся поддержать близость и равенство с собеседником, точно передавать слова другого человека. Этому способствуют вопросительные конструкции – «движущая сила разговора», неотъемлемая часть структуры диалога, предполагающая коммуникативное воздействие двух собеседников, функции которых в поддержании разговора, возможности участия всех говорящих в разговоре, а также риторические вопросы, выражающие эмоциональность восприятия и невозможность найти рациональное решение: «Почему бы не спросить его об этом?», «Ты устала бороться с лишним весом?»

В целом, «женские» журналы обладают своими лексическими, морфологическими и синтаксическими особенностями.

Г.П. Сидорова

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЪЕДИНЕННОСТИ И ВЗАИМОПОДДЕРЖКИ В ОБРАЗАХ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЛИРИКИ

Искусство обладает способностью целостного отражения действительности, постижения ее сути, глубинного обобщения, выраженного в художественных образах. Искусство конкретного исторического типа культуры выступает его кодом, отражающим глубинную суть, а также менталитет как «совокупность глубинных <...> смысловых и поведенческих структур, жизненных установок, принципов, моделей поведения, опирающихся на глубинные зоны смысла». Этим обосновано обращение к образам русской военной лирики в изучении «гендерных аспектов сотрудничества и взаимопомощи, объединения усилий для решения вопросов всеобщего благоденствия».

Объединенность и взаимоподдержка мужчин и женщин рассматривается диахронно сквозь призму образов русской лирики на тему Великой Отечественной войны. Проанализировано *шестнадцать* широко известных текстов 1940-х – 2000-х гг., из которых *один народный* («На поле танки грохотали»). Все они, кроме «Жди меня» К. Симонова, были положены на музыку и стали популяр-

ными в песенной форме. Авторами всех произведений являются мужчины.

Воинская служба в СССР была почетной обязанностью мужчин и женщин. Согласно Закону о всеобщей воинской обязанности (1939), в военное время женщины, имеющие медицинскую, ветеринарную и специально-техническую подготовку, могли быть призваны в армию и флот. В первые дни войны среди добровольцев до 50% заявлений было от женщин. На фронте в разные периоды войны наравне с мужчинами сражалось от 600 тыс. до 1 млн. женщин: медики, связистки, зенитчицы, снайперы, разведчицы, шофёры и лётчицы. На оккупированных территориях женщины участвовали в партизанском движении. В тылу они взяли на себя множество «мужских» специальностей: встали за токарные и фрезерные станки, освоили профессию металлурга и т. д.

Однако в лирике 1940-х, связанной с событиями Великой Отечественной, очевидно отражается традиционная гендерная специфика, где виды деятельности и социальные роли, права и обязанности строго разделяются по признаку пола на мужские и женские: мужчины – на фронте, женщины – в тылу. Мужчина уходит защищать Родину, а женщина провожает и обещает быть ему верной: «Ты провожала И обещала Синий платочек сберечь». Для воина образ Родины воплощается в конкретном образе любимой: «За них, родных, Любимых, желанных таких, Строчит пулемётчик, За синий платочек, Что был на плечах дорогих!» (Я. Галицкий «Синий платочек», 1940). Образ любимой согревает солдата в белоснежных полях рядом со смертью: «И поет мне в землянке гармонь про улыбку твою и глаза», «Мне в холодной землянке тепло от моей негасимой любви» (Алексей Сурков «В землянке», 1941). Установка на то, чтобы выполнить боевую задачу и при этом выжить, мотивируется уверенностью, что любимая ждет: «Ожиданием своим Ты спасла меня» (Константин Симонов «Жди меня», 1941). Эта идея развивается в шедевре военной лирики «Темная ночь» (Владимир Агапов – Никита Богословский) для фильма Л. Лукова «Два бойца» (1942): «Ты меня ждешь и у детской кровати не спишь. И поэтому знаю: со мной ничего не случится» <...> «Верю в тебя, в дорогую подругу мою, Эта вера от пули меня темной ночью хранила». Здесь образ любимой, спасающей солдата своей верой, допол-

няется образом матери, которая растит его детей. И снова Константин Симонов: «Ты, крылатая песня, слетай С ветром буйным в родные края, Ждет ли парня, как прежде, узнай, Дорогая подруга моя» (из х/ф «Жди меня», 1943).

Анализ поэтических произведений 1970-х – 2000-х, посвященных Великой Отечественной, выявляет сохранение представлений о традиционных гендерных ролях в условиях войны (Вольт Суслов «Увела солдат война» из х/ф «На войне как на войне», 1968; Роберт Рождественский «За того парня», 1970; Игорь Шеферан «Если б не было войны» из х/ф «Приказ: огонь не открывать!», 1981). Особенно отчетливо *национальные жизненные установки и принципы взаимоподдержки и объединенности мужчин и женщин* представлены в стихотворении Владимира Высоцкого: «Так случилось – мужчины ушли, Побросали посевы до срока» <...> «Мы вас ждем – торопите коней! В добрый час, в добрый час, в добрый час!» <...> «Мы в высоких живем теремах – Входа нет никому в эти зданья: Одиночество и ожиданье Вместо вас поселилось в домах» <...> «Мы вас встретим и пеших, и конных, Утомленных, нецелых – любых, – Только б не пустота похоронных, Не предчувствие их!» («Так случилось – мужчины ушли», 1972). И в стихотворении Роберта Рождественского, положенного на музыку Е. Птичкина для фильма Е. Матвеева «Особо важное задание» (1981): «На плече твоём до зари лежать, О любви шептать ночью вешнюю, Сыновей рожать, дочерей рожать – Исполнять свое дело вечное. Довоюй, родной! Дотерпи, родной! Не давай вздохнуть злему врагу! Мы за вас горой, вы за нас стеной, Все у нас с тобой нынче поровну!» Наконец, они есть в вальсе «Тучи в голубом», написанном Петром Синявским на музыку А. Журбина к телесериалу Д. Барщевского «Московская сага»: «Если останусь живым на войне, Встречусь с тобой я в родной стороне. Только пока я воюю, Ты не забудь обо мне. <...> “Юнкерсы” кружат и небо в огне. Думай, родная, всегда обо мне. Из поднебесья мне виден Милый твой профиль в окне» (2004).

Разумеется, анализ военной лирики вызывает ассоциации с образцами русской литературы: плач Ярославны в заключительной части «Слова о полку Игореве» содержит модель поведения женщины-жены: «Я кукушкою печальной По Дунаю полечу, И в реке Каяле дальней Я рукав свой омочу. Там, где бой начнется снова,

Встречу князя поутру, Рукавом ему бобровым Кровь с жестоких ран сотру». Это помощь, которую верная жена должна оказать мужу, раненому в тяжелом бою. В контексте Ярославна ждет «милого друга» в Путивле и горько плачет, не имея возможности облегчить его страдания. Анализ текстов вызывает ассоциации и с образами русского фольклора – казачьими песнями: «Когда мы были на войне, Когда мы были на войне, Там *каждый думал о своей Любимой или о жене*» («Когда мы были на войне»); «Мы кордоны полюбили, Любим *верную жену* ... Как распустят нас с границы, Мы пойдём к своим женам, В наши добрые станицы, К нашим детям и отцам» («Слава Богу на небе»).

Изучение русской военной лирики, связанной с темой Великой Отечественной войны, выявляет национальную специфику гендерных аспектов сотрудничества и взаимопомощи. Среди поэтических образов, созданных мужчинами, нет женщин-воинов, и отчетливо проступает жизненная установка: в условиях войны место мужчины – на фронте, а женщины – в тылу. Идеал женщины – «милая», жена-мать, любит мужа/жениха, растит детей и верно ждет, тем самым мотивируя солдата выжить на войне и вернуться домой. Эти особенности русского/российского менталитета глубоко традиционны, они не изменились в период Великой Отечественной войны (время перехода от традиционного общества к индустриальному) и в современном постиндустриальном обществе.

Т.А. Мищенко

*Новозыбков, Брянская область, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»,
филиал*

**«В ГЛАВЕНСТВЕ И СИЛЕ ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ?»:
ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ ДИСКУРС
В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. ЛИПАТОВА
«ПОВЕСТЬ БЕЗ НАЧАЛА, СЮЖЕТА И КОНЦА»**

С переосмыслением патриархальной семейной модели, резкими социальными переменами в позднесоветском обществе «брак стал союзом двух свободных и самостоятельных людей». К 1970-м годам появились суждения о «семье без главы», женщине, как главе семьи. Советские социологи предлагали вслед за исчезновением из

правового поля этого понятия заменить его в социальном анализе термином «семейный лидер». Подчеркнем несколько направлений изменения семейного главенства в 1970 – начале 1980 гг. (ориентируясь на советские семьи образованного среднего класса):

1. Появление «семьи без главы», основанной на признании равенства и взаимопомощи супругов;
2. Передача функций главы семьи женщине с сохранением «символического главенства» и гендерных привилегий мужчины;
3. Формирование признанного другими членами семьи психологического лидера.

Осмысление результатов эмансипации советской женщины и появления женского лидерства в семье, местном сообществе мы встречаем в художественной прозе 1960 – 70-х гг.

Образ такой героини, сильной, независимой, активной. – Нины Александровны Савицкой – рисует Виль Владимирович Липатов (1927 – 1979). В конце своего жизненного пути он написал «Повесть без начала, сюжета и конца» (1978). Жительница крупного лесного посёлка, учительница математики, Нина Савицкая умна, образованна, успешна, не обделена волей. Она пользуется авторитетом в посёлке, с её мнением считаются. Старшеклассницы считают её своим кумиром.

– Вот у кого я учусь – у Нины Савицкой! Умная, образованная, прекрасно одетая, сильная, злая, мудрая...

Жизнь героини идёт спокойно и ровно. Но, несмотря на счастливый брак, хорошую работу и уважение окружающих, что-то не устраивает героиню, что-то не так в её жизни.

– Заявить, что с муженьком дела у меня нехороши, я не могу: клевета! Живем дружно и, простите, весело, всегда единодушны в оценке людей и событий, ...но... – Нина Александровна замаялась. – Сергей Вадимович живет и в ус не дует, а я – я мучаюсь бог знает чем и почему... – Она запнулась. – Короче, похвастаться нечем...

Обдумав свою жизнь, героиня вдруг понимает, что она фактически главенствует в семье. Кроме этого её общественная позиция, авторитет в посёлке делают её главной и в имущественном смысле, считавшемся традиционно мужским. Жилищная комиссия предлагает квартиру ей, хотя подавал заявление на неё муж.

– Ах, как много квартир нынче числится за женщинами!

Это гнетёт её. Любящая и любимая, обретя полноценную семью, Нина Александровна предпочла бы слабость своей силе. Именно сила ее характера, по мнению коллег Нины Савицкой, мешает её счастью замужней женщины.

– Я догадываюсь, что с вами происходит, Нина, – сказала знаменитая учительница, впервые в жизни назвав Нину Александровну по имени. – Простите за наукообразность, но вы жертва всемирного процесса феминизации мужчин и маскулинизации женщин...

А представительницам старого поколения вообще не понятно такое стремление женщин быть независимыми. В их понимании женщина должна служить мужчине, так заведено испокон веков и так должно оставаться всегда.

– Вы не бабы, а солдаты в смазных сапогах! – прежним могучим голосом продолжала Елизавета Яковлевна. – Вам не с мужьями спать, а со станковыми пулеметами, леший вас подери! – Она, как икону, вздела над головой портрет в черной рамке. – Вот этому мужику, твоему отцу, Симка, я пятьдесят два года половиком для ног служила и жалею только о том, что под него половиком в гроб не легла!

Автор произведения указывает читателю: Нина Александровна – виновница «несостоявшейся маскулинности» и несчастливой семейной жизни. – *Ну, какая ты мужняя баба, если за коренника тянешь, а твой механик – на пристяжке... Я вот одного понять не могу: откуда ты такая вылупилась? Ну, Серафима Иосифовна после гражданской войны бабой сделаться не может, я – с Отчественной больше мужик, чем баба, а вот ты откуда?*

В советском обществе образ сильной женщины активизируется после исторических катаклизмов. В мирное же время, по мнению автора, женщина должна оставаться слабой. Виль Липатов дает нам понять, что женская душа рвётся на круги своя.

То самое стремление к женской слабости, к «простой бабьей доле», к заботе о сильном мужчине В. Липатов выражает в повести с помощью символического образа мужских носков.

Люция Стефановна тонкоголосо произнесла:

– О, если бы ты знала, как иногда хочется выстирать мужские носки!

Рядом с образом Нины Александровны Савицкой В. Липатов представил в повести несколько женских образов из среды провинциальной интеллигенции.

Никакие личные достижения и достоинства не делают счастливой незамужнюю учительницу литературы.

С тех пор Люция Стефановна потеряла всякую надежду на семейную жизнь, хотя была интересным человеком: обладала острым и глубоким умом, понимала толк в юморе, прекрасно знала свой предмет – советскую и зарубежную литературу, получала по почте все толстые журналы, переписывалась с каким-то известным писателем и владела доброй сотней книг с автографами других литераторов.

Она также умна, образованна, имеет хорошую работу, но семейного счастья это не принесло.

На примере образа учительницы английского языка В. Липатов показал, что будет, если семейное главенство захватит эмансипированная женщина. В ироничном свете он изображает супругов Зиминых.

...преподавательница английского языка Людмила Павловна по субботам давала приемы с сэндвичами, встречала гостей в длинном сверкающем платье, вставляла в русскую речь английские словечки, выписывала с большими трудностями (через областной город) журналы «Америка» и «Англия» и даже позволяла себе в тесном женском кругу употреблять нецензурные слова – последний крик моды. Отчаянно влюбленный в жену плановик Зимин, естественно, во всем подражал ей, но будучи на самом деле добрым и глупым, потешал весь поселок.

Таким образом, писатель показывает, что, несмотря на растущую популярность образа «типичной советской женщины», даже образованные женщины среднего класса смешны и неудовлетворены, чувствуют некую тоску по патриархальному семейному укладу. Главная героиня отказывается от роли главы семьи, так как это не приносит ей счастья.

– *«Хочу быть просто бабой, бабой, бабой!»* – кричало все в Нине Александровне, и она шла все быстрее да быстрее.

Таким образом, Виль Липатов в «Повести без начала, сюжета и конца» демонстрирует нарождающийся в конце 1970-х гг. критиче-

ский пересмотр новых женских ролей и призывает вернуться к образу слабой женщины, позволяющей реализоваться в публичной сфере мужчине и счастливой в семейном мире. Но сможет ли женщина вернуться к этому, автор не говорит. Повесть «без конца» оставляет героиню в раздумье – отказаться от силы, то есть от себя самой, и быть счастливой, или быть той самой Ниной Савицкой, но одинокой.

Е.В. Перехвальская

Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН

F-ГЕНДЕРНЫЙ РЕГИСТР КАК ИСТОЧНИК НОВОЙ НОРМЫ

В любом языке есть гендерные регистры, то есть «женский» и «мужской» вариант языка, которые могут различаться на разных языковых уровнях (особенности произношения, в особенности, при эмфазе; подбор лексики, реже морфология, синтаксис, информационная структура; особенности дискурса). Исследования гендерных регистров языка начались в русле социолингвистики. В отечественной лингвистике одной из первых была статья Земской Е. А., Китайгородской М. А., Розановой Н. Н. Особенности мужской и женской речи (В сб.: Русский язык в его функционировании. М.: Наука, 1993. 90–136). В настоящее время исследования гендерных регистров выделились в особую область лингвистики. Современные исследования пересекаются с исследованиями гендерных взаимоотношений в культуре в целом.

Язык отражает и выражает культуру сообщества, которое им пользуется, хотя эту связь нельзя рассматривать как однонаправленную. Тем не менее, предписываемые четкие гендерные различия в речи свойственны сообществам, где данные различия проявляются во всех других сферах человеческой деятельности.

Я буду касаться только тех языковых сообществ, где гендерные регистры не только четко осознают языковым сообществом, но в многих случаях являются кодифицированными. Это может быть кодификация по обычаю (в бесписьменных обществах) или кодификация на уровне официально принятых норм речевого по-

ведения, отраженная в грамматиках и словарях соответствующего языка.

С социолингвистической точки зрения, такие ситуации следует рассматривать как варианты диглоссии в понимании Чарльза Фергюсона и Б. А. Успенского. Под диглоссией понимается особый случай билингвизма, когда в сообществе существуют два «кода»: высокий и низкий. Их употребление различается по доменам употребления языка. Примером диглоссии может быть Европа в эпоху раннего Средневековья, где в сферах науки, образования, литературы и религиозной практики употреблялась латынь, а в повседневном общении использовались живые языки, бывшие практически бесписьменными.

В языковых коллективах, где имеется четкое разделение языка на гендерные регистры, «мужской» язык, как правило, является высоким кодом: этот вариант обслуживает сферы внедомашнего общения, управления, религиозной практики. Низкий код является, в первую очередь, бытовым языком, это язык женщин.

Можно выделить несколько типов таких ситуаций.

1. Гендерные регистры являются в реальности или в воображении совершенно разными языками (пример: островной карибский язык; языки Кордовского халифата).

2. Гендерные регистры резко различаются

а) фонетически (пример: чукотский язык; язык тангоа;

б) морфологически (пример: язык лакота;

в) лексически (пример: языки хопи, лакота, японский).

3. Гендерные регистры представляют собой «более архаичный» и «более инновационный» варианты того же языка (пример: русский язык XVIII в.

4. Гендерные различия проявляются в выборе различных существующих в языке квази-синонимичных средств (пример: японский язык, язык о. Бали).

Следует заметить, что различие между гендерными регистрами является социолингвистическим, т.е. речь идет о языковом поведении, а не о владении или не владении иным регистром. Так, в чукотском языке, где мужская и женская речь различаются фонетически (в женском варианте языка на две фонемы меньше, чем в мужском: женскому /r/ могут соответствовать /c/(/ç/), /s/ или /r/). Одна-

ко, воспроизводя речь мужчины, женщины используют “мужской” фонемный состав.

С социолингвистической точки зрения интересно, какой вариант используют лица, «лишенные социального пола» (дети; лица, не прошедшие инициацию и т.п.). Как правило (практически, без исключений) такие люди пользуются женским регистром. Это определяет дальнейшую динамику ситуации. Родным языком детей оказывается «женский» регистр. В результате, этот регистр становится предпочтительным и постепенно расширяет сферы своего употребления, вытесняя «высокий код», который постепенно начинает обслуживать только особые сферы (до второй половины XX в. латынь оставалась только языком богослужения, а затем утратила и эту функцию). Нечто сходное описывается в настоящее время для языковой ситуации в Японии. Здесь речевое поведение женщин настолько отличается от мужского речевого поведения, что по любому предложению слушающий безошибочно определяет пол говорящего. В последние годы, однако, наметилась тенденция расширения сферы женского регистра. Им стали пользоваться многие мальчики. Это связано с тем, что воспитатели детских садов и учителя младших классов – женщины; и они в данном случае оказываются представителями «властных структур», социально более высокими, следовательно, их язык становится «более престижным».

С социолингвистической точки зрения языковое сообщество в России XVIII века представляло собой типичный случай диглоссии, когда роль высокого кода выполнял язык, близкий к церковнославянскому. Это был литературный язык, язык культуры. Им овладевали, главным образом, мужчины, поскольку только они получали серьезное образование. Эта ситуация получила отражение в драматургии (ср. пьесы Фонвизина, где положительные герои говорят на непонятном современному читателю литературном языке того времени). На нем же написана, например, поэзия Ломоносова. Старый «высокий» код постепенно вытесняла и в настоящее время используется только в богослужении.

Диглоссия была преодолена с появлением новой литературной нормы. Она сложилась в среде женщин, принадлежавших высшему классу, и характеризовалась как «язык светских дам». Именно на

этот вариант ориентировался Н.М. Карамзин, один из основных реформаторов русского языка. Именно этот язык стал эталоном. Таким образом, современный русский литературный язык через Пушкина и Карамзина восходит к языку светских дам XVIII в.

Сходный путь прошел французский литературный язык («язык Мольера»), в формировании которого решающую роль сыграло речевое поведение, приятное у так называемых «прециозниц» в салоне мадам Рамбулье.

Таким образом, мы видим, что при всей большей престижности мужского гендерного регистра, он, как высокий код, закономерно вытесняется низким кодом, в том числе женским языковым регистром. Можно считать, что женский регистр в прошлом играл большую роль в формировании и становлении новой языковой нормы.

Л.А. Нефедова, И.В. Денисова

Челябинск, Челябинский государственный университет

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНОЙ ДИХОТОМИИ ЯЗЫКА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В современном обществе актуальна проблема гармоничности мужского и женского начал в человеке. Ещё в начале XX в. интерес ряда исследователей был сфокусирован на взаимоотношении биологического пола и коммуникации. Поскольку мужчина и женщина принадлежат к различным социальным группам и выполняют различные социальные роли, то общество ждёт от них определённых моделей речевого поведения. И действительно, исследования подтверждают, что существует гендерная дихотомия в речевом поведении.

Основополагающую роль в анализе проблемы языковой репрезентации гендера играет изучение гендерных стереотипов. Гендерный стереотип – схематизированный обобщенный образ женственности/фемининности и мужественности/маскулинности. В своей основе гендерные стереотипы имеют, прежде всего, биологические различия.

С различиями пола связано множество социальных, психических и культурно обусловленных явлений, что находит свое отра-

жение в языке. В настоящее время при изучении проблемы взаимоотношения языка и гендера можно выделить следующие основные направления исследований:

- различия и общие черты в языковой практике мужчин и женщин;
- лидерство мужчин или женщин;
- гендерная маркированность языка.

Гендерные отношения фиксируются в языке и накладывают отпечаток на поведение, в том числе и речевое. Поскольку мужчина и женщина принадлежат к различным социальным группам и выполняют различные социальные роли, то мы можем говорить о гендерной дихотомии в речевом поведении. На протяжении долгого времени когнитивная компетентность в языке оставалась привилегией мужчин, в то время как язык женщин считали тривиальным, более консервативным и менее логичным. Объяснением данного факта может служить то, что мужчины имели несравненно больший доступ к образованию и другим сферам социальной жизни, где когнитивная деятельность осуществлялась наиболее интенсивно и масштабно.

В ходе исследования лингвистической маркированности гендерного признака было установлено, что в речевом поведении женщина ориентируется на общепризнанные нормы социального и речевого поведения, в то время как мужчина тяготеет к отклонению от установленных норм и правил общения. Вследствие этого женщины склонны к употреблению эвфемизмов. Женщина в своей речи чаще использует конкретные существительные, а мужчины – абстрактные; мужчины чаще пользуются глаголами активного залога, женщины – пассивного. Это объясняется более активной жизненной позицией мужчин.

Одной из характерных черт женской речи является и использование лингвокреативного мышления, которое представляет собой тип словесного мышления, при котором «используя различные ассоциативные связи, человек довольствуется уже имеющимися звуковыми комплексами, реализуя тем самым ассоциативный потенциал языкового знака в области связи между формой и содержанием», что проявляется в применении оценочных прилагательных. Мужчина, если и использует оценочные прилагательные, то скорее

те из них, которые определяют количественные и параметрические отношения. По мнению Л.Хиршман, женщина скорее скажет «awful» или «pretty» вместо «very» и «so».

Более частотное употребление единиц аффиктированной лексики («awfully pretty», «terribly nice» – страшно симпатичный), различного плана интенсификаторов, частиц, восклицательных предложений («What lovely earrings!» – Что за прелестные сережки!) связано с большей эмоциональностью женской речи. В речи женщины прослеживается и более глубокая гиперболизация, а также выше частота использования тропов (метафор, сравнений, эпитетов): «I'd just die» (Я просто умерла бы). У мужчин при передаче эмоционального состояния или оценки предмета преобладает использование слов с наименьшей эмоциональной индексацией и однообразии лексических приемов.

При изучении вербального поведения полов обращалось внимание и на синтаксический уровень языка. В силу повышенного эмоционального уровня у женщин и более высокая встречаемость в речи эллиптических и инвертированных конструкций.

Тем не менее, следует помнить об отсутствии резких «непроходимых» границ между мужской и женской речью. Отмеченные особенности мужской и женской речи определяются как тенденции употребления. Нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу. В последнее время выходит на первый план доминирующая роль женщины, которая выходит на лидирующие позиции.

В рамках исследований гендерной маркированности языка в первую очередь рассматривается лексический состав языка, так как на лексическом уровне наиболее отчетливо проявляются гендерные особенности языка.

К гендерно-маркированной лексике можно отнести те лексические единицы, в значениях которых «гендерный» компонент может реализовываться более контрастно. Гендерная маркированность языка проявляется через:

1. Личные местоимения.
2. Использование слов, соотносимых с мужчинами или женщинами в силу своей внутренней формы (поло-ролевые, статусные и

социальные отношения): *father, mother, daughter, son; отец, мать, дочь, сын*.

3. Использование слов и словосочетаний, имеющих в своем составе единицы с «гендерным компонентом», указывающим на пол референта:

а) В английском языке такие слова или словосочетания содержат компонент *man, woman, boy, girl* (sex-specific words): *gentlemanlike; woman's grace, girlhood, wifely*.

б) Фразеологические единицы, соотносимые с мужчиной или женщиной: *Achilles' heel* (ахиллесова пята), *wise as Solomon* (мудрец); *old wives' tales* (бабы сплетни, бабушкины сказки).

Анализ показал, что в русском языке в большинстве случаев коллокации, относящиеся к референтам-женщинам, включают в свой состав только имена существительные женского рода, а коллокации, относящиеся к референтам-мужчинам, включают в основном имена существительные мужского рода: *здоровый, как бык; неуклюжий, как слон; злая, как ведьма, кисейная барышня*.

4. Слова, окружающие концепты «мужчина» и «женщина» (так называемые слова-стимулы, вызывающие образ мужчины или женщины). Основные группы таких единиц это:

а) Внешнее описание:

– мужчина: *handsome; отличный разворот плеч*

– женщина: *beautiful, charming, cute, shapely figure; прелестная фигура*

б) Психологические качества, манеры поведения:

– мужчина: *to hide one's emotions, rough-housing, telling dirty jokes; хладнокровие, бестактность, грубость*

– женщина: *crying, gossiping, blushing, capricious; застенчивость, болтливость, склонность к слезам*

в) Единицы, имеющие только женских или мужских референтов в силу внутренней формы, отсылающей к особенностям жизни женщин и мужчин:

– мужчина: *to serve in the army; защищать родину*

– женщина: *bear children, to be pregnant; материнство, беременность*

г) Невербальное поведение. Различия по полу, отражаемые в невербальном поведении, привели к тому, что отдельные жесты и

даже целые стили невербального поведения стали оцениваться как (более) женские и, соответственно, (более) мужские, независимо от реального пола их исполнителя. Например, типичным мужским жестом является жест «*rub one's hands [with pleasure]*» («потирать руки»), с помощью которого жестикулирующий невербально передает свои положительные ожидания.

Анализ, проводимый исследователями-гендерологами, показал, что язык зафиксировал патриархальную установку: в нем прочно закрепились стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки, поэтому сравнение с ней мужчины – всегда несет негативную окраску: болтлив, любопытен, капризен, истеричен как женщина, женская логика; женщину же сравнение с мужчиной только украшает: мужской ум, мужская хватка, мужской характер. Поэтому в тех случаях, когда необходимо отрицательно охарактеризовать референта с мужскими признаками, прибегают к переносу оценочных признаков, стереотипно приписываемых женщинам. Если же оценочные признаки референта-мужчины переносятся на референта-женщину, то эмоциональная оценка из нейтральной переходит в положительную.

Таким образом, гендерная дихотомия языка является актуальным направлением в лингвистике и позволяет описать, не только антропоцентричную систему языка, но и изучить возможности и границы ее подсистем, связанных с мужественностью и женственностью как двумя ипостасями человеческого бытия.

Д.В. Ткачук

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

ИДЕАЛЬНО-ТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЖЕНСКОГО ТЕЛА В ПОПУЛЯРНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ВИДЕО

Конструирование тела человека происходит под воздействием социокультурной среды, в которой он находится: человек трансформируется и адаптируется к имеющимся представлениям, добавляя к физиологическому плану конструированию себя социокультурный. Телесность формируется, прежде всего, в ходе повседневных практик. Общественные представления об «идеальном» женском теле весьма разнятся в различных культурах.

Во многом представления о необходимости трансформации собственного тела и изменении его связаны с транслируемыми различными идеально-типическими моделями «эталонного» тела и их эстетизацией. Мы полагаем, что массовое искусство, одной из разновидностью которого и являются музыкальные видео (музыкальные клипы), является одним из наиболее значимых источников подобных представлений.

Музыкальные клипы уже не первый год относятся к наиболее просматриваемому контенту, размещенному на площадке YouTube. Это, как мы полагаем, свидетельствует об однозначной глобальной заинтересованности в подобных видео. К примеру, по состоянию на май 2017 года 94 из 100 видео с наибольшим количеством просмотров относились к музыкальным клипам. При этом YouTube не является специализированной музыкально-ориентированной площадкой, и помимо него, существует целый ряд сетевых ресурсов, через которые ведется трансляция аудиовизуального музыкального контента. Кроме того, интернет в принципе является не единственной средой распространения музыкальных клипов: к примеру, существует целый ряд телевизионных музыкальных каналов, которые в целом ориентированы именно на музыкальные клипы.

При изучении телесных образов, репрезентируемых в качестве идеально-типических через музыкальные клипы, нельзя не отметить тот факт, что само конструирование образов носит комплексный (системный) характер и включает в себя визуальный, текстовый и непосредственно музыкальные вектора.

При анализе визуального содержания музыкальных клипов нам удалось выявить следующие категории: нарративные клипы (то есть содержащие определенный элемент повествования или истории), перформативные (обыгрывающие исполнение композиции) и танцевальные. Мы не можем не отметить, что, как правило, эти категории не являются «чистыми», однако даже в конвергентных видео одна из этих категорий будет заметно преобладать над остальными.

Нарративные видео выстраиваются вокруг определенное сюжета и зачастую могут восприниматься скорее как разновидность короткометражного фильма, нежели продукт, сконструированный исключительно в музыкальном дискурсе. Более того, сама структу-

ра видео вполне может быть подстроена под определенную имитацию фильма за счет таких приемов, как вступительные титры, прерывание аудиального сопровождения как элемент выразительности при повествовании и другие. В российском музыкальном клиповом творчестве в качестве примера нарративных популярных видео можно привести видеоконтент группы “Ленинград”, в частности, весьма широко обсуждавшийся в СМИ в 2016 году клип “Экспонат”. Нарратив этого видео выстраивается вокруг сюжета о модификации женского тела под определенные эстетические стандарты.

Перформативные видео выстраиваются вокруг ситуации исполнения композиции. Именно перформативные видео можно назвать первыми фиксированными музыкальными клипами, поскольку изначально музыкальный видеоконтент создавался на основе живого концертного или студийного исполнения. В ходе перформативного видео на первый план выходит трансляция многокомпонентного образа музыканта, как правило, выстраиваемого вокруг его социальной, возрастной, музыкальной и иных репрезентируемые идентичностей. В данном случае телесность выступает именно как один из компонентов конструирования образа музыканта.

Танцевальные музыкальные видео направлены на демонстрацию сольного или коллективного танца. Мартин Хайдеггер полагал, что танец является фундаментальным относительно нашего бытия в мире, о чем свидетельствует, в том числе, присутствие танцев в каждой известной культуре. Трехкомпонентная структура танца включает в себя музыку, движение и репрезентацию. Акцентирование внимания на телесности происходит и самим танцующими, и зрителями. Кроме того, танец, наряду с другими музыкальными практиками, тесно переплетен с планом эмоциональной экспрессивности, не в последнюю очередь за счет использования ритма. В современных музыкальных клипах активно используются образы танцующих людей, причем диспозиции эмоциональных коннотаций и событийности весьма разнятся.

Список источников

Turner, B. *The Body and Society*. 2007.

Shilling, C. *The Body and Social Theory*. London, 1993.

Sedeno Valdellos, A., Rodriguez Lopez, J. “The post-television music video. A methodological proposal and aesthetic analysis”. *Revista Latina de Comunicación Social*. 2016. № 71, pp. 332 to 348.

Vernallis, C. *Experiencing music video*. New York: Columbia University Press, 2004.

Бугуева Н.А. Телесность человека как социокультурный феномен // Вестник Челябинского Государственного Университета. 2007. №16. С.69–75.

Е.В. Иоффе

Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

СЕКСУАЛЬНАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЖЕНЩИН КАК ПРЕПЯТСТВИЕ В ДОСТИЖЕНИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

На протяжении XX в. в западной культуре усиливалась тенденция развития эгалитарных гендерных отношений. Сегодня, сначала в школе и позже на работе, мужчины и женщины находятся рядом: общаются, сотрудничают, конкурируют на равных. Для многих западных компаний принципы гендерного равенства стали важной частью корпоративной культуры. Принятый в ряде европейских стран закон о гендерном равенстве укрепил ориентацию на равноправие мужчин и женщин. Однако даже в этих благоприятных для развития женского лидерства условиях, на символическом уровне действуют «невидимые» механизмы, препятствующие восприятию женщин как равных мужчинам. К таким механизмам относится сексуальная объективация женщин.

Реализация идей гендерного равенства стала возможной в результате завоевания женщинами гражданских прав, а также преодоления ряда социальных обстоятельств, лежащих в основе гендерной иерархии в патриархальном обществе. К ним можно отнести господство мужчин в публичной сфере, половое разделение труда, двойной стандарт в половой морали, предубеждения в отношении половых различий и женской сексуальности. Английский социолог Э. Гидденс выделял еще одно явление, которое препятствовало женской эмансипации, – это наличие в общественном сознании разделения женщин на «чистых» (состоящих в браке и пригодных для него) и «нечистых» (проституток, наложниц и т.п.)

В XXI веке на фоне повышения уровня образования и количества дипломированных специалистов среди женщин в сравнении с мужчинами, увеличения количества бикарьерных семей и активного участия женщин в общественной жизни, стремительное развитие индустрии сексуальных услуг «возвращает» выделение категории «нечистых» женщин и их сексуальную объективацию. Исследования показывают, что в современной России, начиная с 90-х годов, сформировалась «традиция» использования мужчинами проституции для коллективного веселья, а также «канализации» агрессии и получения психологической помощи. Важно подчеркнуть, что сегодня, в отличие от XIX века, не спрос на услуги проституток «порождает предложение», а система маркетинговых приемов (агрессивная реклама: на столбах, на асфальте, буклеты в автомобильных пробках; доступный сервис: эскорт, вызов на дом, в офис; территориальная близость: в банях, массажных салонах и т.д.) привлекает все больше мужчин к покупке сексуальных услуг, что обеспечивает огромную прибыль организаторам проституции.

При этом в публичном дискурсе отсутствует адекватная оценка масштабов распространения проституции и её деструктивного влияния на общество, которое проявляется в разрушении семейных устоев и осложнении развития эгалитарных отношений между мужчинами и женщинами. Высказываются призывы к легализации проституции для более эффективного контроля за секс-работницами и извлечения государством прибыли от этого «неизбежного социального зла», но практически отсутствует готовность к обсуждению вклада мужчин как пользователей в развитие секс-индустрии, тесно связанной с криминальным миром через торговлю людьми и сексуальную эксплуатацию женщин и детей.

Примитивизации сексуальных отношений и сексуальной объективации женщин способствует нарастающий и слабо контролируемый объем порнографического контента. Сегодня миллионы компаний и небольших студий снимают и сразу же размещают в Интернете огромное количество порноклипов. В 2013 г. один только веб-портал PornHub имел 15 млрд просмотров – а это значит, что на протяжении всего года каждый час на сайт заходило 1,68 млн посетителей, в основном мужчин. К сожалению, среди пользователей порносайтов оказывается много детей и подрост-

ков, чье психосексуальное развитие будет проходить уже под влиянием и этого опыта.

Сексуальная объективация части женщин проецируется и на других женщин. Она нивелирует значение символического капитала, которым обладает женщина в результате полученного образования, профессиональной карьеры и достигнутого социального статуса. Такая установка мужчин на восприятие и оценивание женщин преимущественно в качестве объектов сексуального интереса вступает в противоречие с ориентацией на партнерское взаимодействие с ними, а тем более с признанием за ними лидерства и принятием их в роли руководителей.

В процессе гендерной социализации традиционалистские нормы женского поведения ориентируют девочек, женщин на сверхценное отношение к собственной внешней привлекательности. Н. Вульф подчеркивает, что женщины легко поддаются воздействию мифа о красоте, который «заставляет женщин жить с поникшей головой, концентрируясь на своей внешности и поднимая взгляд только для того, чтобы увидеть свое собственное отражение в глазах мужчин». С возрастом чрезмерная приверженность женщин этой гендерной норме подкрепляется ростом тревоги и комплексами, возникшими в процессе сравнения себя с экранными эталонами. В результате само-объективации у многих женщин появляются симптомы ухудшения психического здоровья, например, расстройства пищевого поведения, депрессии, сексуальные дисфункции.

Для женщины, усвоившей установку смотреть на себя глазами других, забота о собственной привлекательности становится самоцелью. Реклама, конкурсы красоты, предложения специалистов «бьюти-индустрии» закрепляют эти установки. В соответствии с ними женщины и собственную сексуальность рассматривают как некую ценность, ресурс, которая предполагает «вложения, размещение и получение дивидендов». Отсюда такой успех у многочисленных коммерческих кампаний под маркой просветительских сексологических семинаров и тренингов по технике секса. Целевая аудитория таких мероприятий и неуверенные в собственной привлекательности женщины, и женщины, стремящиеся к самосовершенствованию. Проблема заключается в том, что даже если женщина участвует в этих программах, ориентируясь на достижение

равенства с мужчинами в реализации сексуальных интересов, она оказывается в ловушке, т. к. осваивает способы и приемы удовлетворения *не своих*, а мужских потребностей.

Нейтрализации действия скрытых механизмов сексуальной объективации женщин, деструктивных для эгалитарных гендерных отношений, может способствовать открытое обсуждение специалистами, экспертами и общественными деятелями описанных выше социальных явлений, а также роли и ответственности мужчин в поддержании развития индустрии сексуальных услуг.

А.М. Писоваров

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

ЖЕНСКАЯ И МУЖСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ КРЕАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Мы рассматриваем креативность как способность создавать продукт, который обладает оригинальностью и значимостью в рамках определенного социокультурного контекста. В виду относительности этих двух критериев мы предлагаем рассматривать креативность как явление, существующее, как минимум, на трех «уровнях» – повседневном, профессиональном и историческом.

Историческая креативность (или Креативность с большой буквы) проявляется в деятельности людей, которых принято называть гениальными или выдающимися творцами, сделавшими неповторимый вклад в ту или иную область человеческой культуры. Креативность «среднего уровня» выражается в творчески используемых профессиональных экспертных компетенциях тех лиц, которых принято называть мастерами своего дела, будь то преподаватель, программист или разведчик. К этому же уровню креативности можно отнести деятельность представителей большинства креативных или культурных индустрий. Повседневная (психологическая) креативность (креативность с маленькой буквы) относится к способностям детей и взрослых «творчески», нестандартно подходить к решению повседневных проблем, выполнению социальных ролей, организации быта и общения. В этом докладе мы остановим свое внимание только на одном уровне креативности – повседневном или психологическом, одним из инструментов анализа которо-

го может служить теория креативности действия немецкого социолога Ханса Йоаса, согласно которой содержание повседневной креативной деятельности составляет сочетание процессов конкретизации ценностей и понимания своих дорефлексивных телесных устремлений применительно к неповторимым ситуациям текущей жизни.

Психологическая креативность задействуется не только в быту, но и в непрофессиональных занятиях тем или иным видом искусства, а также, например, в специальном направлении психотерапии – терапии искусством, внутри которой выделяют арт-терапию (терапия визуальными искусствами), танцевально-двигательную терапию, а также получивший признание и в России мультимодальный подход – *терапия на основе экспрессивных искусств*, в которой в рамках одной терапевтической сессии может использоваться несколько форм искусства, такие как скульптура, музыка, рисунок, танец, сочинение историй и пр. Основательница этого подхода Натали Роджерс, сторонница гуманистических принципов в психотерапии, исходила из основанного на клиническом опыте убеждения, что «мы выражаем наши внутренние чувства путем создания внешних форм... Использовать искусство экспрессивно – значит войти в свой внутренний мир, чтобы обнаружить там свои переживания, а затем выразить их посредством художественных форм, движения, звука, письма или драматического акта». Важнейшим понятием обсуждаемого терапевтического подхода является так называемая «творческая связь» – термин, обозначающий процесс, в ходе которого один вид творчества оказывает непосредственное влияние на другой. Эффект исцеления и самопознания усиливается, когда человек начиная выражать свои чувства через движение и вокализацию, а затем сразу же переходит, например, к рисованию или лепке.

Еще одним представленным в нашей стране современным направлением креативных практик, связанных с телесностью, является школа контактной импровизации и перформанса (<http://www.contactimprovisation.ru>). *Контактная импровизация* – это вид современного танца, позволяющий двум (и более) партнерам вести спонтанный телесный диалог. Это так называемый свободный танец без заучивания каких-либо схем движения. В ходе

двигательной импровизации участники учатся слушать свое тело, ищут свои движения, которые рождаются здесь и сейчас с партнером, группой и окружающим пространством. Контактная импровизация обладает оздоравливающим и психотерапевтическим эффектом, однако все «контактники» сильно отличаются по тому, к чему они стремятся. Так существует особая разновидность контактной импровизации – перформанс, когда партнеры танцуют, стремясь своим выступлением создать целостный образ, понятный для обязательно присутствующих зрителей.

Другой формат креативных двигательных практик предлагает объединение «Семейная мягкая школа» (<http://softschool.ru>), представленное во многих российских регионах. Занятия проходят по методике, основанной на системе игровых упражнений для родителей с детьми (от 2-х лет и старше), помогающей раскрывать в человеке врожденные способности быть гибким, чутким, уметь адекватно реагировать на любую сложную ситуацию. Креативность мышления родителей задействуется благодаря необходимости быть изобретательным в придумывании для детей различных физических препятствий и заданий (с помощью своих рук и ног, корпуса тела, а также вместе с другими партнерами). Дети развивают телесную и умственную изобретательность благодаря тому, что им необходимо преодолеть те препятствия, которые предлагают взрослые. Часто имеет место обмен ролями, когда взрослые должны выполнять те же задания, в соответствии с одним из принципов Школы: «Учи только тому, что умеешь сам».

В той мере, в какой это удалось установить из наблюдений и личных бесед с представителями всех трех рассмотренных направлений телесных креативных практик, принято избегать, во-первых, проявлений сексуального влечения, а, во-вторых, существующих в обществе стереотипов, связанных с гендерным неравенством. Единственная обнаруженная нами область, в которой этот последний аспект может проявляться – это более частое выполнение подержек мужчинами, чем женщинами вовремя перформансов, хотя и в этом вопросе нередко встречаются исключения.

Анализируя значение рассмотренных нами телесных практик для индивидов и социума, стоит вспомнить о значении элемента спонтанности, присутствующего в любом физическом действии

человека, и описанного Дж. Г. Мидом (1863–1931) как проявление состояния «I» в отличие от состояния «Me». «I» является той фазой человеческого Я, в которой организм действует, реагируя на организованный набор установок других, т.е. «Me». «Какой конкретно будет эта реакция, ни знает ни он сам, ни кто бы то ни было другой... Реакция на ситуацию... несет в себе неопределенность, и именно этим конституируется «I». «I» – это то Я, с которым человек себя отождествляет, когда действует, и поэтому «I» не может быть «схвачено» непосредственно в опыте и может быть осознанно лишь постфактум, уже как часть «Me». С этим обстоятельством связано то, что, находясь в ситуации спонтанного действия, т.е. пребывая в состоянии «I», организм на миг настоящего как бы «выскальзывает» из-под влияния социального контроля, и поэтому в такие моменты человеческие действия всегда «содержат элемент новизны. «I» тем самым «предоставляет чувство свободы и инициативы». Возможно, в этом кроется секрет растущей сегодня популярности различных направлений телесных креативных практик, чья притягательность, в числе прочих мотивов, обусловлена стремлением хотя бы на время высвободиться из-под власти «дисциплинарного общества», главным объектом которой всегда было человеческое тело.

Н.Н. Орехова

Архангельск, Институт управления

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Реклама является одной из важнейших разновидностей массовой коммуникации. Рекламный текст, сопровождающий нас повсюду, использующий все выразительные возможности языка, во многом формирует стереотипы и образ жизни современного человека, являясь проявлением его языковой картины мира. Воздействие рекламного текста также определяется языковой картиной мира его целевой аудитории. Язык рекламы входит в повседневную речь, отражая окружающую действительность, изменяя набор языковых средств, создавая новые ценности, отражающие самосознание адресата, его индивидуальность и самовыражение.

Главные функции рекламы – информация и воздействие. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и

Н.Ю. Шведовой дается определение рекламы: «Оповещение различными способами для создания широкой известности, привлечения потребителей, зрителей». Своеобразие журнальной рекламы заключается в органичном соединении вербальных и невербальных средств, к которым относятся графическое оформление текста, длина строки, пробелы, шрифт, цвет, типографские знаки, графические символы, рисунки, фотографии и др. Особое место в печатной рекламе занимают иллюстрации. Изображение, являясь средством визуальной рекламной коммуникации, выполняет информативную, эстетическую, экспрессивную функции, функцию привлечения внимания, повышая убедительность и воздействие рекламного текста.

Взаимодействие вербальных и визуальных составляющих в журнальном рекламном тексте даёт возможность адресанту создать наглядный образ рекламируемого товара или услуги, обращаясь как к рациональным, так и к эмоциональным характеристикам личности адресата, позволяя автору рекламного текста создавать дополнительные смыслы. Органичный синтез вербальных и визуальных составляющих позволяет создавать целостный образ рекламируемого товара, сфокусировать внимание адресата на информационном намерении адресанта, выделить услугу или товар из ряда аналогичных торговых предложений. Невербальные средства в рекламном тексте могут стать самостоятельными источниками информации, раскрывая его содержание (например, рисунок, фотография), другие (например, графика, шрифт, цвет) вносят дополнительные смысловые и экспрессивные оттенки в его содержание.

Актуальная рекламная информация, передающаяся по вербальному и невербальному каналам с определенной интенцией, оказывает прагматическое воздействие на адресата с учетом и его гендерной принадлежности. Проанализируем языковые особенности рекламных текстов из журналов «Cosmopolitan», «Elle», «Glamur» за 2016 г.

Направленность рекламного текста на целевую аудиторию связана с объектом рекламы, что влияет в свою очередь на язык и стиль рекламного текста: так, в «женских» журналах представлена реклама, ориентированная на молодых обеспеченных женщин, рекламируются, в основном, предметы дорогой косметики, парфюмерии, модной одежды. При этом реклама косметики и парфюмерии характеризуется изысканным стилем, образным языком с коннота-

тивными словосочетаниями и средствами выразительности, что придает тексту особое звучание, неповторимую тональность, изысканность и выразительность.

Заголовок – основной элемент рекламного текста. Его главная функция – привлечь внимание читателя, побудить к прочтению рекламного текста. Заголовки в «женских» журналах акцентируют внимание на сексуальных коннотациях, природных инстинктах (женская привлекательность, самоутверждение), отражают интерес к исконно женским занятиям (дом, красота, уход за собой): *Я хорошая. Живи и радуйся. Наряды по очереди. Мода и красота.* В заголовках много оценочных слов, экспрессивных конструкций, тропов и фигур. Повышенная эмоциональность, стремление к образности передаются при помощи метафор, эпитетов, сравнений, гипербол: *Великолепная фигура за 3 дня. Одна капля для увлажнения и сияния кожи. Нектар нежности. Маски из сказки: Гранатовая аквабомба. Комфортная ромашка. Освежающий суперчай. Свежесть росы в изысканном блеске.*

Очень часто используются заимствованная лексика, иноязычные графемы, экзотизмы, варваризмы, неологизмы, но из «женской» лексико-семантической группы слов: *Внимание, Best of beauty! Разыскиваются самые эффективные бьюти-средства 2016. Голосуйте на allure.ru! Matt concealer extra coverage. Матовый консилер длительного действия. Матовый «финишинг».*

Слоган – важный компонент рекламного обращения, кратко и емко отражающий сущность фирмы, ее корпоративную политику, подчеркивающий преимущества фирмы, придающий рекламному тексту законченный вид. Краткость, запоминаемость, присутствие в слогане названия торговой марки – основные требования, выдвигаемые к слогану. *LOREAL. Ведь Вы этого достойны. TEFAL. Ты всегда думаешь о нас.*

Учет фонетических особенностей слов в рекламном тексте также имеет большое значение. Возможности просодического воздействия, использование ассоциативных свойств звуковой формы слова помогает создать определенный образ. Так, если в «мужской» рекламе обычно используются слова с твердыми, шипящими согласными (Жилет – лучше для мужчины нет), то в «женской» рекламе присутствуют слова с мягкими, сонорными звуками, обилие

гласных, слоговой сингармонизм, «зияние» и ассонанс (Лореаль, Летуаль, Милая Мила).

В основном рекламном тексте содержатся аргументы в пользу конкретного товара. Часто в нем встречаются предложения с вопросительными конструкциями, прагматический потенциал которых выше, чем у других типов предложений по цели высказывания. Они вовлекают адресата в процесс коммуникации, запускают механизмы эффективной обратной связи: *Хочешь быть неотразимой? На кого равняться перед зеркалом?*

Восклицательные предложения, экспрессивные обращения передают эмоциональное состояние женщин, подчеркивая жизнерадостность, активность, энергию, помогают настроиться на восприятие рекламного текста. Часто используются личные и притяжательные местоимения 2-го лица, усиливающие рекламное обращение: *Вы великолепны! Живи и радуйся!*

Побудительные предложения активизируют внимание адресата, побуждают его к действию, придают речи лаконизм, энергию, динамичность. *Побалуй себя! Сделай маникюр в салоне сети «Маникюр офф». Запишись на макияж! Пройди процедуру для волос Pro Faiber в салоне Imperi!*

Образ рекламируемого товара создается с помощью эмоциональных и рациональных тактик, к числу которых относят и цвет. Анализ цветовой гаммы в рекламных текстах подтверждает стереотипичность восприятия розового цвета как женственного, нежного, изящного. Например, реклама крема *L'Oreal Увлажнение эксперт Нормальная и смешанная кожа*, текст которой построен с использованием однокоренных лексем, обещающих увлажнение (увлажняющие молекулы, влага, увлажняют), решена в светло-розовых тонах, хотя логичнее было бы выполнить ее в голубых или зеленых. Среди цветовых предпочтений рекламы в «женских» журналах – золотой, красный, белый. Красный цвет связан с сексуальностью, белый – с чистотой. Обилие золотого ассоциируется с высоким качеством, респектабельностью, великолепием и высокой ценой рекламируемого продукта («дорогая» женщина – дорогие товары). В золотом цвете (шрифт, фон, футляр), например, выполнена реклама духов *Nina Ricci Extase*, изображение золотого циферблата часов *Fossil*.

Как правило, в «женской» рекламе присутствуют стандартные архетипы, устойчивые рекламные образы – красивые молодые женщины, томные, беззаботные, эстетически совершенные, но не раздражающие своим недостижимым совершенством, реализующие в вербальном и визуальном виде идею потребления товара или услуги как приобретения определённых свойств, качеств, гарантий. Женский образ используется в двух ипостасях – социальной и сексуальной, с преобладанием последней, но в последнее время в рекламе все чаще проявляются женская независимость и самостоятельность: *Revitalift Брось вызов лазерным процедурам.*

И.И. Гавар

Омск — Москва, проект «Олдушка»

И.В. Ломакин

Москва, Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ

«ОЛДУШКА»: МОДЕЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ?

Население Земли стремительно стареет. Благодаря развитию медицины и технологий мы живем дольше, а умираем позже. По данным ООН к 2050-ому г. доля пенсионеров в мире составит 22%. Ожидается, что к 2050 г. среднестатистический житель Земли будет доживать до 76 лет, а к 2100г. – до 85. В связи с этим фактом возникает вопрос об улучшении качества жизни людей старшего возраста. Люди хотят продолжать и в 60, и в 70, и в 80 лет жить активной жизнью.

В скором времени в распоряжении этого поколения окажется значительная доля финансового ресурса, и мировой рынок уже реагирует на этот факт. В частности, модная индустрия активно привлекает на работу пенсионеров. Возрастные модели стали одним из главных модных трендов последних лет. Одним из первых косметических брендов, который возглавил курс на принятие возраста, стал Dove. В 2007 г. Dove выпустил новую линейку средств по уходу за телом, маркировав её не anti-age, как делали прежде, а pro-age. С тех пор этот тренд получает широкое развитие: возрастные модели появляются на обложках модных журналов, становятся лицами крупных брендов, выходят на подиумы на неделях моды.

Олдушка: (не)стареющая красота

Вышеописанное, прежде всего, относится к рекламному рынку западных стран и Америки. В России же тренд на возрастных моделей только начинается: в 2016 г. открывается первое агентство возрастных моделей Oldushka (oldushka.tilda.ws). Его прародителем стал одноимённый проект про уличную моду российских пенсионеров (www.oldushka.com), который фокусировался на стилистических и вкусовых предпочтениях, а также особенностях национального колорита людей старшего поколения, живущих в России. Героями «Олдушки» становятся прохожие, выбранные за яркость и непосредственность решения своего образа, запечатлённые в той одежде, в которой они шли по улице в момент встречи с фотографом. В настоящий момент участниками проекта стали более тысячи человек из 9 городов: Омска, Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Челябинска, Ульяновска, Перми, Сочи, Гагры.

Проект «Олдушка» был основан в 2011 г. в Омске фотографом Игорем Гаваром. Вскоре о его блоге активно начинают писать СМИ, а в декабре 2014 года журнал «Афиша» публикует модную съёмку с тремя участницами «Олдушки». Это первая в истории современных СМИ модная съёмка, где моделями выступают обычные, не медийные, женщины пенсионного возраста. Тогда же (2014) благотворительный Фонд Тимченко начинает поддерживать выставочную деятельность проекта. В течение 2015 г. ещё несколько героев проекта попадают в модные съёмки. Так начинает свою работу в России агентство возрастных моделей Oldushka.

Сегодня в агентстве работают 18 моделей (5 мужчин и 13 женщин) – из Омска, Челябинска, Санкт-Петербурга и Москвы. Рекрутинг возрастных моделей особый и довольно непростой: пенсионеры редко являются завсегдатаями социальных сетей, а вероятность того, что женщина-пенсионер узнает о кастинге и придёт туда, крайне мала. Так, примерно половина из моделей агентства были встречены и рекрутированы на улице. Отсутствие опыта в этой сфере, как правило, не является преградой. Равно как молодые люди нередко попадают в модельный бизнес с нуля, пенсионеры также, имея определённые внешние данные, желание и долю авантюризма, сегодня могут и в 60, и в 70, и в 80 лет начать модельную карьеру.

На сегодняшний день модели агентства Oldushka снимались для модных печатных журналов Interview Russia, Афиша, Собака.ru, Flacon, Bosco; для модных медиа Wonderzine, Buro 24/7; для брендов Cyrille Gassiline, Yves Saint Laurent Russia, Sony и др.

Социологический анализ кейса

Сегодня становится очевидным, что у проекта есть две стороны, каждая из которых соответствует, как минимум, одному из двух подходов: «либерализации старости» или «либерализации от старости». Создателям необходимо определиться, что важнее: мы даем дорогу «третьему возрасту» или понимаем старость как продолжающуюся молодость?

С одной стороны, проект действует как социально ориентированная инициатива, понимающая и принимающая проблемы «третьего возраста», стремящаяся на них указать и даже помочь. Делается достаточно большая работа с точки зрения развенчания гегемонии *геронтологического эйджизма* – т.е. одной из форм дискриминации, основывающейся на комплексе негативных стереотипов относительно старения. Примерами конкретных действий в этом направлении являются многочисленные фотопортреты, часто подкрепленные цитатами из бриф-интервью, которые И. Гавар проводит со своими героями. Вскоре многие из них выйдут на бумаге: издание арт-бука об «Олдушке» поддержал фонд UNHATE — United Colors of Benneton.

Примечательна и деятельность проекта по распространению разнообразной социально ориентированной информации. На своих страницах в социальных сетях проект собирает из посторонних источников научно-популярные и публицистические материалы, касающиеся темы старения в России. Также здесь можно встретить анонсы тематических мероприятий (конференции, лекции экспертов и т.п.), призывы различных благотворительных организаций или частных инициатив о помощи пенсионерам.

Однако с другой стороны, деятельность проекта «Олдушка» в рамках одноименного модельного агентства наводит на довольно спорные размышления. Некоторые журналисты и эксперты дают положительную оценку факту все большего включения возрастных моделей в модный рынок, интерпретируют появление таких тенденций как некий позитивный сдвиг, создающий условия для развития идеологии разнообразия (diversity).

Тем не менее, совершенно ясно, что у данной истории есть и другие, более корыстные интересы. Еще совсем недавно индустрия моды пыталась убедить нас в том, что молодость бесконечна, что красота равна молодости, что старости как будто не существует. Что же изменилось теперь? В условиях тренда на старение населения Земли реклама товаров и услуг, подкрепленная идеей о том, что «третий возраст» – это время заботы о себе, стимулирует людей старшего поколения тратить деньги.

Безусловно, обсуждаемый тренд несет в себе определенный заряд инклюзивности с точки зрения отстаивания идеи активной и полноценной старости. Однако вслед за ней следует достаточно мощная тенденция к унификации с вектором, направленным на омоложение, придание оболочке «свежести», и т.п. Так, социолог Ирина Шмерлина в одной из своих статей отмечает, что «сегодняшние поиски нового образа старости происходят преимущественно в формате *бегства за молодостью*», который некоторыми социальными учеными скептически обозначается не иначе как «гламурная старость». Сохраняется и лукистская формула «хорошо всё то, что красиво», а карьера модели – даже возрастной – по-прежнему, выстраивается на суждении о её внешнем облике и является «эстетическим продуктом». У агентства есть свои неартикулированные и мало рефлекслируемые «набор типажей» и представление о «красивом».

Так, агентство, специализирующееся на возрастных моделях, интересным образом остается в пространстве дискриминации (возможно, мало заметной невооруженному взгляду), внешне создавая впечатление «разрушителя стереотипов».

А.И. Громова

Москва, Институт этнологии и антропологии РАН

ЖЕНСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ПОЛОВАЯ МОРАЛЬ: РАЗЛИЧИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПЕРИОДИКЕ НАЧАЛА XX В.

В сфере брачно-семейных отношений среди русского дворянства и интеллигенции еще в XX в. сохранялся целый ряд архаичных черт. Конечно, система запретов и авторитарных пережитков в сексуальной сфере касалась, прежде, всего, женщин. Одним из элементов

стойко державшейся системы патриархальных отношений даже в среде образованных людей была необходимость сохранения «девичьей чести». Целомудрие продолжали считать высшим женским качеством, мерилом нравственности, а уважения была достойна, как принято было считать, только «непорочная» женщина.

Образованные и прогрессивные женщины пытались активно бороться с подобными атавистическими взглядами на половую мораль, и рупором этой борьбы служила женская пресса соответствующей направленности, довольно прочно утвердившая свои позиции еще в конце XIX в. «Бунт против предписаний сексуальной морали» поднятый передовыми представительницами своего поколения, был направлен против лицемерия, косности и пуританизма, царивших в обществе, против устоявшихся норм, по которым физическая «чистота» определяла нравственный облик женщины. Борьба шла против мужчин – «устроителей» социальных норм и законов – а именно, против объективизации и мужского взгляда на женщину не как на человека и личность, равную мужчине, а как на самку, собственность, безликое «орудие наслаждения». Как подмечали сами журналистки, дабы преодолеть «ржавые оковы своего пола», женщинам необходима была доблесть героинь древних саг. Женскую позицию по данному вопросу могут проиллюстрировать слова доктора Дарьи Яковлевна, персонажа рассказа «Марина» из журнала «Женское дело»: «Нам и надо бойцами быть. Если мы за себя стоять не будем, то за нас некому заступиться. Все против нас: отцы, братья, мужья».

Однако даже среди женской прессы можно выделить несколько различных точек зрения на женские добрачные половые связи и необходимость сохранения невинности. Женские журналы постулировали свое мнение по данному вопросу в зависимости от идейной направленности и читательской аудитории. Журналы, целевой аудиторией которых были, прежде всего, жены, матери и хозяйки и которые можно охарактеризовать как «дамские», занимали наиболее консервативную позицию в этом вопросе. Например, такие издания, как «Журнал для хозяек» (который представлял собой универсальное издание, но в первые годы выпуска был по преимуществу «дамским») и «Журнал для женщин» продолжали придерживаться патриархальных традиций, провозглашая необходимость сохранения не

только телесной, но и духовной неприкосновенности девушки до брака. Нередко статьи на подобную тему писали мужчины и выражали мужскую точку зрения. Например, вопрос добрачного целомудрия нередко затрагивался в рубрике «Маленькие лекции заслуж. проф. Л.Е. Владимирова». Вот что пишет автор этой колонки: «В четвертых, девушка, имевшая жениха, состоявшая в некоторой, хотя бы и чистой, интимности с мужчиною, теряет уже в своей чистоте в глазах того, кто желает жениться и ищет полной незатронутости женского сердца. В этом требовании сердечной непочатости есть много психологически верного. Первое чувство девушки, еще не бывшей в интимности с мужчиною, представляет большую гарантию для семейного счастья». Потеря девственности до брака прямо называлась «непоправимым несчастьем». Совершив этот «тяжкий грех», девушка автоматически попадала в ряды «падших», что влекло за собой потерю социального статуса и всевозможные несчастья.

Отношение к женским добрачным половым связям в журналах общественно-политической направленности можно осветить посредством журнальной беллетристики. В данном случае интересен рассказ «Женщина с прошлым» из «Женского вестника», в котором ярко выражена позиция изданий указанной направленности по данному вопросу. Князь, человек с высоким титулом и положением в обществе, очевидно, намеренно обезличенный – имя его даже не указывается – делает предложение Лидии Бриттовой. Она скульпторша и та самая «женщина с прошлым» – всем было известно, что раньше она жила с человеком, который ее бросил, и имела от него ребенка. Поэтому князь колеблется, но, не в силах побороть возникшее в нем чувство, все же предлагает забыть эту «страничку прошлого» и покрыть ее пятно своим именем. Бриттова отвечает ему гордой отповедью, строго в рамках основных принципов феминизма. Лидия говорит, что она – свободная женщина, а не рабыня, и ей незачем лгать. Она не стыдится своего прошлого, говорит, что отдалась по любви и поэтому ей нечего скрывать. Она презирает фарисейские законы современного общества, в котором женщина – жертва, скованная цепями лицемерной морали. «В вопросах нравственности, чести нет и не может быть мужчины и женщины, есть – человек», – провозглашает Бриттова, говоря о необходимости равных прав для мужчин и женщин. В этом рассказе князь яв-

ляется олицетворением одновременно мужчины-хозяина, работника и угнетателя, и реакционной аристократии. Он навсегда уходит, заинтересованный и напуганный «непомерной гордостью» этой «новой, свободной женщины».

Нужно отметить, что женская феминистическая пресса начала XX в. была проникнута мечтами о «новой женщине», толчок к появлению которых дала знаменитая статья Александры Коллонтай. Эта самая женщина – свободна и самостоятельна, она полностью равна с мужчиной, она не скована лицемерными предрассудками и вооружена «новой моралью», она не стыдится своего прошлого и смело смотрит в будущее. Однако данный тип женщины был скорее недостижимым идеалом, мифом, порожденным предреволюционным временем. Действительное же положение вещей было куда менее радужным, и женщины продолжали существовать в рамках патриархальной системе гендерных отношений с традиционными взглядами на секс и брак.

Исследование поддержано грантом РФФИ 16-01-00136.

Т.К. Антошина

Москва, РОО Московский союз художников

МУЗЕЙ ЖЕНЩИНЫ КАК ОСОБАЯ ИНСТИТУЦИЯ

Все с большей очевидностью мы видим, что мускулинные стереотипы общественного сознания – соперничество, доминирование, культ физической силы и борьбы – сегодня не продуктивны. Парадигма мышления, основанная на дихотомической системе противопоставлений (да – нет, хорошо – плохо, черное – белое, свое – чужое) – примитивная логика взаимоисключающих противоречий – эта модель исчерпала себя. Если человечество будет продолжать неосознанно и хищно потреблять и производить, истреблять леса, убивать животных и друг друга – его гибель станет неизбежной. Века и тысячелетия в Мире сохранялся патриархальный порядок. Но, это не означает, что так должно быть всегда. Цивилизация стоит перед выбором: отказаться от старых стереотипов и ценностей – или исчезнуть с лица Земли.

Все более необходимыми становятся сегодня энергии взаимопонимания и сотрудничества, сознание единства мира и ценности жизни. Я бы назвала такое целостное незаинтересованное сознание –

феминным: на протяжении истории человечества женщина стояла как бы на воротах жизни и смерти, занимаясь не только родами, но похоронами. Жизнь стоит на первом месте в ее системе ценностей – женщина гуманна по природе. Уже сегодня женские энергии все ярче проявляют себя – не случайно так много женщин появилось на политической арене, в науке и искусстве: смена парадигмы – это вопрос времени. Насколько же быстро она произойдет – зависит от нас.

МУЗЕЙ ЖЕНЩИНЫ (МЖ) способствует этому глобальному изменению общественного сознания. Проект возник вначале как художественный в 90 годы прошлого века. С тех пор назрела необходимость более активных действий. Сегодня МЖ представляет собой план институции, имеет программу, ищет союзников, инвесторов, помещение.

Искусство

Исполнение гендерных ролей, рождение и воспитание детей накладывают отпечаток на эмоциональный фон, интересы и чувства женщины, представляют собой уникальный женский опыт, который должен стать неотъемлемой частью общечеловеческого художественного опыта.

История МЖ

Проект появился как реакция на неравноправное положение женщины в искусстве, стал попыткой найти форму феминизма, соответствующую гендерной ситуации на русскоязычном пространстве во время перестройки. Его пластическая форма представляла собой игру. Однако, игра, как оказалось, затронула глубочайшие слои патриархального фундамента, на котором построено было наше общество. Проект вызвал критику публики и интеллектуалов. Он представлял собой 12 постановочных фотографий по сюжетам картин знаменитых художников. В моей версии мужчины и женщины меняются местами. Хотя я искала язык, соответствующий нашей конкретной ситуации, проект не был адресован конкретно к московской публике, скорее – к художественному сообществу вообще. Еще две выставки в Черногории продолжили мое художественное исследование.

Задачи и цели МЖ:

Музею необходимо стать не просто местом борьбы за права женщины и ее самоутверждение через искусство. Он предлагает

программу новой жизни, более совершенной, чем нынешняя. Только в этом случае МУЗЕЙ ЖЕНЩИНЫ станет жизнеспособным социальным организмом и инновационной институцией. Мы не просто опровергаем старые порядки, разрушаем стереотипы, боремся с дискриминацией и насилием – но и являемся опытным полем, Лабораторией для создания новых моделей искусства, жизнеустройства человеческого общества и планеты в целом.

Программа:

– МУЗЕЙ будет знакомить широкую публику с достижениями женщин, повышать самосознание женщин; разрабатывать теорию гендерных отношений – новую в искусстве область, связанную с приходом женщины и осознанием гендерных ролей – находить черты и особенности женского опыта и женского языка;

– Заниматься разработкой новых направлений современного (постмедиального) искусства (теории Неосинкретизма и пр.) на границе между различными медиа, между искусством и наукой;

– Средствами искусства проявлять заботу обо всех, кто подвергается насилию и дискриминации: женщин, стариков и детей, общества ЛГБТИ, защищать их права;

– Создавать модели новых отношений и нового общества – построенного на принципах ненасилия, уважения к жизни во всех ее проявлениях (экология планеты, восстановление естественного плодородия почвы и экопоселения, видовое питание, расширение способностей человека, ЗОЖ, отмена закона естественного отбора для человека, продление молодости и пр.)

МУЗЕЙ состоит из 3 разделов:

1. Гендерные исследования, новые теории и практики современного искусства – выставки, симпозиумы, круглые столы, конференции, издательство сборников, фестивали, резиденция для художниц и писательниц; виртуальный МЖ;

2. Активизм (и те же разделы);

3. Лаборатория Новой Жизни (Неосинкретизм, экология, ЗОЖ) – вокруг изобразительного искусства будут проходить эксперименты на смежных территориях – с другими искусствами и науками. Тут будут работать теоретики в области философии, культурологии, современного искусства, ЗОЖ, геронтологии, проходить всевозможные научно-теоретические мероприятия,

настоящие лаборатории и исследования, мастер-классы: правополушарное рисование, экспериментальные классы по развитию творческого мышления у детей и взрослых. Строительство экопоселений, разведение садов и воссоздание живой плодородной почвы (без ГМО, минеральных удобрений и ядохимикатов) входит в программу. Экологическая инспекция, аюрведа, энергетические практики и т.п.

Раздел называется Лабораторией, внимание в нем акцентируется на инновационных задачах. Будущий МУЗЕЙ можно сравнить с институтом, в котором идет исследование прошлого и создание моделей будущего, с местом, где обучаются студенты (в нашем случае – всевозможные курсы, мастер-классы и резиденция).

Почему именно МУЗЕЙ?

Мы называем нашу организацию МУЗЕЕМ не только потому, что она будет иметь собрание произведений феминистского и женского искусства, проводить выставки и семинары; но и, в том необычном широком смысле, который придавал ему основоположник русского космизма Н.Ф. Федоров: самих людей, все человечество он представлял как предметы искусства, экспонаты гигантского Музея, за хранение которых – здоровье и вечную жизнь отвечает государство. Вероятно, эта идея и сегодня кажется фантастической, как 100 лет назад, и государство какой-либо отдельно взятой страны не в состоянии сегодня осуществить биополитику Н. Федорова. Но мы можем создать небольшую модель. Уже сегодня необходимо привлекать внимание людей к вопросам саморазвития и повышения осознанности; создавать различные мастер-классы и кружки, спа-лаборатории для уникальных оздоровительных процедур. МУЗЕЙ ЖЕНЩИНЫ может стать своеобразным макетом-прообразом будущего.

Гендерная психология на службе преодоления стереотипов. Проблемы расширения прав и возможностей женщин в обществе

Т.З. Козлова

Москва, Институт социологии РАН

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Самореализация человека – главная цель всей его жизни, его социального времени. Жизненный путь человека – непрерывная цепь этапов самореализации. «Смысл жизненного пути состоит в самореализации индивидов. Способы самореализации индивидов и есть формы объективирования смысла их жизни».

Самореализация личности – это актуализации индивида в двух основных сферах жизни: профессии (труде) и семье человека. Объект нашего исследования – мужчины и женщины. Предмет исследования – их самореализация. Эмпирическая база – репрезентативное Всероссийское социологическое исследование, которое провёл Институт социологии РАН в конце 2016 г. с целью получить картину страны по различным сторонам: социально-политическим, социально-экономическим и др. Выборка составила 4000 человек.

Самореализацию личности мы рассматриваем с момента примерного завершения процесса социализации индивида (20–22 года), т.е. самореализацию взрослого человека, готового принять участие в жизни общества, в профессиональной деятельности. Человек в начале своего взрослого пути определяет цели (смысл) своей жизни, исходя из своих потребностей. Высшими потребностями личности (по А. Маслоу) являются потребности в самоактуализации, самореализации. Сюда относятся потребности в достижении тех потенций, на которые способен человек, потребности в саморазвитии, в творчестве в широком смысле этого слова. Поставив перед собой цели, индивид сопоставляет их со своими способностями и возможностями.

Вступая в период зрелости, «человек наиболее полно раскрывает свои потенции и задатки, возможности и способности. Своим продуктивным трудом он пополняет ресурсы, возможности

общества. Такой человек особенно нужен обществу, ибо поддерживает его существование, приумножает его потенциал. Получив образование, воспитание, профессию, он теперь отдаёт обществу то, что получил от него. Разумеется такой нормативный вариант самореализации подготавливается всеми предшествующими фазами развития». Сферы профессиональной деятельности являются теми институтами, где реализуется личность. Деятельность в них, рассмотренная по временным интервалам, – этапы самореализации личности. Общая направленность личности (её диспозиция) регулирует деятельность индивида. Высший диспозиционный уровень личности включает в себя социальные установки (ценностные ориентации) на цели жизнедеятельности и средства их достижения.

В социологическом исследовании респондентам (мужчинам и женщинам) предлагалось оценить значение девяти различных сторон их жизни, уровень их самореализации. Предложение было сформулировано так: «Оцените по 5-балльной шкале насколько важным лично для Вас на сегодняшний день является:

Работа, бизнес; Жить интересно, много путешествовать; Обретение важных знакомств, связей; Карьера; Быть полезным обществу, людям; Образование; Политика, участие в работе политических и общественных организаций; Создание семьи, рождение детей; Самореализация, проявление себя.

На шкале от 1 до 5 определены значения: «не важно» – для оценки 1, «важно» – для оценки 4, «очень важно» – для оценки 5.

Итак, в порядке, перечисленном выше, рассмотрим, насколько значимы для мужчин и женщин эти стороны жизни, и каково различие в оценках по полу.

1. *Работа, бизнес.* 19% мужчин ответили, что для них работа и бизнес «важны», среди женщин таких 17%. Оценили как «очень важно» работу и бизнес 60% мужчин и 56% женщин. Можно сделать заключение, что в современном мире участие женщин в работе и бизнесе, а также значимость для женщин в этой сфере жизни мало отличается от мужчин. Последние десятилетия изменилась социальная роль женщин. Женщина в бизнесе – нормальное явление.

2. *Жить интересно, много путешествовать.* Оценки мужчин и женщин по этому вопросу мало отличаются друг от друга. Среди мужчин «важно» 27%, «очень важно» 29%; среди женщин «важно»

26%, «очень важно» 29%. Немногим больше половины опрошенных среди мужчин и женщин считают для себя важным жить интересно и много путешествовать. Эта оценка идентична у мужчин и женщин. Можно говорить о гендерной одинаковости образа жизни. Надо заметить, что в этом исследовании принимали участие люди из разных регионов страны. У некоторых из них жизнь сложилась так, что они не занимаются интересной профессией. Не все могут позволить себе путешествовать. Оценивая свои желания, некоторые сопоставляли их со своими возможностями.

3. *Обретение важных знакомств, связей.* Среди мужчин считают «важно» –33% и «очень важно» – 27% иметь важные связи и знакомства, т.е. в сумме 60%. Для женщин эта сторона жизни имеет несколько меньшее значение: 29% «важно» и 25% «очень важно». В наше время, студент, окончивая вуз, не идёт работать по распределению (как раньше), он ищет работу. Здесь часто помогают связи, знакомства у родственников, друзей. Известно, что мужчины занимают чаще руководящие посты и должности по сравнению с женщинами. На такие должности иногда нужны рекомендации знакомых.

4. *Карьера (карьерный рост).* Для мужчин карьера важнее, чем для женщин: для 30% мужчин карьера «важна» и «очень важна» для 27%. Такие же ответы дали по 25% женщин. Не очень высокие показатели, как для мужчин, как и для женщин. Объясним этот факт. Мы анализируем данные для всех возрастных групп, участвующих в исследовании, начиная с молодой возрастной группы «18–30 лет». У возрастных групп разная мотивация к успеху и разные способности. Это же исследование показало, что у молодых людей (и людей среднего возраста) большое стремление добиться поставленной цели. У них сильная мотивация, умственные способности на пике развития. Они стремятся осуществить свои цели в построении карьеры, своей самореализации. У старших возрастных групп уже нет такого стремления к построению карьеры, уровень самореализации несколько меньше. Возраст «18–30 лет» у них уже позади. Этим можно объяснить невысокие показатели по показателю «карьера» по данным для всей исследуемой совокупности опрошенных.

5. *Быть полезным обществу, людям.* Это важное духовное качество всегда было присуще людям России. Для 36% мужчин «важно»

быть полезным обществу, а для 30% «очень важно». Для 36% женщин «важно» и для 33% – очень важно. Таким образом, считающих важным быть полезными среди женщин на 3% больше.

6. Образование. В настоящее время много дискуссий, каким должно быть образование (и в школе, и в вузах). Четверть среди опрошенных мужчин (25%) считают, что образование «важно» для них. 33% считают, что «очень важно». Для 23% женщин образование «важно», а для 39% «очень важно». На вопрос, почему среди женщин таковых больше (на 6%), автор ответил бы так: исследование проводилось среди всех возрастных групп, поэтому трудно сказать, для каких возрастных групп мужчин и женщин (молодых, среднего возраста, старшего возраста) образование имеет или имело большее значение.

7. Политика, участие в работе политических и общественных организаций. Среди опрошенных мужчин только 15% считают, что «важно» участвовать в работе политических и общественных организаций, и для 6% это «очень важно». У женщин картина ответов почти идентична мужчинам. 12% считают, что «важно», и «очень важно» – 6%. Итак, ни мужчины, ни женщины не сторонники участия в политике.

8. Создание семьи, рождение детей. Казалось бы, что у женщин большая мотивация иметь ребёнка, чем у мужчин. По 14% мужчин и женщин ответили, что для них «важно» иметь семью. Однако если 23% мужчин отметили, что для них «очень важно» создать семью и иметь детей, то так же ответили только 17% женщин. В таких низких ответах женщин мы видим две причины: 1. Разный возраст респондентов; 2. У молодых девушек нет прежней (до 90-х годов) мотивации выходить замуж после двадцати лет и иметь детей. В городах они прежде всего стремятся сделать карьеру. 2. Что касается сельских поселений, то во многих деревнях нет женихов.

9. Самореализация, проявление себя. В вопросе самореализации мужчины и женщины идентичны. Среди опрошенных 35% мужчин и 33% женщин отметили, что для них «важна» самореализация; «очень важна» – для 42% мужчин и для 43% женщин. Учитывая, что исследование проводилось для разных возрастных групп, можно сделать вывод, что для людей в любом возрасте очень важна самореализация.

Подчеркнём как значимый результат идентичность ответов у мужчин и женщин по такому важному показателю, как самореализация личности.

И.В. Солодникова

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Самореализация взрослых людей: возрастная и гендерная специфика

В гуманистической психологии (А.Маслоу) существует точка зрения, что самореализация является одним из важнейших проявлений взрослого, психологически здорового человека. Под самореализацией он понимал «полное применение талантов, способностей, потенциалов и т.д.» [3, с.489]. С введением А. Маслоу этого понятия в середине XX века оно привлекает внимание как зарубежных, так и отечественных ученых.

Так, например, Л.А. Коростылева полагает, что самореализация осуществляется в двух основных сферах: профессиональной и семейной.[1] Возможны также проявления самореализации в дополнительных сферах.

Мы провели исследование самореализации взрослых испытуемых (от 21 года до 60 лет), работающих, с высшим образованием, проживающих в Москве и московской области. Было опрошено 131 человек. Метод сбора первичной психологической информации – авторская версия методики незаконченных предложений [2].

Мы разделили наших работающих респондентов на четыре группы по полу и возрасту (до 30 лет и старше 30 лет). Мы считаем, что пол и возраст являются важными переменными, предопределяющими особенности самореализации взрослого человека.

Проведенный контент-анализ полученного материала, по нашему мнению, позволяет выделить гендерные особенности самореализации сформированных групп респондентов.

Рассмотрим сначала *особенности самореализации женщин моложе 30 лет*. В области семейных отношений в качестве главных задач самореализации для них выступают удачное замужество и рождение ребенка (первого или второго). Эта тенденция проявилась, прежде всего, в ответах на незаконченные предложения «Я

надеюсь...» и «Мои три самые большие достижения в жизни...». У всех молодых женщин встречается хотя бы один ответ, связанный с семейными планами. Это ответы типа: «надеюсь встретить любимого человека и разделить с ним жизнь», «надеюсь родить ребенка», «хотелось бы завести еще одного ребенка», «надеюсь, что второй мой брак будет удачным», «надеюсь воспитать дочь (сына) достойным человеком». Среди трех главных достижений в своей жизни молодые женщины также отмечают удачный брак, еще чаще – рождение ребенка или детей. Таким образом, самореализация в семейной сфере является важной для молодых женщин. Более половины женщин до 30 лет еще не состоят в браке, поэтому питают большие надежды на его успешность.

В профессиональной сфере молодые женщины также стремятся самореализоваться. Они планируют свою дальнейшую карьеру. Среди ответов на незаконченное предложение «Я надеюсь...» часто встречаемый тип ответов связан с познавательной активностью или содержанием профессиональной деятельности («надеюсь получить второе образование», «выучить еще один иностранный язык», «найти интересную и высокооплачиваемую работу»). В соответствии с этим неслучайно часто завершая незаконченное предложение «Три мои самые большие достижения в жизни...» эта категория испытуемых отмечает получение высшего образования, как условия самореализации в профессиональной сфере. Дополнительная группа ответов, тоже характеризующая выраженную познавательную активность, но за пределами профессиональной деятельности была получена при завершении предложения «В мои дальнейшие жизненные планы входит...». Часть испытуемых говорят о желании «попутешествовать». При этом диапазон ответов варьирует от ориентации на посещение вполне определенных стран (Европы или некоторых экзотических, например, Малайзии) до неоформленного стремления к путешествиям.

Планы заняться самообразованием и путешествовать можно рассматривать как стремление самореализоваться в дополнительных сферах, за пределами семьи и профессии. Однако получение дополнительного образования для молодых женщин (и не только для них) может быть тесно связанным с желанием упрочить свое положение на рынке труда, добиться больших успехов в професси-

ональной деятельности, обеспечить свою большую мобильность в условиях радикальных социальных изменений.

В целом можно считать, что в планах самореализации этой группы респондентов (молодые женщины) представлены как основные, так и дополнительные сферы общественных отношений. Такой тип самореализации можно обозначить как *планируемую семейно – профессиональную с привлечением дополнительных сфер*.

Обратимся теперь к особенностям самореализации *молодых мужчин моложе 30 лет*. У них в первую очередь представлены профессиональные планы. В качестве окончания незаконченного предложения «В мои дальнейшие жизненные планы входит...» в этой группе респондентов часто встречались ответы «разбогатеть», «повысить свой материальный уровень», «заняться предпринимательской деятельностью», «создать собственный бизнес», «ни от кого не зависеть». Таких ответов среди женщин-испытуемых не было. Также нередкими были ответы «сделать карьеру». Окончания незаконченных предложений демонстрируют, что в отношении самореализации мужчины в большей степени, чем женщины ориентированы на материальное благополучие.

Вместе с тем, молодые мужчины стремятся к самореализации в сфере семейных отношений. У них несколько реже, чем у женщин, но все же встречались окончания незаконченного предложения «Моей самой большой ошибкой ...», свидетельствующие о значимости семьи, причем чаще в ситуации неблагополучия («неудачный брак», «развод с любимой женщиной», «не женился на любимой девушке» и т.п.). Предложение «Надеюсь...» часть молодых мужчин завершили «встретить женщину, с которой смогу прожить жизнь». Таким образом, можно сделать вывод о том, что самореализация в сфере семейных отношений значима для молодых мужчин. Но ее значимость несколько меньше, поскольку ответы, касающиеся семейных планов, встречаются у них все же реже, чем у молодых женщин.

Показательно, что мужчины моложе 30 лет в своих ответах на незаконченные предложения не упоминали планов самообразования. Вероятно, для них достаточно того образования, которое они имеют, чтобы строить карьеру, больше зарабатывать или создавать собственный бизнес. Возможно, в широком распространении пла-

нов самообразования среди молодых женщин выражается их большая креативность, гибкость. В то же время следует учитывать, что в современной России уровень образования далеко не всегда прямо коррелирует с доходом респондента, особенно в многократно отмечаемых условиях коррупции и теневой экономики.

Таким образом, стратегию самореализации молодых российских мужчин можно обозначить как *профессионально-финансовую в сочетании с планируемой семейной*.

Особенности самореализации молодых женщин и мужчин носят гендерно специфический характер. При том, что для обоих полов самореализация в этом возрасте носит перспективный характер (скорее это планы, чем их реализация), молодые женщины в большей степени планируют самореализацию в семейной сфере, чем в профессиональной. Для них характерны также планы самореализации в дополнительной сфере в первую очередь в виде самообразования и путешествий. Для молодых мужчин более важной сферой самореализации в этом возрасте выступает профессиональная сфера, семейная также важна для них, но в меньшей степени. Стоит отметить, что у молодых мужчин отсутствуют планы самореализации в дополнительных сферах.

Теперь рассмотрим гендерные особенности самореализации, присущие испытуемым в *возрасте 30 лет и старше*. Для женщин этого возраста характерны два типа самореализации. Для тех из них, кто сумел сделать карьеру (получает хорошую зарплату, работает в банке, риелтором) характерен *сбалансированный тип самореализации*. Они продолжают самореализацию в семейной сфере (в проективной ситуации выражают намерение дать детям хорошее образование, дождаться внуков, на удачный второй брак, родить еще одного ребенка). Кроме того, у них появляется новый мотив в семейных отношениях: помощь родителям. Таким образом, сфера семейных отношений продолжает играть значительную роль в самореализации женщин в возрасте 30 лет и старше, а ее содержание обогащается.

В то же время они продолжают самореализацию в профессиональной сфере. Наиболее типичной группой ответов при завершении предложения «В мои дальнейшие жизненные планы входит...» является указание на дальнейшее профессиональное совершен-

ствование («продолжить карьерный рост», «найти более высокооплачиваемое место работы» и т.п.). Профессионально успешные женщины этого возраста продолжают планировать свою карьеру (с «горизонтальными» или «вертикальными» перемещениями). При этом они довольны своим материальным положением и намереваются его сохранять в дальнейшем.

Немаловажными для них остаются и дополнительные сферы самореализации. В качестве таковых для испытуемых этого возраста выступают поддержание здоровья и активного образа жизни. Предложение «Мне не хватает времени на...» они часто заканчивают «на себя, на свое здоровье», «не уход за собой», «на активный отдых, на посещение бассейна». Таким образом, применительно к успешным работающим женщинам мы вновь можем говорить о *сбалансированном* типе самореализации, которая в отличие от молодых женщин обогатилась новым содержанием.

Другой тип самореализации можно выделить у женщин старше 30-ти лет, которые *не сумели сделать карьеру*. Это относится в первую очередь к тем из них, кто работает на государственном предприятии. Нереализованность в сфере профессиональных отношений приводит их к переориентации преимущественно на семейные отношения. Очевидным показателем неблагополучия, вынужденного выбора такой стратегии самореализации этой группе респондентов является типичное пессимистическое завершение предложения «Я надеюсь...» (например, «ни на что не надеюсь, надеяться не на что»). Свои планы на будущее они связывают, прежде всего, с семьей, причем по большей части – с семьей своих детей. В таких планах чаще всего упоминается помощь детям (в том числе – в приобретении жилья, в воспитании внуков). Можно предположить, что свою не во всем удавшуюся жизнь они делегируют своим детям («жертвуют» собой ради их будущего), надеясь, что у них она сложится более удачно.

В качестве дополнительной сферы самореализации для таких женщин выступает времяпрепровождение на даче. Предложение «Мне не хватает времени на...» они часто заканчивают «...занятия на даче, на садоводство, цветоводство, работы на даче». В их планах на будущее нередко фигурируют обновление, ремонт и расширение дачного домика.

Такой тип самореализации женщин в возрасте 30 лет и старше можно обозначить как *вытесненный в семью*. Для этого типа нереализованность в профессиональной сфере может быть связана с радикальными социальными изменениями в России. Они сделали профессионально невостребованными (или низкооплачиваемыми) часть респондентов, находящихся на определенном этапе жизненного пути («взрослости»). Имеющаяся профессия попала в категорию «непрестижных», переобучение требует финансовых затрат. Тем самым радикальные социальные изменения «вытеснили» их в сферу семейных отношений.

Применительно к мужчинам в *возрасте 30 лет и старше* тоже был обнаружен не один тип самореализации. Прежде всего этот тип зависел от (не-)успешности их самореализации в профессиональной деятельности. Состоявшиеся в профессии мужчины (удовлетворенные своим профессиональным статусом и доходами) также как и профессионально успешные женщины, надеются на дальнейшее профессиональное совершенствование. При этом диапазон профессиональных «стратегий» достаточно широк. Заканчивая предложение «В мои дальнейшие жизненные планы входит...», они планировали «...открыть собственное частное предприятие», «добиться высокого социального положения в обществе», «стать генеральным директором предприятия» и т.д. Имея уже сейчас достаточно высокий социальный статус (риелторы, банковские служащие, директорат государственного предприятия, руководители частного охранного агентства), они планируют и в дальнейшем продолжать расти как в профессиональном, так и в более широком, но взаимосвязанном социальном плане.

В сфере брачно-семейных отношений они не испытывают затруднений отчасти в силу своей профессиональной и материальной успешности. Они отмечают, что любят свою семью, жену, детей, своими достижениями считают рождение и воспитание детей. Но такие ответы встречаются у них реже, чем у женщин того же возраста. Либо благополучная семья стала чем-то само собой разумеющимся в их жизни, либо они полагают, что еще смогут создать удовлетворяющие их семейные отношения. Таким образом, профессионально успешным мужчинам зрелого возраста присущ *сба-*

лансированный тип самореализации. Они гармонично растут в семейной и профессиональной сферах.

Иной тип самореализации был обнаружен у мужчин, чья профессиональная деятельность не предполагала существенной вертикальной мобильности или изменения ее содержания (*мужчины, неудовлетворенные профессиональной деятельностью*). В нашей выборке они в наибольшей мере были представлены работниками государственного предприятия и сотрудниками частного охранного агентства. Такие мужчины в возрасте старше 30 лет не надеются на дальнейший рост своего социального статуса, содержательное обогащение своей профессиональной деятельности. Часть этих мужчин заканчивали военные училища и начинали свою трудовую деятельность в качестве профессиональных военных. Проблемы, существовавшие в армии, обострились в ходе радикальных социальных изменений, происходящих в обществе, что заставило их уволиться из армии, изменить свою профессиональную стратегию, став охранниками. Но добиться роста в этой области деятельности удалось не всем. Те, кто не смог продвинуться, закачивая предложение «Моей самой большой ошибкой...» писали о том, что это было окончание военного училища. То есть профессиональный выбор, сделанный ими после окончания школы, оказался неэффективным в социальных условиях, сложившихся в постсоветской России. В качестве трех своих самых больших достижений в жизни они отмечали увольнение из армии, женитьбу, рождение детей, обзаведение жильем.

У таких респондентов в качестве компенсации своей не сложившейся профессиональной карьеры доминантой становятся материальные задачи, которые они ставят перед собой. В качестве ожидаемых значимых жизненных событий они отмечают: надежду на улучшение собственных жилищных условий; помощь детям в приобретении жилья; постройку или расширение дачного домика; покупку нового автомобиля.

Самореализации в сфере семейных отношений для них тоже подразумевает акцент на материальное обеспечение семьи и детей. Типичными окончаниями предложения «Я мог бы быть счастливым...» у них были: «если бы мог дать хорошее образование детям», «улучшить свои жилищные условия», «если бы мои дети были удачливее меня».

Таким образом, тип самореализации мужчин с 30 лет и старше можно назвать *компенсаторным, с ориентацией на материальное обеспечение семьи*. Они не смогли реализоваться в профессиональной сфере в связи с радикальными социальными изменениями, которая привела к переориентации их на достижение максимально возможного материального достатка, а планы карьерного роста у них практически отсутствуют.

Как для профессионально успешных мужчин, так и неуспешных, ведущим показателем самореализации служит материальное благополучие свое и своей семьи.

Однако, во-первых, в случае профессиональной удовлетворенности ориентация на финансовое благополучие дополняется, уравновешивается разнообразием целей и средств их достижения в других сферах отношений (семейных, более широких социальных). Тогда как при профессиональной неудовлетворенности достижение материального благополучия (своего или своих детей) становится ведущим мотивом, в значительной мере сужая диапазон жизненных целей (и соответствующих им действий).

Во-вторых, специфически «мужским» завершением предложения «Человек доволен своей жизнью...», было «когда он не нуждается материально».

В качестве сферы дополнительной самореализации, как для профессионально успешных, так и для профессионально неспешных мужчин этого возраста можно считать занятия спортом. Каждый пятый отмечал, что ему не хватает времени для занятий спортом. Сохранение и поддержание своей физической формы выступает как направление самореализации в дополнительной сфере. Повидимому, для респондентов этой возрастной группы, независимо от пола, сохранение здоровья выступает в качестве одной из главных жизненных ценностей. Однако средства ее достижения являются гендерно-специфичными: спорт – для мужчин, и менее конкретные (поддержание здоровья, уход за собой, возможно диета, использование биологически активных добавок) – для женщин.

Таким образом, нами были выделены гендерные особенности самореализации личности во взрослости. Для испытуемых в возрасте до 30 лет обоюбого пола характерен *сбалансированный* тип самореализации, Мы предполагаем, что в силу возраста она носит во

многим перспективный характер (Нередко это планы, а не реальность). В дальнейшем, в зависимости от того, как будет складываться их жизнь, траектория самореализации может измениться (при неуспехе в определенной сфере деятельности).

Тот же тип самореализации присущ также профессионально успешным людям в возрасте 30 лет и старше, как мужчинам, так и женщинам. Однако этот тип уже подкреплен их успехами как в профессиональной, так и в семейной сферах.

Для неудовлетворенных профессией женщин характерным является *вытесненный в семью* тип, для которого свойственно переключение на самореализацию в семейной сфере в связи с изменением престижности их профессий в условиях радикальных социальных изменений. Дополнительной сферой самореализации выступает работа/отдых на даче.

Для неудовлетворенных профессией мужчин типичной является *компенсаторная самореализация, направленная на материальное обеспечение своей семьи*. Отсутствие профессиональных планов компенсируется обилием планов по повышению материального благосостояния семьи. Дополнительной сферой самореализации выступает спорт как средство поддержания здоровья.

В описанном нами исследовании принимали участие работающие испытуемые. Но было бы интересно проанализировать гендерные особенности самореализации неработающих мужчин и женщин. Также в данной статье не были проанализированы особенности самореализации взрослых респондентов успешных и неуспешных в семейной жизни. Можно предположить, что траектории самореализации еще больше усложнились бы.

Мы надеемся, что эти задачи будут решены в следующих исследованиях.

Список литературы

1. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Изд-во Речь, 2005. – 222 с.
2. Солодникова И.В. Самореализация личности в зрелом возрасте: междисциплинарный анализ. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 351 с.
3. Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Питер, 2002. – 865 с.

Г.В. Вержубок

*Минск, Республика Беларусь, Минский государственный
лингвистический университет*

КУЛЬТУРА И ГЕНДЕР: СООТНОШЕНИЕ И ПОИСК ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

В современном пространстве при расширении информационного поля и интенсификации массовых коммуникаций начинает включаться гендерная идеология как политика реализации «равных возможностей» представителей «двуполярного» мира. Отмечается переход от традиционно-иерархических связей к не доминантным, партнерским отношениям, силовая стратегия сменяется переговорной, а взаимодействие рассматривается как оптимальное включение принципа взаимодополняемости полов. Устоявшиеся социальные модели отношений между полами постепенно изменяют свой ракурс в направлении расширения сфер женской и мужской активности, это новый опыт оценивания гендерных канонов, но в существующих культурных рамках.

Культура – практическая реализация общечеловеческих духовных ценностей в делах и отношениях, образ жизни, «связь людей» (В.П. Зинченко), то, что «пролегает между людьми» (Н. Zimmel), набор отношений, форм поведения, передаваемых из поколения в поколение с помощью средств коммуникации (D. Matsumoto), нормы и правила, стереотипы и образцы, ожидания и убеждения, представляющие систему знаков (А.Г. Асмолов), предназначена для коллективного существования в имеющихся природных и исторических условиях (А.В. Костина, А.Я. Флиер), поддержания территориальной и социокультурной целостности (G. Hofstede, Н. Triandis).

Гендер, имплицитно содержащийся в культуре, уже в достаточно явной степени влияет на социальные отношения, которые определяют развитие общества в целом. Возникая как средство упорядочения социальных связей, на основе эмоционально-рефлексивного опыта множества поколений, гендерный конструкт встраивается в культурный и социальный контекст посредством господствующей идеологии. *«Такое гендерное устройство, где мужчины доминируют над женщинами, необходимо объединяет мужчин как группу, заинтересованную в охране статус-кво, а*

женщин – как группу, заинтересованную в его изменении» (R.W. Connell, 1995, 2000).

В культуре биологические различия мужчин и женщин преобразуются в ряд социальных ожиданий в отношении того, какие модели поведения следует считать нормативными. «Если природа сделала женщину отличной от мужчины, то общество сделало ее отличной от человека» (С. Файерстоун). Гендерные модели поведения характеризуются строгой иерархией: *мужское* начало связывается с главенством, властью, *женское* – представляется как второстепенное, подчиненное, что приводит к социальной иерархии, к гендерной асимметрии. Такие условия формируют спектр объективных барьеров при осуществлении жизненных проектов, конституируют гендерные различия, что отрицательно сказывается на самореализации и может выступать барьером развития индивидуальности (Г.Г. Силласте, 2012). Гендерные представления в большей мере изменяются в направлении маскулинизации женщин, чем в направлении феминизации мужчин (И.С. Клецина, 2004).

Сегодня границы между полами становится все более размытыми, но, стремясь к достижению равенства, каждый пол микширует свою изначальную уникальность (Haslanger, 1995). Роль женской субкультуры состоит в сохранении существующей традиции, мужской – создавать новые качества (В.А. Геодакян, 1968), но обе они – две глобальные социальные общности, интегрированные в систему социальных отношений во всех сферах жизни общества и оказывающие влияние на развитие социальных явлений и процессов. Их равноценность и одновременно нетождественность создает взаимное дополнение друг друга, исключает возможность взаимодействия полов как «центр-периферия», «главное-второстепенное», общество по-иному их структурирует (С.А. Ильиных, 2009). Многие черты нельзя отнести к диаметрально противоположным, скорее, это индивидуально-личностные особенности человека (Т.В. Моисеева, 2006).

Поскольку социальные статусы действуют в рамках культурного пространства, это означает, что гендеру как статусу соответствует *гендерная культура* (В. Pfau-Effinger, 1998), что делает возможным анализ механизмов структурирования гендера в обществе. «Гендерная культура и гендерная система есть результат конфлик-

тов и процессов переговоров социальных акторов. Противоречия, конфликты могут привести к культурным и социальным переменам в рамках гендерного уклада. Дифференциация помогает раскрыть и объяснить важные аспекты разных связей и разрывов, временных лагов во взаимоотношении культурных идеалов с социетальной практикой».

Включение в социокультурный контекст гендера посредством идеологии порождает актуальную гендерную культуру, соответствующую исторически обусловленному хронотопу. «Культурные приемы поведения не возникают просто как внешний навык, они становятся неотъемлемой частью самой личности, внедряя в нее новые отношения и создавая совершенно новый их строй. ... все культурное является социальным. Культура и есть продукт социальной жизни и общественной деятельности человека, и потому сама постановка проблемы культурного развития поведения уже вводит нас непосредственно в социальный план развития».

Гендерная культура – это ценностно-осознанная совокупность правил и норм, система регулирования отношений между полами (Л.В. Сажина), *выработанные социальной средой, ее традициями, правилами и нормами модели взаимодействия мужчин и женщин по осуществлению социальных и профессионально значимых действий* (С.П. Рыков), система знаний, норм и ценностей для эффективного гендерного взаимодействия и развития общей культуры личности (Е.В. Селезнева), интегративное качество личности, основанное на построении гендерного самопринятия посредством ценностно-смыслового единства взглядов и представлений при оценивании конструкторов «мужское-женское» в соответствии с культурно-нормативными и этно-национальными требованиями социума (Г.В. Вержибок), совокупность различных паттернов поведения, опосредующих согласованные действия людей в пространственно-временном континууме на основе понимания и принятия индивидуально-личностных позиций друг друга.

Гуманизация общественных отношений приводит к осознанию согласованности и взаимозависимости различных элементов общественных отношений, поиску взаимопонимания. Вскрытие глубинных причин инверсии полоролевых структур, гомогенизации поведения при девальвации традиционных и навязывании западных

ценностей приобретают первостепенное значение для актуального и перспективного прогнозирования, поддержания гендерного равновесия в социальной системе.

Е.В. Рыбак

Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

ЖЕНСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О стереотипах за без малого сто лет с момента введения этого понятия в 1922 г. Уолтером Липпманом написано множество научных работ. В отечественной научной традиции последняя четверть XX в. ознаменована мощным потоком исследований данного феномена: А.А. Бодалёв, В.Н. Куницына и др. изучают роль социальных эталонов и стереотипов в оценке личности; Г.С. Батыгин исследует стереотипы поведения, их распознавание и интерпретацию. А.Г. Балицкий, Л.А. Сабурова рассматривают особенности социальной регуляции в связи с возникновением стереотипов; Е.А. Иванова трактует стереотип как феномен культуры; Ю.А. Соколин занимается исследованием понятийного аппарата; И.Н. Валиев описывает влияние социальных стереотипов на межличностные взаимоотношения. Есть ряд других работ этого и более поздних периодов, исследующих, в частности, и профессиональные стереотипы (В.Ф. Петренко, В.С. Агеев, И.С. Кон, И.В. Вачков, Е.И. Голованова и др.)

В зарубежной научной литературе конца XX в. исследования подтверждают тезисы, что стереотип может появиться в ответ на потребность в социальной идентичности, что стереотипное мышление обслуживает несколько целей; что стереотипы значительно облегчают обработку информации, а стереотипизация выступает способом упрощения восприятия реальности. Дьявлено, что стереотипы могут возникать в различных контекстах, в связи с влиянием разных факторов окружающей среды (социальные роли, конфликты; для оправдания статус-кво), что существуют эмоциональные и мотивационные факторы, влияющие на то «когда» и «где» возникают стереотипы; большое количество исследований показы-

вает, что мотивация и эмоции играют важную роль в том, “когда” и “как” возникают стереотипы. Важным является понимание исследователями того факта, что стереотипы, как правило, являются ложными, вводят в заблуждение, (когнитивные искажения); от стереотипов зависят и «моральные искажения».

Современные («интернет») авторы выделяют и описывают множество гендерных стереотипов, касающихся в том числе и профессиональных предпочтений. Например, только женщины могут быть медсестрами, и т.п. Так же интернет-среда предлагает множество распространённых профессиональных стереотипов: преподаватель – мужчина – «человек знающий»; молодой учитель (девушка) – «ничего не знает, не умеет»; директор школы – «лишен всего человеческого» и т.п.

Для представляемого нами исследования наиболее подходящим является определение социального стереотипа как «относительно устойчивого и упрощенного образа социального объекта (группы, человека, события, явления и т.п.), складывающегося в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта индивида» Мы решили соединить варианты женских стереотипов, описанных «в мире моды» (А. Лисичкина) с профессиональными стереотипами в профессиональной социально-педагогической среде. Экспертов (10) выбрали из числа тех женщин, у которых есть профессиональная подготовка и опыт работы, как в системе образования, так и в социальной сфере.

Экспертам была предложена анкета, в которой предлагалось отметить, насколько применим «модный» стереотип к профессиональной женской социально-педагогической среде («да, нет, возможно») – для педагогов, социальных работников, социальных педагогов. Всего в анкете 20 позиций из «модного» электронного издания, где каждый стереотип описан подробно. В сокращённом варианте «стереотипы» выглядят следующим образом: 1. «Учитель»; 2. «Куколка»; 3. «Художница»; 4. «Рубаха-парень»; 5. «Идеал» (роскошная женщина); 6. «Бизнес-леди» (деловая женщина); 7. «Диктатор» (разновидность «деловой женщины»); 8. «Роковая женщина»; 9. «Барби» («игривая кошечка»); 10. «Нимфетка» («девочка-подросток»); 11. «Синий чулок» (Бабушка); 12. «Серая мышка» («Старая дева»); 13. «Тусовщица» («Бабочка»); 14. «Студент-

ка»; 15. «Рабочая лошадка»; 16. «Домохозяйка»; 17. «Светская львица»; 18. «Сексапильная штучка»; 19. «Рассеянный профессор»; 20. «Айболит» (Советчик).

Мы предположили, (используя «принцип Парето»), что с помощью распространённых стереотипов «из мира моды», где основания для их возникновения и функционирования достаточно просты и понятны (материальный формальный признак – одежда, стиль, имидж), можно выявить некоторые «профессиональные» стереотипы: «учитель», «деловая женщина», «синий чулок», «серая мышка», «студентка», «рабочая лошадка», «рассеянный профессор», наиболее выраженно представленные в женской социально-педагогической среде (80/20). Стереотипы же «идеал», «светская львица», «сексапильная штучка», «барби», «тусовщица», напротив, слабо представлены в этой профессиональной среде (20/80). Остальные стереотипы («куколка», «художница», «рубаха-парень», «роковая женщина», «айболит»), возможно, встречаются среди педагогов и специалистов по социальной работе. Что касается стереотипа «диктатор», то мы предположили, что в преподавательской (учительской) среде такой стереотип может иметь место (80/20), но для социального работника и социального педагога он мало приемлем (20/80).

Гипотезы в основе своей подтвердились. Однако эксперты моложе 40 лет по некоторым позициям («куколка», «художница», «идеал», «рубаха-парень» и другим) высказали мнение, отличное от мнения экспертов «с большим» стажем работы. Это подтверждает тезис о динамике возникновения стереотипов под влиянием средовых факторов: в образовании происходят мощные трансформации, что и приводит к изменениям профессиональных стереотипов.

Дальнейшее проведение исследования и тщательная интерпретация мнений людей, не имеющих профессионального образования и опыта социально-педагогической деятельности (клиентов социальной работы, родителей, учащихся, технический персонал и т.д.), позволит получить данные, которые помогут нам в дальнейшем использовать «когнитивные искажения» для повышения эффективности социально-педагогической работы.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ДВОРЯНСКО- ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЙ СРЕДЕ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Уже в первой половине XIX в. во многих дворянских семьях России стала распространяться так называемая «английская» система воспитания детей, проводником которой были иностранные гувернеры (гувернантки) и казенные закрытые учебные заведения. Такая система, ориентированная на «выращивание» физически здоровых людей, предусматривала строгий, изменявшийся только в крайних случаях, распорядок жизни, с ранними подъемами и жестким соблюдением норм гигиены. Дети (как мальчики, так и девочки) жили в хорошо проветриваемых, но холодных помещениях, спали под тонкими одеялами. Кормили их однообразной, но вполне питательной пищей. Помимо указанных строгостей, важным способом укрепления здоровья для детей обоего пола считались ежедневные (в любую погоду) прогулки и игры на свежем воздухе. Роль специализированных телесных упражнений, направленных на формирование выносливости, гибкости и красоты тела выполняли верховая езда, плавание и танцы. Вместе с тем, обучение данным навыкам имело целью, прежде всего, не общее оздоровление, а возможность их использования в повседневной жизни. В результате для юношей этот набор обязательно дополнялся фехтованием и стрельбой, а для девушек действительно серьезное внимание уделялось только танцам и работе по поддержанию осанки, все остальные же физические занятия не считались необходимыми.

Собственно же физическое образование – как комплекс специальных упражнений, направленных на общее оздоровление организма, его отдельных органов, но не имеющих практического применения в повседневной жизни – появляется в России в 1835 г., «когда в Петербург был вызван из Швеции Паули с тем, чтобы преподавать в С.-Петербургском батальоне гимнастику и подготовить будущих помощников учителей гимнастики – так называемых мониторов». В 1846 г. в столице было открыто первое врачебно-гимнастическое заведение, а при нем отделение, в котором приго-

товляли учителей гимнастики для военно-учебных заведений. Таким образом, гимнастика как особая дисциплина первоначально была востребована в военных учебных заведениях, что и ориентировало ее не только на исключительно мужскую, но и на особо нуждающуюся в физическом здоровье аудиторию.

И в последующие годы именно военное министерство выступало пионером в деле распространения физического воспитания. Недаром данное ведомство организовало в 1874–1876 гг. поездку П.Ф. Лесгафта по европейским странам с целью изучения опыта «преподавания гимнастики и подготовки специалистов в сфере физического воспитания знаменитых деятелей того времени».

Вместе с тем, к последней трети XIX в. в Европе сложилось уже несколько физкультурных систем: шведская, немецкая, английская, чешская (сокольская). Мысли о важности выполнения определенных физических упражнений, о необходимости специальной гимнастики для оздоровления детей доходили и до России и находили определенный отклик у части отечественных педагогов и интеллигентных родителей. Так, в руководстве для гувернеров и гувернанток, опубликованном в 1870 г. предлагалось отвести для занятий с ребенком гимнастикой отдельную комнату, оснастив ее специальными «снарядами»: «несколько мачт, чтобы лазить по ним, деревянную и веревочную лестницы, разного рода канаты, ...разного рода шесты». Занятия гимнастикой ориентировались, прежде всего, на мальчиков, но не отрицалась польза специальных физических упражнений и для девочек: «само собой только в такой мере, чтобы соответствовала их организму и силам».

В программах казенных (и работавших по государственным учебным планам частных) женских учебных заведений гимнастика появилась в конце 70-х гг. XIX в. Правда, данное новшество носило преимущественно декларативный характер и практически нигде не применялось на практике. С одной стороны, это было связано с тем, что по тогдашним представлениям ручной труд (рукоделие) также считался формой физического воспитания. Учитывая это факт, в гимназиях ведомства императрицы Марии во всех классах было отведено на гимнастику и рукоделие по 2 часа в неделю, причем не было точного разграничения числа часов между этими двумя предметами. С другой стороны, в школах отсутствовали спор-

тивные залы и возникали серьезные трудности с поиском преподавателей. В результате обычной оказывалась ситуация, сложившаяся в С.-Петербургской Александровской женской гимназии. Здесь, по новой, принятой в 1879 г. учебной таблицы предмет «рукоделия» упразднился, а его часы передавались для занятий физическими упражнениями. Но, реализовалось данная инициатива достаточно интересно – в связи с отсутствием необходимых помещений, временно эти часы были переданы в младших классах на занятия новыми языками, а в старших – стенографией. И только в 1882 г., так и не построившее спортивный зал начальство гимназии вернуло на младшие классы преподавание рукоделия, продолжая занимать старших в эти часы другими предметами.

К началу XX в. для значительной части женских средних учебных заведений дилемма между пониманием необходимости физического воспитания девушек и невозможностью его организовать, разрешалась включением в учебный план преподавания танцев. Например, именно в качестве замены гимнастики, предлагалось введение уроков танцев для учениц в Тюменской женской гимназии. За эти занятия предполагалось взимать дополнительную оплату – по 1 р. в месяц при 2-х час. уроках в неделю. При этом ученицы, «чьи родители не могли оплачивать, посещали уроки бесплатно».

До последнего десятилетия XIX в. и в мужской средней школе занятия гимнастикой осуществлялись по мере возможности, если были спортивные залы или хотя бы значительные по размерам рекреации, а также находились квалифицированные специалисты. При этом вводилась та система физического воспитания (шведская, чешская, немецкая, система Лесфгафта и т.д.), которой придерживался приглашенный преподаватель. Казалось бы, введение обязательного физического воспитания в мужской школе в 1888–1889 гг. должно было улучшить преподавание данной дисциплины, однако, ситуация только обострилась. С этого времени содержание физического образования в государственных школах стало носить ярко выраженный военный уклон. «Не было людей, которые могли бы преподавать гимнастику и, по необходимости, дело преподавания перешло к офицерам и даже унтер-офицерам. Военная гимнастика была внесена в стены гражданских учебных заведений, так как ни с

какой другой системой новые случайные преподаватели не были знакомы».

Совершенно по-другому относились к физическому образованию в так называемых «новых школах», передовых и дорогостоящих частных учебных заведений («продвинутых» школах для «избранных родителей»). Администрация совместно с родителями осуществляла тщательный подбор «подходящей» образовательной системы. В гимназии М.Н. Стоюниной, например, физическое воспитание проводилось по системе П.Ф. Лесгафта, при этом первоначально он сам руководил занятиями, а затем их вели его ученицы, так называемые лесгафтички, работу которых он постоянно контролировал, посещая уроки. В первом киевском коммерческом училище физическое воспитание строилось на программе врача А.К. Анохина. Для училища В.Н. Тенишева свою программу физического воспитания разработал петербургский педагог П.Н. Бокин. Почти все опытные школы имели просторные гимнастические залы, несколько площадок для проведения игр на открытом воздухе, а в некоторых школах имелись даже свои бассейны. На занятия гимнастикой отводилось не менее урока в день, помимо этого в середине учебного дня дети проводили час, играя на свежем воздухе и еще один урок, занимаясь ручным трудом. Формы деятельности и «снаряды» (коньки, велосипед, лыжи, коньки на колесиках, различные виды саней, станки для занятий в мастерских) для мальчиков, и для девочек были приблизительно одинаковы, варьировалась только нагрузка. Причем отдельные специалисты даже утверждали, что «для девочек нужна точно такая же гимнастика, что и для мальчиков».

Таким образом, отечественные педагоги и образованные родители к концу XIX в., в целом, утвердились в необходимости физического воспитания школьников. Признали важность подобных упражнений, официально введя обязательное преподавание гимнастики в школе, и государственные инстанции. Однако, только элитные передовые учебные заведения, обладавшие достаточным финансированием и стремившиеся реализовывать на практике современные педагогические установки действительно осуществляли физическое образование как для мальчиков, так и для девочек. В подавляющей массе школ и дворянско-интеллигентских семей Рос-

сии преподавание физической культуры была, как и в начале XIX в., гендерно ориентировано, включая практически исключительно обучение военному строю юношей и танцам девушек.

Е.Л. Волкова

Ярославль, Московский психолого-социальный университет, филиал

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК КАК БУДУЩИХ ЛИДЕРОВ

Тенденции современного общества определяют существенную трансформацию личностных черт юношей и девушек, в процессе самореализации. Наиболее значимой в юношеском возрасте выступает профессиональная самореализация, ее начальный этап, закладывающий основу для будущего продвижения по карьерной лестнице. Для достижения целей, а также профессионального самоопределения юноши и девушки целенаправленно, а кто – вынужденно, проявляют лидерские качества, стремятся занимать позицию лидера. Для этого, безусловно, необходимо задействование волевых качеств личности (далее ВКЛ).

Зачастую успех у молодых людей отождествляется с занятием личностью лидерской позиции. Стремление к лидерству сопряжено с рядом трудностей: высокий уровень конкуренции, личностные особенности и т.д. Таким образом, существует необходимость развития лидерских качеств, а также ВКЛ, во-первых для реализации собственных потребностей, во-вторых для того чтобы быть конкурентоспособными.

И.П. Петяйкин обнаружил, что юноши оказались как более смелыми, так и более решительными при принятии решений, чем девушки. Тем не менее, необходимо принимать во внимание тенденции современного общества к унификации моделей поведения. Традиционно считается, что мужчины проявляют более сильные лидерские способности и соответственно они более успешны в профессиональной деятельности. Поэтому девушки стремятся развивать стереотипно мужские качества, в процессе сталкиваясь с внутренними конфликтами, что подтвердилось в исследованиях Е.Ю. Райчевой.

Цель проведенного эмпирического исследования состояла в исследовании ВКЛ как основы лидерства, в юношеском возрасте, сравнить уровень ВКЛ у юношей и девушек. Исследование осуществлялось с помощью опросника волевых качеств личности (ВКЛ) М.В. Чумакова. Для обработки данных использовались описательная статистика, t-критерий Стьюдента, метод экспресс χ^2 , методы структурно-психологического анализа: ИКС-индекс когерентности системы, ИДС-индекс дивергентности системы, ИОС-индекс организованности системы,

В исследовании приняло участие 95 человек (62 девушки и 33 юноши) в возрасте от 18 до 21 года. Испытуемые являлись участниками всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме» (2016 год), ориентированного на привлечение молодых активных общественных лидеров: волонтеров, лидеров молодежных движений и людей, стремящихся реализации собственного потенциала. Параметры выборочной совокупности (в частности соотношение полов в выборке) соответствовало генеральной совокупности.

В связи с неоднородностью групп испытуемых, методом копия-пара была сформирована подгруппа девушек, равная группе юношей. Подгруппа девушек идентична группе юношей по возрасту, культурному и образовательному уровню. Было проведено сравнение выраженности ВКЛ у юношей и девушек.

Нами был подсчитан t-критерий Стьюдента для выявления значимых отличий. Таким образом, у юношей, как и у девушек были обнаружены значимые отличия в выдержке (t-критерий = $-2,24$, при $p=0,03$) и внимательности (t-критерий = $-2,14$, при $p=0,04$). Подобный результат может быть обусловлен психофизиологическими особенностями нервной системы в юношеском возрасте. Здесь так же можно отметить влияние меньшей эмоциональности юношей, по сравнению с девушками на выдержку, что в свою очередь сказывается на внимательности.

В связи с рассмотрением ВКЛ, как системы были исследованы особенности строения и возможные отличия данных систем у юношей и девушек. Для изучения данного аспекта нами были использованы индексы структурной организации системы. У юно-

шей: ИКС = 84, ИДС = 0, ИОС = 84. У девушек: ИКС = 79, ИДС = 0, ИОС = 79 (Условные обозначения: ИКС – индекс когерентности системы, ИДС – индекс дивергентности системы, ИОС – индекс организованности системы).

Анализируя полученные результаты, можно отметить высокую степень когерентности систем ВКЛ, при ИДС = 0. Таким образом, индексы когерентности и организованности систем совпадают. В процентном соотношении ИКС у юношей составил 90,72% от теоретически возможного и 85,32% у девушек, что отражает высокую степень организованности системы ВКЛ. Все это свидетельствует о том, что при активации какого-либо волевого качества начинают функционировать и другие ВКЛ, что способствует достижению более высоких результатов при выполнении деятельности.

Применение метода экспресс χ^2 продемонстрировало схожесть структур ВКЛ юношей и девушек ($\chi^2 = 0,71$, при $p = 0,03$). Высокая степень подобия структур может быть обусловлено схожестью моделей поведения юношей и девушек в обществе. Тенденция к унификации, может быть следствием желанием девушек быть наравне с юношами в профессиональном плане. Девушки, развивая волевые качества, стремятся к лидерству, уравнивая тем самым позиции обоих полов в достижении профессионального успеха.

Исследование продемонстрировало, что системы ВКЛ у юношей и девушек во многом схожи, что также может свидетельствовать об унифицировании моделей поведения юношей и девушек. Тем не менее, девушки, хоть и более мотивированные на развитие ВКЛ, уступают в общем развитии системы ВКЛ юношам. Юноши проявляют больше самообладания, что способствует концентрации внимания. Более низкие показатели девушек по данным ВКЛ могут быть обусловлены более высокой эмоциональностью.

В заключении стоит отметить большую роль существования гендерного неравенства в различных сферах деятельности на изменения личности. Именно это обуславливает слияние моделей поведения, выступающего в качестве способа реализации себя как лидера и как профессионала. Безусловно, на формирование подобного неравенства возможностей оказывают влияние социокультурные факторы, а также гендерные стереотипы.

К.С. Воротникова

*Екатеринбург, Уральский государственный аграрный
университет*

БИБЛИОТЕРАПИЯ В ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ ГРУППЫ РИСКА

Образовательная среда университета способствует интеллектуальному и личностному развитию студентов. Среди студентов есть юноши и девушки, которые попадают в группу риска, т.е. склонны к негативной девиации. Девиантное поведение приводит к разрушению как самого студента, так и малых социальных групп (студенческого коллектива в общежитии и университете, семьи). Психологическая лаборатория Аграрного Университета ведет психокоррекционную работу с такими студентами. Нам представляется интересным описать библиотерапию как метод работы с проблемными студентами. Формируется две группы студентов (юноши и девушки). Занятия проводятся отдельно с девушками и с юношами в течение учебного года. Для девушек предложены произведения отечественных и зарубежных писателей, где образ женщины является в центре повествования, вынесенный в заглавие. Студенты собираются в группу самоподдержки, где психолог предлагает обсудить конфликтную ситуацию главного героя. Для женской группы выбраны следующие книги:

Отечественная литература: Н.М. Карамзин «Бедная Лиза», И.С. Тургенев «Ася», Ф.М. Достоевский «Неточка Незванова», Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда», Л.Н. Толстой «Анна Каренина», М. Горький «Васса Железнова», А.И. Куприн «Олеся», В.В. Набоков «Лолита», «Машенька», «Ада»; Ч. Айтматов «Джамия», А.Н. Толстой «Аэлита», Б. Полевой «Анюта», А. Рыбаков «Екатерина Воронина», Д. Гранин «Клавдия Вилор», Л. Сейфуллина «Виринея», И.А. Ефремов «Таис Афинская», А. Афиногенов «Машенька», А. Грин «Джесси и Моргиана», К.А. Тренев «Любовь Яровая»; Г. Яхина «Зулейха открывает глаза», Л. Улицкая «Сонечка», «Медея и ее дети».

Зарубежная литература: Г. Флобер «Госпожа Бовари», «Саламбо», Ж. Санд «Консуэло», Ф. Мариак «Тереза Дескейру», А. Дюма «Королева Марго», «Графиня де Монсоро», «Две Дианы», Э. и Ж. Гонкуры «Жермини Ласерте», О. Бальзак «Кузина Бетта», Э. Золя «НаНа», А. Франс «Таис», А. и С. Голон «Анжелика и её любовь»,

Дафна дю Морье «Моя кухня Рейчел», А. Труайя «Анна Предайль». Ш. Бронте «Джен Эйр», «Эмма Браун», Э. Бронте «Агнес Грей», Д. Остен «Эмма», Г. Джеймс «Дейзи Миллер», В. Вульф «Мисис Дэллоуэй», Л. Кэрролл «Алиса в стране чудес», Джин Рис «Антуанетта», Г. Хаггард «Прекрасная Маргарет», «Клеопатра». Г. Ибсен «Гедда Габлер», А. Стриндберг «Фрёкен Жюли», С. Лагерлеф «Анна Свезд», К. Гамсун «Виктория», «Роза». С. Льюис «Энн Виккерс», «Уна Гольден», Э. Войнич «Оливия Лэтом», канадский автор Маргарет Этвуд «Она же Грейс». Л. Фон Захер-Мазох «Мардонна», «Венера в мехах», К. Вольф «Кассандра», Г. Бель «Потерянная честь Катарини Блюм», Г. Гессе «Гертруда», Б. Брехт «Мамаша Кураш и ее дети». Латиноамериканские писатели Х.Л. Борхес «Эмма Цунц», В. Шикунда «Вильма», И. Башевис-Зингер «Шоша».

Для мужской группы предложены следующие произведения: А.С. Пушкин «Евгений Онегин», «граф Нулин», А.И. Герцен «Доктор Крупов», А.И. Гончаров «Обломов», Л.Н. Толстой «Хаджи-Мурат», Н.В. Гоголь «Тарас Бульба», Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы», А.П. Чехов «Дядя Ваня», В.Н. Войнович «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», Б.Л. Пастернак «Доктор Живаго», А. Дюма «Граф Монте-Кристо», «Виконт де Бражелон», Р. Роллан «Жан Кристоф», Б. Стокер «Граф Дракула», О. Уайльд «Портрет Дориана Грея», Ч. Диккенс «Оливер Твистер», «Мартин Чезлвит», «Николас Никльби», «Дэвид Копперфильд», «Барнеби Радж», А. Кронин «Путь Шеннона». Г. Ибсен «Пер Гюнт», К. Гамсун «Август», И. Зевево «Самопознание Дзено», С. Льюис «Бэббит», М. Твен «Том Сойер», Т. Харрис «Восхождение Ганнибала», Ж. Сарамбо «Год смерти Рикардо Рейса».

Юноши и девушки, обсуждая проблемную ситуацию главных героев, артикулируют свои собственные страхи, тревоги, стереотипы мышления и поведения. Структурированная беседа позволяет достичь психокоррекционных и развивающих целей занятия. На основании нравственных постулатов вышеуказанных произведений студенты создают социальные проекты. Комплекс организованных мероприятий в рамках проекта позволяет получать достаточный для теоретического анализа эмпирический материал. Образовательное учреждение за счет данной технологии оказывается в сети социальных связей, что позволяет обществу влиять на содержание образования. Образова-

тельное учреждение становится своеобразным эпицентром продуцирования общечеловеческих ценностей – толерантности, свободы и прав человека. Надеемся, что наш психолого-педагогический опыт поможет в развитии психологических служб в ВУЗах страны.

Д.В. Голованова

Череповец, Череповецкий государственный университет, аспирант

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ТЕКСТЕ АРИФМЕТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Женские образы в сознании ребенка формируются, прежде всего, его ближайшим окружением. Но если ребенок ходит в школу, то к жизненному опыту прибавляются образы, созданные учебной литературой. Для России конца XIX – начала XX в.в. в связи с увеличением числа учебных заведений было характерно большое разнообразие арифметических учебников и задачников. В их содержании важное место занимала текстовая задача, то есть тип учебного задания, в котором условие записано не в формальной нотации, а сформулировано в виде связного текста на естественном языке. Эта особенность делала математическую задачу понятной, а арифметические действия практически необходимыми. Следовательно, сюжет задач тесно переплетался с жизнью и был одним из показателей того, какое место в ней занимают те или иные персонажи, в том числе и женщины.

Женские образы в текстовых задачах во многом ограничены особенностями этого жанра, но все-таки можно наблюдать определенное разнообразие. Хозяйка, мать, девочка, бабушка, – вот неполный перечень женских образов, встречающихся на страницах задачников по арифметике. Из них наиболее редко упоминаются женщины пожилого возраста. «Старушка связала 8 пар чулок; из них 7 пар она продала» – говорится в задачнике К.П. Арженикова. Вязанием чулок на продажу фактически и ограничивается набор занятий пожилой женщины, согласно сюжетам задач этого автора. И.П. Сахаров и Н.И. Соколов останавливаются на другом занятии: «Бабушка Арина соткала 60 аршин холста...». Но и они не посчитали нужным описать жизнь «бабушки» более разнообразно. В следующем задании уже бабушка Марфа разрезает кусок холста. Согласно сюжетам задач по арифметике бабушку можно было пред-

ставить либо за вязанием чулок, либо за ткачеством. Образ старушки может дополнить только задача про количество зубов, размещенная все в том же задачнике К.П. Арженикова.

Не отличалась разнообразием и жизнь девушек, если смотреть на нее через призму сюжетов текстовых задач. Девушки становились героинями задач чаще, чем пожилые женщины, но их образ также был связан с ограниченным набором занятий. Основными заботами для юной особы становились плетение кружев и покупка различных галантерейных вещей (пуговиц, тесьмы). Из описаний домашних работ удалось найти только один случай, когда согласно тексту задачи «девушка ходила за водой на реку». Однако в части первой задачника И.П. Сахарова, Н.И. Соколова под номером 599 рассказывается о найме работников для уборки хлеба, в числе которых были и девушки. Как видно из сказанного выше, большинство авторов не использовали образы юных и пожилых женщин в качестве героинь своих задач, а те, кто включал их в число своих персонажей, не уделяли им большого внимания.

Куда разнообразнее на страницах задачников выглядит образ девочек. Героини задач могут быть и сестрами, и дочерьми, и ученицами, автор может дать им имя. При этом из контекста видно, что речь идет о персонажах детского возраста, из-за чего образ ребенка иногда превалирует над образом девочки. Так в разных задачниках повторяется сюжет со сбором грибов. Хотя в большинстве случаев за грибами отправляется девочка, иногда ее сопровождает мальчик, чаще брат: «Шура нашла в лесу 2 белых гриба, Коля в 3 раза больше...». Такая же ситуация повторяется со сбором яблок, орехов, слив. Видимо эти занятия считались детскими, но девочек чаще привлекали к подобным работам. Лишено половых различий и такое занятие как учеба. И, конечно же, нельзя сказать, что любовь к лакомствам в детском возрасте больше свойственна мальчикам или девочкам. Однако, на основе задач, можно предположить, что основным лакомством для девочки являются пряники.

Исключительно девчачьими в текстах задач являются покупки их героинь. «Девочка купила 8 аршин тесемки...», «2 аршина ленты...», «2 иголки...» – встречается на страницах различных задачников. И еще один сюжет позволяет сказать, что все-таки образ девочки включает в себя не только детские, но и конкретно жен-

ские черты: «Девочка сорвала сперва 36 васильков, потом еще 7; из сорванных цветов она сплела венок».

Наибольший интерес вызывает образ взрослой женщины, представленный на страницах задачников. Героини задач выполняют самые разнообразные социальные роли. Наиболее распространенным является образ хозяйки. Она печет хлеб и пироги, покупает необходимые продукты, запасает керосин, варит варенье. Аналогичный набор занятий свойственен и крестьянке. Оба эти образа показывают как много хлопот у женщины по дому. Кроме того, эти героини вовлечены в экономические отношения: «3 крестьянки привезли на рынок масло...».

Очень трогательно в задачах показан образ матери. Почти все сюжеты сводятся к тому, что мать либо покупает, либо создает что-нибудь для своих детей, а также стремится поровну поделить между ними какое-нибудь лакомство: «Мать разделила 3 яблока поровну между 4-мя сыновьями».

Но на рубеже XIX–XX веков женщина уже не могла остаться просто хозяйкой, матерью. Многие женщины были вовлечены в экономическую деятельность. На страницах задачников героини неоднократно представлены в качестве поденщиц, торговок, портних, они работают на фабрике. Судя по количеству задач, где встречаются подобные сюжеты, такой образ женщины уже был привычен и не мог вызвать удивления у учащихся.

Образ женщины не был чужд арифметическим сборникам. На основе текстовых задач ученики знакомились с ним, решая математические примеры. Этот образ преимущественно был связан с трудовой деятельностью женщины любого возраста. С одной стороны это помогало закрепить представление о женских занятиях, с другой – делало образ женщины очень односторонним.

А.А. Кондратьева

Ярославль, Московский психолого-социального университета, филиал

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК МАГИСТРОВ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Традиционно мужчины доминировали во всех сферах общественной жизни, а женщины занимали подчиненное положение.

С момента формирования в России в XVIII в. высших учебных заведений дискриминация женщин в сфере высшего образования являлась официальной государственной политикой вплоть до начала XX в. Существовало противодействие совместному обучению мужчин и женщин в средней и высшей школе. Против доступа женщин к высшему образованию и занятиям наукой выступали как политические деятели, так и мужчины-ученые.

Стереотипы о более низких когнитивных способностях женщин сохраняются, и это является причиной предубеждений в отношении возможностей самореализации женщин в области научной деятельности. Современные психологические исследования когнитивных процессов не позволяют говорить однозначно о более низком или высоком уровне когнитивных способностей мужчин и женщин. Однако бытующие стереотипы могут влиять на готовность женщин к когнитивному развитию, на их последующее желание заниматься научной деятельностью, т.е. на когнитивные предпосылки возникновения мотивации к научной деятельности (далее – МНД).

Когнитивные предпосылки – это научная картина мира, адекватные представления о сущности, содержании и целях научно-исследовательской деятельности, ориентация в истории и методологии науки, основной научной проблематике, гипотетико-дедуктивные способности. Эмоциональные предпосылки – опыт положительных эмоций, связанных с научной деятельностью, положительное эмоциональное отношение к научно-исследовательской деятельности и субъектам научной работы (научным сотрудникам). Формирование когнитивных и эмоциональных предпосылок обусловлено включением студентов в учебно-профессиональную деятельность в вузе, поскольку она содержит элементы научной деятельности.

Мы предположили, что в силу определенных стереотипов у девушек-магистров когнитивные предпосылки МНД будут развиты значительно слабее, так как в аспирантуру девушки идут с более низкой мотивацией, чем юноши.

В качестве метода сбора данных использовалась разработанная нами социально-психологическая анкета. Результаты анкетирования обрабатывались с помощью процедур описательной статистики и контент-анализа.

В исследовании приняли участие 30 студентов вузов города Ярославля (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославский технический университет) обучающиеся в магистратуре.

Результаты показали, что студенты имеют крайне упрощенные и фрагментарные представления о науке как юношей, так и девушек. И это при том, что магистратура предполагает более глубокое теоретическое изучение предмета и призвана готовить новые научные кадры.

Значительной мотивирующий потенциал для включения в научно-исследовательскую деятельность имеет факт научного открытия, наличие которого и знания о котором стимулирует ученых к дальнейшей работе. В одном из вопросов анкеты респондентам было предложено 9 фамилий известных ученых, которые сопоставлялись с 9 открытиями, имеющими большую социальную значимость и кардинальное значение для дальнейшего развития науки. Как показали результаты, менее всего известны открытие пенициллина (6% юношей, 13% девушек) и модели ДНК (13%, 20%). Слабое представление студенты имеют о генетике, основах алгебры, физике атома (при том, что в выборке были магистранты, для которых биология и физика являются профилирующими дисциплинами). С другой стороны, большинству респондентов известны открытия отечественных ученых А.С. Попова(60%, 93%), И.П. Павлова(60%, 93%), Д.И. Менделеева (12%, 100%). Скорее такой результат объясняется созданным СМИ медийным образом в отношении отечественной науки, и не является следствием усвоения школьной программы, в которую входит изучение всех перечисленных открытий и их авторов. Девушки давали больше правильных ответов за исключением соотнесения Г.В. Лейбница с его открытием дифференциального и интегрального исчисления. Это может быть связано как с более высокими знаниями девушек, так и с высокой в отличие от юношей мотивацией на заполнение анкеты, желание показать лучшие результаты.

На вопрос, связанный со знанием истории науки, респонденты дали наименьшее число правильных ответов, а значительная часть сразу отказалась отвечать на него. Минимальное число магистров знают, когда были изобретены телескоп (0%, 10%), парашют

(3%, 0%), типографский станок (0%, 3%), микроскоп (3%, 3%), паровоз (3%, 10%). Лучше всего магистранты знают о времени изобретения телефона (33% правильных ответов).

В целом, знания у магистрантов оказались очень низкие, хотя у девушек правильных ответов (16,9%) вдвое больше, чем у юношей (8%).

Показательны ответы на вопрос о том, в каких научных отраслях студенты ожидают в ближайшем будущем большие открытия, достижения. Как оказалось у респондентов сложности лексического характера: в среднем они называют три, реже четыре научных отрасли, в которых ожидают прогресс в ближайшие годы. Сами формулировки звучат крайне обобщенно, как названия школьных предметов (не астрофизика, а «астрономия»), не конкретизируется раздел науки (за исключением «генетика»). Значительно внимание уделяется достижениям в области наукоемких технологий («информационные технологии», «нанотехнологии», «прикладные технологии»), при этом формально они не являются научными отраслями. Указание ряда наук (медицина, технологии) обусловлена не столько реальными прогнозами, сколько желаемыми результатами. В медицине респонденты видят панацею от всех бед, при этом реального интереса к данной области нет.

Девушки активнее отвечали на этот вопрос, их варианты были разнообразней, интересней и более обоснованы. Девушки значительно чаще, чем юноши ожидают прогрессивного развития в сфере точных и естественных наук, которые всегда были «мужской» сферой научной работы. Показательно, что если многие юноши отказывались отвечать на данный вопрос, выказывая незнание, то практически все девушки давали ответы, что демонстрирует их более активную как жизненную, так и научную позицию.

Проведенное исследование показало, что когнитивные предпосылки для становления МНД у магистров развиты в целом слабо, но у девушек они сформированы в большей степени, чем у юношей. В период обучения в магистратуре научная картина мира у девушек более подробная, детальная и содержательная, чем у юношей. Это создает условия для формирования МНД у девушек, в то время как у юношей подобной когнитивной предпосылки зачастую просто нет. Соответственно на данном уровне научной про-

фессионализации существующие стереотипы в отношении женщин в науке не соответствуют истине. Девушки показывают себя как более заинтересованные в научной деятельности.

П.В. Шубина

Архангельск, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

ЛИДЕРСТВО В ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Важной характеристикой информационного общества является возможность децентрализации любой сферы деятельности и ризоморфность связей, потому исследование механизмов организации виртуальных сообществ и принципов взаимодействия людей внутри них – в том числе, гендерный аспект лидерства, – несомненно актуально.

Как в ризоморфном и децентрализованном сетевом обществе возможно лидерство? Любое виртуальное сообщество:

– существует на созданной кем-то виртуальной площадке (на форуме, в группе и т.д.), а также постоянно модерировается – то есть, в нем есть организатор или группа организаторов;

– не может существовать достаточно долго, если его членов не объединяет совместная активная деятельность – а поводы для этой деятельности, информационный обмен в сообществе по поводу этой деятельности и, в итоге, организацию действий тоже выполняют определенные люди или группы.

Следовательно, мы вполне можем говорить о лидерстве применительно к виртуальным сообществам.

Рассматривая социальные сети и онлайн сообщества с точки зрения социальной антропологии, можно говорить о таких отличиях:

– в социальных сетях люди связаны между собой личными связями, которые образуют сетевую структуру: каждый участник является центром такой сети – и для него эта сеть единственная;

– в виртуальных сообществах общие интересы объединяют людей в большие группы; каждый может участвовать в нескольких сообществах одновременно, и эти сообщества могут пересекаться или объединяться.

И социальные сети, и сообщества (онлайн или оффлайн) позволяют людям создавать и поддерживать слабые и сильные связи

внутри социума, но для выстраивания сильных связей нужны именно сообщества, поскольку они объединяют своих участников общей деятельностью и общими интересами и позволяют им активнее взаимодействовать друг с другом. С другой стороны, сообщества без социальных сетей тоже не могут эффективно развиваться: социальные сети объединяют их, позволяют их участникам вовлекать своих знакомых или искать для себя другие сообщества по интересам.

Если говорить о типологии социальных сетей, то условно можно выделить, например:

- универсальные социальные сети (Facebook и подобные),
- социальные сети знакомств и развлечений,
- социальные сети отдельных стран, регионов, городов,
- студенческие,
- туристические,
- медицинские,
- научные,
- педагогические,
- новостные,
- профессиональные и т.д.

Глобальные социальные сети (Facebook или LiveJournal, например) не только предоставляют площадки для сообществ, но и дают им возможность обмена информацией (новостные каналы социальной сети или блогосферы; френдленты).

Виртуальные сообщества могут возникать и развиваться как на базе этих социальных сетей (например, группы Вконтакте, сообщества Facebook и пр.), так и на собственных платформах. Среди них выделяют профессиональные, хобби-сообщества, игровые сообщества, территориальные и т.д.

Сообщества взаимодействуют между собой посредством индивидуальных акторов, членов сообществ, которые участвуют в деятельности (или следят за деятельностью) сразу нескольких групп. Так, в социальную сеть педагогов могут быть включены сообщества преподавателей разных дисциплин, работников разных учебных заведений и жителей разных городов.

Важно отметить, что виртуальное сообщество никогда не позволит постороннему человеку, не обладающему определенным со-

циальным статусом в этом сообществе, быть эффективным организатором. Это следствие того, что Маршалл Маклюэн называет «глобальной деревней»: администратору нужно быть для сообщества «своим» – иначе оно просто проигнорирует его и уйдет на другую площадку. То есть, организатор должен быть лидером – иначе он перестает быть организатором, ибо сообщество прекращает существовать.

Интернет-сообщества – это такая среда жизнедеятельности, в которой все члены сообщества имеют между собой прямые контакты (или возможность их установить). При этом администрация сообщества не обладает инструментами для вмешательства в межличностные отношения или совместную деятельность членов сообщества. Потому для вовлечения сообщества в решение актуальных задач административного ресурса совершенно недостаточно, нужны лидерские качества и умение работать в децентрализованной ризоморфной сети.

Гендерный аспект не только лидерства, но и вовлеченности пользователей русскоязычного сегмента всемирной сети в различные виртуальные сообщества, изучен недостаточно. Проводятся работы по исследованию гендерного спектра пользователей различных социальных сетей (здесь нужно назвать публикации Е.В. Бродовской, Л.Г. Пугачевой, М.С. Чвановой, А.В. Швецово́й и др.) Огромная работа в области исследования различных типов женских сообществ проделана А.А. Гнедаш. При этом вопросы участия или не-участия женщин (волонтеров, активистов лидеров) в становлении и развитии виртуальных профессиональных или образовательных, территориальных сообществ, сообществ по интересам и пр. пока не столь полно изучены.

О.Б. Савинская, Т.А. Мхитарян

Москва, НИУ Высшая школа экономики

ВОПРОСЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ИЗМЕРЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В ОСВОЕНИИ STEM-ДИСЦИПЛИН В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Проявление гендерного неравенства в средней школе является основой для дальнейшего расхождения профессиональных траекторий юношей и девушек в выборе и получении высшего и средне-

го профессионального образования, а вместе с этим – гендерной асимметрии в науке. В современном мире, мире технологического перехода к новой цифровой цивилизации, эта проблема стала приобретать еще большую остроту. Поднимается значимость как освоения базовых навыков цифровой повседневности, так и возможностей профессионального лидерства в новых высоко-технологичных отраслях экономики. Для обсуждения этих проблем сформировался и активно применяется термин STEM – аббревиатура от слов science, technology, engineering and math, который объединяет точные и естественные науки для успешной жизни в цифровом мире.

Одним из поводов для широкой общественной дискуссии о гендерном неравенстве в высокотехнологических отраслях экономики принято считать доклад Американской ассоциации женщин с университетским образованием «Как школы недооценивают/обманывают девочек» («How school Shortchange Girls») 1991 г., который обнажил проблему снижения самооценки девочек в своих достижениях в дисциплинах точных наук, и прежде всего, в математике. В исследовании участвовали ученики пятых, восьмых и 11-ых классов, и было выявлено снижение самооценки своих достижений в математике у девочек на протяжении обучения в средней школе, что в дальнейшем лишало их мотивации поступать в технические вузы. Являясь членами российской ветки Международной федерации женщин с высшим образованием и реагируя на исследование своих коллег, мы предприняли попытку выяснить, как обстоят дела в современных российских школах, что мотивирует и что препятствует развитию мотиваций девочек профессионально развиваться в сфере точных наук.

За последние десятилетия в научной литературе сформировался корпус понятий, которые описывают проблему гендерного неравенства в STEM-дисциплинах. Гендерная асимметрия обобщается в работе Ю. Хи, М. Фанга и К. Шаумана и обсуждаются причины такой ситуации. Л. Габей-Егози, Й. Шейвит, М. Йэш говорят о роли гендерных стереотипов и ролевых ожиданий: девочки считают себя непохожими на тех, кто работает в STEM-областях, в то время как мальчики не видят себя на месте тех, кто выбрал бы гуманитарные науки. Это является причиной разного выбора профессиональных направлений в качестве своей будущей профессии. С. Сеси и В. Уильямс также считают, что различные области науки не являются

гендерно нейтральными. Это подталкивает мальчиков и девочек по-разному оценивать свои способности в гуманитарных и технических дисциплинах. С. Коррелл считает, что гендерные убеждения являются одним из важных феноменов, препятствующих гендерному равенству в различных областях профессиональной деятельности, и описывает ситуацию, подтверждающую то, что математика стала восприниматься обществом, как “мужская” дисциплина.

Для рассмотрения вопроса о формировании жизненных и профессиональных стратегий школьников важную роль играют «значимые другие»: роль родителей, учителей, атмосферы в школе, ровесников. В той же статье Л. Габей-Егози, Й. Шейвит, М. Йэш утверждается, что родители, сверстники и учителя конструируют у мальчиков и девочек в процессе взаимодействия определенные гендерные ожидания. После чего школьники усваивают эти ожидания, выдавая их через какое-то время за свои собственные. В их исследованиях также оказалось значимым влияние учителя на образовательный процесс: преподаватели склонны относиться к мальчикам и девочкам по-разному. Они занижают успехи девочек в технических науках, ожидая от них высоких результатов в гуманитарных дисциплинах. Обратная тенденция прослеживается у мальчиков, чьи достижения приуменьшаются в гуманитарных науках, а в технических склонны завьшаться. Более того, Л. Габей-Егози (и др.), ссылаясь на статью С. Корель «Гендер и процесс выбора карьеры: роль необъективной самооценки» делают акцент еще на одном факторе: школьники, обращаясь к друзьям своего пола за советом, осваивают то поведение, которое характерно для их гендерной категории. С. Сеси и В. Уильямс также показали, что родители, учителя и сверстники играют важную роль в ориентированности школьников на STEM-дисциплины. Они также добавляют, что мужчины предпочитают работу, связанную с дальнейшим успехом, а женщины склонны выбирать такую профессиональную деятельность, существенной частью которой являются взаимодействия с другими людьми.

Развивая концепцию «значимых других» и их влияния на формирования «рационального выбора» дальнейшей жизненной стратегии, в нашем исследовании мы вводим концепт «скрытого учебного плана», введенного в научный оборот еще Ф. Джексоном и разрабатываем инструмент его эмпирического измерения для изучения школьной

жизни детей от 5 до 11 классов. На наш взгляд, это непростая задача, поскольку практики внеклассной деятельности в разных школах существенно различаются. Тем не менее, мы пытаемся выделить общее и оценить, как складывается поведение детей на переменах, на кружках и творческих занятиях, при выполнении домашней работы и общении после школы, на уроках субботниках и другой волонтерской деятельности школьников на благо своей школы, экскурсиях, и т.д. Вместе с этой методической задачей, в рамках исследования проверяются и общие для описанного исследовательского поля задачи.

1. Выявление доли девочек и мальчиков, склонных к выбору STEM дисциплин в качестве своей будущей профессии и их успеваемость в разных возрастах.

2. Определение социальных ролей значимых других (учителей, родителей, сверстников) и их влияния на отношение школьников к собственной успеваемости и на нормативные представления школьников о способности мальчиков и девочек заниматься точными науками.

3. Определение влияния стиля ведения уроков преподавателем математики на отношение школьников к собственной успеваемости.

4. Построение классификации преподавателей математики по оценке школьниками стиля ведения урока учителем.

5. Выявление влияния скрытого учебного плана влияют на предварительный выбор школьников своей будущей профессиональной ориентации.

Для реализации поставленных задач проводится количественный опрос школьников в Москве и малом городе Губкине Белгородской области.

Н.В. Солнцева

Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ СУПРУЖЕСКИХ ПАР

Гендерный подход предполагает рассмотрение двух альтернативных моделей построения отношений: патриархатной (традиционалистской) и эгалитарной (партнерской). В практической психо-

логической работе с супружескими парами использование гендерного подхода дает возможность более глубокого осознания причин и последствий происходящего в отношениях, и выполняет важную просветительскую роль, так как показывает его значимость в рамках повседневной жизни

Задачами практической работы в рамках гендерного подхода является: информирование супругов о гендерном подходе, осознание супругами используемой модели отношений, изменение установок, препятствующих построению эгалитарной модели отношений, принятие осознанного решения об использовании эгалитарной модели отношений, расширение поведенческого репертуара, позволяющего выстраивать эгалитарные отношения. Данные задачи наиболее эффективно решаются в рамках тренингов и семинарских занятий, предполагающих длительную программу работы. В процессе такой работы в рамках гендерного подхода мы рассматриваем следующие составляющие супружеских взаимоотношений: интерес, контакт, уважение, общая цель, права, ответственность.

Интерес к партнеру. Интерес – это процессуальная сторона отношений. Интерес к партнеру является основанием для построения отношений. Патриархатная модель отношений базируется на ролевом поведении, которое не требует проявления интереса к партнеру. Отсутствие интереса ведет к стереотипному видению партнера. Эгалитарные отношения предполагают обязательное наличие интереса к партнеру, так как именно это лежит в основе построения отношений. Потеря интереса к партнеру часто связана с обидами по отношению к партнеру, потерей значимости партнера в собственной жизни, отсутствием новизны в отношениях (высокая прогнозируемость событий по отношению к которым происходит выключение поисковой активности). Поэтому необходимо изучение причин исчезновения интереса и работа с накопленными обидами, а так же изучение партнера как незнакомца с целью нового взгляда на него.

Контакт. Контакт с окружающими нам необходим для благополучного существования и развития. Контакт делает реальным взаимодействие партнеров, дает возможность прояснить позицию каждой стороны. В патриархатной модели с иерархичной структурой отношений коммуникация строится с помощью таких стратегий как

избегание контакта, указующая директива, демонстрация своего недовольства, намеки, упреки и критика партнера. Это может быть связано с разными причинами: отсутствие умения строить диалог, стереотипы, страхи, обиды, выученная беспомощность. Эгалитарная модель отношений предполагает диалог и прямое общение друг с другом. Для этого супругам необходимо вырабатывать умения прямо говорить о своих потребностях и слышать своего партнера, а также исследовать существующие барьеры на этом пути.

Уважение. Уважение подразумевает признание ценности и значимости партнера и его мнения. Уважение партнера как личности – это основа, без которой не возможно именно партнерское взаимодействие. Отсутствие уважение разрушает эгалитарную модель отношений. Традиционалистская модель не предполагает равную ценность партнеров. Для нее характерно дискриминационное взаимодействие, то есть наличие уважаемых членов семьи и неуважаемых, в отношении которых можно применять различные дискриминационные практики. В основе такого взаимодействия лежат стереотипы, собственный опыт как объекта дискриминации, страхи потери уважения и контроля над ситуацией. В практической работе важно привнести уважение в реальное взаимодействие. Важно анализировать, что мешает признать ценность партнера, или отстаивать собственное право на уважение в ситуации наличия такой трудности.

Наличие общей цели. Общая цель – это пространство, в контексте которого происходит взаимодействие. Чем более значима общая цель, тем крепче и значимее существующие отношения. В патриархатных отношениях наличие общей цели необязательно. Потребности не озвучиваются и не согласовываются, что рождает представление о принципиальной разности и непонимании полов. Если у членов семьи нет общих целей, то у них нет общности, это параллельное существование. Если цели каждого неизвестны друг другу, то это ведет к непониманию или манипулятивному взаимодействию. Если цели членов являются разнонаправленными, то они ведут к конфликтам. Для построения партнерских отношений необходимо понимание потребностей каждой стороны, их согласование и поиск общей цели с учетом потребностей каждой стороны, и договор о путях их удовлетворения. Это путь трудоемкий со-

трудничества. Он требует работы со стереотипами, препятствующими озвучиванию своих потребностей и понимаю потребностей партнера.

Права. Права – это регулятор взаимоотношений, гарант соблюдения присущих человеку свобод. Большинство потребностей и ценностей включаются в понятия права. Права – это нечто неотъемлемо принадлежащее индивиду, то, чем он может свободно распоряжаться без вмешательства со стороны. Традиционалистская модель построена на неравенстве прав, и поэтому в рамках нее возникает целый спектр проблем: неумение заявлять о своих правах и обвинение партнера за их несоблюдение, отрицание наличия у себя большинства прав, несоблюдение большинства права партнера, реализация ранее ущемленных прав в гиперкомпенсированном варианте. В эгалитарной модели отношений знание собственных прав и умение ими пользоваться неразрывно связано с признанием и уважением прав партнера. В партнерских отношениях невозможно реализовывать права ассиметрично, признавая их только одностороннем порядке. Для реализации данной модели необходим анализ препятствий в реализации прав, отреагирование собственного опыта как объекта дискриминации, актуализация опыта преодоления дискриминации, принятие решения об отказе от дискриминационного поведения.

Ответственность за себя и свои действия. Ответственность – это одна из важнейших характеристик зрелой личности. Это готовность держать ответ за принятые на себя обязательства. Ответственность возможна тогда, когда есть возможность выбора, то есть существуют альтернативы поведения, есть прогноз последствий того или иного поведения как для себя так и для окружающих, есть возможность принятия самостоятельного решения и совершения определенных действий (или бездействия) и есть самостоятельное принятие последствий как позитивных как и негативных сделанного выбора. Только в совокупности этих параметров можно говорить об ответственном поведении. Патриархатная модель не предполагает разделение ответственности за отношения. Ответственность так же, как и права, ассиметрична. Именно в рамках данной модели возникает проблема сверхответственности (принятие на себя ответственности за жизнь партнера и приписы-

вание себе всей полноты ответственности за отношения) и безответственность (непринятие ответственности как за себя и свою жизнь, так и за построение отношений). Эгалитарная модель – это равный вклад двух равных людей, несущих равную ответственность за отношения, а также полную ответственность за себя и свое состояние. Это возможно только в случае признания равенства и полноценности партнера.

Итак, в статье представлена одна из возможных схем практической работы с супругами, которая дает возможность не теоретически, а практически, на примере своей собственной жизни и своих отношений понять смысл и необходимость построения эгалитарной модели отношений.

Когнитивные факторы гендера в повседневных взаимодействиях. Теоретический феминизм как основа превращения слабого пола в сильный. Гендерные аспекты религиоведения

Н.В. Алексеева

Череповец, Вологодская область, Череповецкий государственный университет

ОБЕТНАЯ ТРАДИЦИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНЫХ ДУХОВНЫХ ПРАКТИК (XIX В.)

Обет – это обязательство, добровольно налагаемое на себя человеком или целой общиной в качестве благодарности Богу за избавление от бед, болезней или иное благодеяние. Во исполнение обета могли быть совершены самые разные действия (не обязательно культового характера), в которых народ усматривал проявление религиозной веры.

Антропологи выделяет две основные формы обетов: коллективные и личные. Прибегали к ним, как правило, в чрезвычайных обстоятельствах (при стихийных бедствиях, войнах, эпидемиях, тяжелых заболеваниях и т.д.)

Эпидемии, неурожай, войны стоили огромных человеческих потерь. При этом от природных катаклизмов и пандемий, по мнению Б.Н. Миронов, потери были значительнее, чем в результате военных действий. Неудивительно, что при том уровне религиозности православного населения подобные потрясения вызывали ужас у верующих и, последующую за ним, волну массового раскаяния в порочной жизни.

Во времена общественных или климатических бедствий обетная практика приобретала всеобщий характер, обеты брали на себя как женщины и мужчины по отдельности, так и общество в целом.

Наиболее ярким примером таких *всеобщих* духовных практик может служить обычай строить по обету храмы и часовни. Народ выделял их среди всех остальных и называл «обетными». Если они были построены за один день, их называли «обыденными». Главная идея построения «обыденного» храма заключалась в том,

что в этом действии должно было участвовать все население города или деревни. К такому строительству могли присоединяться обетные праздники и молебны.

В особо тяжелых случаях жители деревни или околотка брали на себя обет ежегодного строгого поста. Часто «заводили» иконы в часовнях и храмах, что влекло за собой установление местного праздника.

Разнообразные *индивидуальные* обеты брались при тяжелых болезнях, когда угрожала смерть, при неблагоприятных отношениях в семье и т.д. Прихожанин обещал Богу поставить особую свечку, отслужить специальный молебен в своей приходской или другой церкви, сходить в другое село во время известного церковного праздника и др.

Женщины чаще всего при болезнях близких давали обещание пожертвовать в церковь кусок холста, полотенце, платок, сарафан. В Вологодской и Ярославской губерниях во время болезней головы, рук, ног и других членов тела обещали сделать на чудотворный или особо чтимый образ серебряную привеску и после выздоровления привешивали к образу святого, даровавшего им здоровье, серебряное изображение исцеленного органа. Здесь же при зубной боли делали деревянный зуб и вешали его на икону Св. Антипия, целителя зубной боли. Часто жертвовали деньги на постройку новой церкви, часовни или на обустройство, ремонт старой.

Широко распространен был обычай ставить обетный крест, который впоследствии часто становился местом паломничества. В материалах Т.Б. Щепанской находим такой пример: у одного крестьянина «ходила рана», полученная на войне. Началась гангрена и обе ноги отняли. После чего жена попросила сына поставить крест: «И я буду ходить туда, просить Бога, чтоб он нам помог. Пелену буду носить. И все старухи стали ходить молиться». Для Русского Севера обетные кресты не редкость – это знак благодарения за жизнь, за спасение, за урожай, за удачный промысел и просьба в защите от всех бед и несчастий.

Редко благочестивый прихожанин брался по обету за строительство нового придела, замену иконостаса, украшение икон окладом, одаривание храма церковной утварью. Это уже чаще делали мужчины, т.к. все, что было связано с более или менее крупной

суммой денег или со строительными работами, касалось глав семейств и их сыновей.

При хронических или тяжелых болезнях детей родители могли дать за них обет. Мальчиков обычно обещали отдать на несколько лет в монастырь в качестве бесплатных работников, а девочек – оставить при себе, не выдавать замуж. Таких детей называли «обещанными».

Часто накладывали на себя и обетные посты. Во многих местностях было принято поститься двенадцать пятниц – в этом случае ничего не ели вплоть до захода солнца. Разновидностью обетного поста мог быть пожизненный отказ от мясной и молочной пищи. Наряду с пищевыми ограничениями в виде постов широко известны и обетные отказы от спиртного: давали зарок никогда не пить вина, иногда – до определенного срока или в посты, особенно в Великий.

Очень распространены были обетные богомолья. Ходили, опять же, большей частью женщины и девушки, мужчины – реже. Самые распространенными поводами к совершению паломничества были: неудачное замужество или желание выйти замуж; болезни детей; бесплодие; болезни родственников или собственные; неурядицы со скотиной (необъяснимые смерти, пропажа, болезни, бесплодие).

Таким образом, в периоды крупных кризисных потрясений политического, общественного или природного характера каких-то различий в интенсивности или формах покаянных обетных практик не было – все население конкретной территории, не взирая на пол или возраст, участвовало в них, т.к. дело касалось выживания всего сообщества.

В случае проблем семейного или личного характера духовные практики в большинстве своем представлены женщинами: они чаще посещают храм, составляют большинство на службах, их жертвования, может не такие крупные, как у мужчин, но их больше и они подаются чаще. Мужчины включаются в нее, когда дело касается всего «мира», либо проблем, связанных с конкретным мужским занятием, личными неурядицами или духовными интересами, большими вложениями или необходимостью приложить свои физические возможности.

Женщина же, тесно связанная своим общественным положением через деторождение и воспитание, с хозяйством и семьей, осознавая всю сложность их сохранения, наибольшим образом была сосредоточена на благополучии всей семьи и здоровье ее членов, что и воплощалось, кроме ее повседневной заботы, и в ежедневной молитве, и в обетных практиках.

Кроме того, по мнению Т.Б. Щепанской, в особых случаях «общественное мнение поощряло уход от мира девиц», тогда как уход мужчин и парней вызывал у окружающих чаще неодобрение.

Возможность стать на путь аскетических подвигов монашеского уровня, не будучи в монастыре, давало келейничество, которое предоставляло возможность женщине, по каким-то причинам не сумевшей построить свою семейную жизнь, духовно развиваться, не уходя от семьи, общества и чисто земных забот (обучение девочек грамоте и рукодельям, помощи ближним в страду или трудные времена и т.д.).

Старчество, юродство, монашество и другие формы индивидуального обета так же оставались в арсенале женщин в особых случаях. Однако надо заметить, что среди этих категорий подвижников их уже на порядок меньше, нежели среди келейников. Наблюдается такая закономерность – чем духовный подвиг больше отделяет подвижника от мира, тем меньше мы видим там женщин. Это наглядно можно проследить, сравнив количество женских и мужских монастырей в любой период истории Русской Православной Церкви.

Однако независимо от их количества, имена таких подвижниц оставались значимыми и после их смерти – почитатели молились на их могилах, заказывали службы, строили часовни, брали землю, воду и свято верили, что это поможет в избавлении от жизненных невзгод. Уже одно имя подвижницы служило поводом в критической ситуации взять на себя тот или иной обет. И среди этих почитателей, опять же, было большинство женщин, которые молились за здоровье близких, благополучие в хозяйстве, т.е. о тех проблемах, с которыми женщина сталкивается каждый день в своей повседневной жизни.

Е.А. Поправко

Санкт-Петербург, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии

А.В. Хрулёва

ИСТИННЫЙ ПРАВИТЕЛЬ ДЛЯ РОССИИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ МУЖСКОГО ИДЕАЛА НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Вопрос о взаимоотношениях власти и народа в отечественной общественно-политической мысли всегда воспринимался как один из самых насущных. Не была исключением и либеральная общественно-политическая мысль 30 – 70-х гг. XIX в. Славянофилы полагали, что особенности русского национального характера способствовали образованию уникального государства, опыт которого имеет непреходящее значение и может, и должен воплощаться в современной жизни.

Именно в древней Руси славянофилы пытались открыть если не сами идеалы, то принципы, пригодные для их создания: «Идеал народа живет наперекор существенности: эта мнимая Русь былого времени есть ничто иное как будущая Русь, высказывающаяся в своих зародышах».

Один из важнейших в славянофильской концепции – образ идеального правителя. «Народ смотрит на Царя как на самодержавного главу всей пространной русской общины, который несет за него бремя попечений о его благосостоянии; народ вполне верит ему и знает, что всякая гарантия нарушила бы искренность отношений и только связала бы без пользы руки действующим». Самарину виделась в таком отношении народа и власти глубокая нравственная основа: «Русский Самодержец ничем не связан в своих действиях и безответствен перед своими подданными – это значит, что нет в России другой, равносильной ему власти, облеченной в видимый образ народного представительства; но независимо от ответственности, основанной на статье конституционного учреждения». Наиболее ярко формула доверия к царю дана А.С. Хомяковым:

Пусть он творит, что хочет,
Наш юный царь!

Но безусловное доверие испытывает русский народ только к законному царю, «которого избрала сама, с полным сознанием и волею, ... также как тем самым избранием поверила судьбу своего потомства его роду». Славянофилы утверждали, что именно за несоответствие этому критерию не любили и не доверяли на Руси Годунову и Шуйскому. В этом выражалось неприятие русскими любого захвата, пусть после и оформленного в видимость законности. Пример – Борис Годунов: «Убеждение, что Дмитрий жив, родилось без сомнения прежде, чем нашелся Лжедмитрий».

Так каков же он, истинный русский царь? Почему «живо остался в памяти и песнях народных» Владимир, который «не одарен богатырской силой, не имеет даже храбрости»; почему осталось в народе мнение о Федоре, что «то царь святой был»; почему любили Михаила, в котором «трудно найти признаки гениальности»? И почему не любили в народе законного царя Ивана Грозного, которому свойственны «величие, редкие способности к делу государственному и удивительное красноречие»? Россия «особенно возмущается против могущества внешней силы, когда она не сопровождается и, так сказать, не освещается некоторым нравственным превосходством».

Какие же качества правителя славянофилы ставили на первое место? «Кроток и милостив, незлопамятен, немстителен, враг всякой неправды, правосуден к боярам и отец для своего народа», «от природы Федор Иоаннович был кроток и добр; воспитание, ... поручаемое ... людям духовного звания просветило ум его знанием обязанностей христианина. Пышность и гордость отца научили его смирению, беспрестанные и отвратительные казни – незлобию, страдания народные – любви к народу». «Образ этот /князя Владимира – П.Е./ вполне великодушен, привет и ласка – его неотъемлимые качества. Добрая душа греет людей», «добрый и ласковый, гостеприимный и пирующий, ... соединяющий всех около себя и всех радующий приветом и празднеством, ... с мыслию о нем соединена мысль о все собирающем вокруг себя и вовсе стороны простирающемся жизненном начале, о том истинном начале жизни, которое даруется православною христианскою верою». «Идеальный образ князя, которого искала древняя Русь. ... Какая черта повторяется в ней всего чаще? Это – благоволение ко всем, особенно

к беззащитным и одиноким, к нищим, сиротам и инокам. Вспомните *тип святого Владимира...*: он не хотел проливать крови преступников; он прославился в народе пирами, угощениями, милостью».

Царь не имеет права забыть о сани, об ответственности за страну. В «Самозванце» Хомякова есть сюжет о спасении Дмитрием его любимого слуги от медведя. Почти все возмущены поступком Дмитрия, ибо «не царское то дело» «голову, надежду всей России, державную, класть медведю в пасть». Допуская это «покушение» на свою жизнь, Дмитрий не вызывает восхищения, а, наоборот, оскорбляет чувства народа легкомыслием: «Народ, олицетворяющий себя, осознающий свое политическое бытие в царе, признает и всякое посягательство на царя посягательством на себя».

Царский сан – тяжкое бремя, постоянная обязанность сдерживать все, даже добрые, *личные* порывы. Царь не имеет права на личную жизнь, у него есть только долг: *«Высокий подвиг совершает тот, кто бодрственно стоит на страже храма в то время, как в нем совершается богослужение и возсылается общественная молитва»*.

Царь в России стоит вне каких-либо частных интересов: «Наша историческая жизнь выработала себе *понятие о своем царе*, как о первом человеке всей Русской земли. Он, и один он, стоит вне всяких сословных определений, выше их, и поэтому, только поэтому, *одинаково* близко ко всем сословиям без изъятия. ... все сословия считают его своим в равной степени, это значение его заключает в себе историческое, всю землю признанное уполномочие быть верховным вершителем всех сословных споров и тяжб».

Хотя славянофилы утверждали, что Россия не поклоняется земной власти, но царь в их сочинениях предстает как сакральная фигура: «Россия возводит взор к увенчанной главе, / Как дивному творца изображению, / К избранному любимцу горних сил. / Вокруг него и свет, и страх глубокий, / И таинства невидимый покров. / Не часто, не без блеска, не в одежде / Едва приличной дворянину, любит / Народ глядеть на Русского царя». Во вне царь должен являться как олицетворение силы Руси: «С могуществом всей Русской стороны, иноплеменных ужас, бич строптивых», во внутрь, для России, быть «милостив, и кроток, и правдив». К побежденным

врагам царь должен быть милостив, ибо его пример влияет на подданных, заставляя и их поступать хорошо или дурно.

В конструировании идеала национального лидерства славянофилов на первое место ставили аспекты нравственные и религиозные. При этом конкретные примеры воплощения идеала относились к доимперскому периоду истории, что однозначно маркировало имперский период как антинациональный опыт.

Н.Н. Козлова, С.В. Рассадин

*Тверь, Тверской государственный университет, Тверь,
Тверской государственный технический университет*

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ «НАРОДНОГО ИДЕАЛА» ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

Одна из основных позитивных моделей женственности, которую конструируют в своих трудах российские консерваторы, – это «русская православная женщина». М.П. Погодин отмечал значение пресвятой девы Мария как венца древнего мира: «Так точно женщинам, освящённым Марию, христианская религия дала права их... женщины начали принимать участие в жизни». С.П. Шевырев подмечал чрезвычайно важную роль женщин-христианок в воспитании детей: «Известно, какое славное участие принимали жены в распространении Христианства, а жены могли только действовать в недрах семейств. В жизнеописаниях Св. Отцов первобытной Церкви сияют имена их матерей».

Социальное назначение женщин и идеалы женственности К.П. Победоносцева диктовались православными ценностями: «Чистый, святой образ Матери Божией должен каждую минуту напоминать деве христианской, что нет на земле имени и места святее и чище имени и места Девы». Модель взаимоотношений матери и сына, соотносившую читателей с Богородицей и Иисусом, Победоносцев регулярно воспроизводил в педагогических текстах. Основные черты Девы Марии – чистота, скромность, любовь, смирение, забота о детях, по мнению обер-прокурора, должны были составлять портрет каждой россиянки: «В народных сказках и легендах наших – самая могущественная фея всегда меньше всех ростом. В учении о

благодати смирение выше всех добродетелей, и живой образец смирения – Мадонна».

В рамках православного идеала Победоносцев создал галерею женских портретов – Великой княгини Елены Павловны, баронессы Эдиты Федоровны Раден, руководительницы женской школы Надежды Павловны Шульц. Обер-прокурор подчёркивал важность умственной и нравственной красоты женщин, обусловленную истинной православной верой, которая также придавала им такие черты, как доброта, терпение, страдание, скромность, милосердие. Он отмечал не интеллект женщин, а «умственное одушевление», которое, в частности, позволяло великой княгине быть для общества «светлым центром» в собраниях её гостиных. Богатство душ описанных Победоносцевым женщин было направлено на служение людям. Обер-прокурор отмечал роль Великой княгини и баронессы Раден в создании Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в период Крымской войны, в помощи талантам, в участии в подготовке реформы по освобождению крестьян. К.П. Победоносцев обращал внимание на иноземное происхождение и Великой княгини, и баронессы Раден, которые тем не менее прониклись уважением к Русской православной церкви и являлись истинными патриотками России.

Заслуги Надежды Павловны Шульц обер-прокурор видел в её работе «на пользу русского просвещения», так как она занималась подготовкой будущих жен сельских священников, каждая из которых должна была стать не только хозяйкой, но и «учительницей детей своих», «помощницей мужа в народном обучении». «Я ставлю, прежде всего, своим долгом – просветить ум своих воспитанниц, утвердить у них в сердце горячее желание приносить пользу и делать добро на всяком месте, где ни случится им быть... Чем просвещённее будут они, тем лучше поймут, что никакое занятие не ниже их достоинства, если только может приносить пользу», – цитировал обер-прокурор Н.П. Шульц.

К.Н. Леонтьев приветствовал женское религиозное движение, которое планировал использовать как ресурс в консолидации власти для достижения идеала сильного государства: «До сих пор я говорил почти исключительно о мужчинах, потому что их религиозность несравненно важнее женской... Но если мы признали, что

вера чистосердечная (женская и народная) полезна даже и в те времена, когда передовые мужчины охладевают к религии, то в такую эпоху, когда, напротив, у этих передовых мужчин начинает замечаться отвращение к рационализму и безбожию и является поворот к вере, – женская религиозность своей беззаветностью и симпатичностью может удесятерить возрастание религиозных сил в целом обществе нашем». Поэтому мыслитель выступал за увеличение женских монашеских общин. В результате женский ресурс должен был быть задействован в предложенной Леонтьевым модели невестернизированной, национально-ориентированной модернизации, и при этом должен был сохраниться в качестве архаической иллюстрации русской традиционной культуры.

С точки зрения М.О. Меншикова, для христианского мирозерцания женственное воплощалось в невинности: «Для нас идеалом женственности служит мать, не переставшая душой быть столь же целомудренной, какую была до брака». Полагая, что «змеиным коварством смуты, подлогом высоких целей увлечены бесчисленные толпы русских женщин», консерватор предлагал противопоставить этому «национальный, патриотический разум»: «Следовало бы незараженным русским женщинам соединяться в кружки, общества, союзы, чтобы общими силами бороться с бедой». По его мнению, такие патриотические женские кружки могли бы принять великое имя княгини Ольги и выполняли бы задачи по поддержанию христианских начал культуры. «Пусть честные русские женщины вспомнят Христа и спросят бунтарей: “Неужели хватать за горло – это свобода? Неужели метать бомбы, без суда, без следствия – это равенство?”», – писал мыслитель.

Итак, модель женственности «русская православная женщина» концептуально восходила к образу Богородицы. Она соответствовала отстаиваемым консерваторами ценностям православия, рассматривалась мыслителями в рамках конвенций патриархатного порядка как нормативная модель. В данной модели социальные роли женщин мыслились консерваторами как вытекающие из их природного назначения – быть женой и матерью. В пространстве приватного порядка «русская православная женщина» была призвана служить общему благу, стать «народным идеалом».

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕВЕРЯН О РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В РЕЛИГИИ

Религия являлась и остается образующим фактором в расстановке (распределении) гендерных ролей. Проблема не раз становилась предметом исследований. В данной статье нет возможности обратиться к ним сейчас и подробно осветить результаты. Отметим только: большинство приходят к мнению, что обычаи, унижающие (дискриминирующие) женщин, имеют религиозное обоснование.

Раскрыть проблему можно или зная ее изнутри, являясь представителем данной религии, или оставаясь в положении «стороннего наблюдателя». В первом случае взгляд на положение женщин в исповедуемой религии, может быть необъективным. Именно сами верующие, представители той или иной конфессии, чаще всего отстаивают «правильность» и «справедливость» отношения к женщине в своей религии и негативно характеризуют отношение в другой. Оценка может быть различной: от возвышенного до приниженного положения женщин, в зависимости от того, к какой религии принадлежит респондент, и от того, какую конфессию он характеризует. Но в данном случае по отношению к другим религиям их позицию можно отнести к «сторонней».

Во втором случае, характеризуя ситуацию «извне», респонденты при относительной объективности могут при этом быть недостаточно сведущи по многим важным и принципиальным вопросам, а их оценка основывается на домыслах и стереотипах, а не на знании вопроса. Мнение неквалифицированных «экспертов» нам интересно в первую очередь именно из-за их неангажированности, и позволяет определить оценку в данном обществе (социуме).

Нами было проведено пилотное исследование, целью которого стало изучение видения респондентами образа женщины в различных религиях. Мы стремились выяснить, какую роль, по мнению респондентов, религиозные учения отводят женщине; считают ли респонденты, что женщины подвергались дискриминации в религиях, а также является ли данное суждение стереотипом, следствием незнания сути вопроса. Кроме этого, мы хотели выяснить, суще-

ствуют ли различия во взгляде на данные вопросы у верующих и неверующих людей, у мужчин и женщин.

Опрос проводился среди жителей Новодвинска и Архангельска среди лиц старше 18 лет. В опросе приняло участие 72 человека в возрасте от 19 до 55 лет – 30 мужчин и 42 женщины различного возраста и с различным уровнем образования. Опрошенные люди не занимались исследованием данного вопроса специально. Выбирались случайным образом.

Среди опрошенных к верующим себя отнесли 40 человек (56%), в том числе 16 мужчин и 24 женщины, 19% выбрали вариант «затрудняюсь ответить», 25% себя верующими не считают. При этом 57% опрошенных женщин отнесли себя к верующим, 19% ответили отрицательно и 24% затруднились с ответом. Среди мужчин 53% опрошенных ответили «да» на предложенный вопрос, «нет» 33% и затруднились с ответом 14%.

56% опрошенных считают, что отношение к женщине в религиозных учениях не одинаково, а 44% охарактеризовали его как отрицательное. При этом на вопрос, «кто, по Вашему мнению, в религиозных учениях подвергается дискриминации?», только 19% ответили, что таковых нет. Никто не назвал мужчин как дискриминируемую группу, женщин в этом контексте выделили 81%. При этом особого расхождения ответов среди верующих – неверующих и мужчин – женщин не было.

Респондентам предложили оценить «степень дискриминации женщины в различных религиозных учениях по 10 бальной шкале». По мнению опрошенных, наименьшая степень дискриминации женщин в христианстве – 2 балла (уточним, что подавляющее большинство респондентов своей религией назвали христианство). Максимальный балл у ислама – 8. Так же стоит отметить, что именно ислам стал единственной религией, которой некоторые респонденты ставили максимальных 10 баллов. Для сравнения: иудаизм «набрал» 5 баллов, конфуцианство и буддизм по 3.

Проанализируем, сколько респондентов не смогли ответить на этот вопрос. Выяснилось, что наибольшие затруднения у респондентов вызвало конфуцианство (53% затруднились с оценкой), в отношении христианства и ислама таковых оказалось менее всего – 8% и 11% респондентов соответственно.

На вопрос, должна ли женщина занимать второстепенные позиции по сравнению с мужчиной (в религиозных организациях), мужчины, и женщины ответили примерно одинаково. Примерно половина респондентов считает, что женщина должна и здесь иметь равные с мужчинами права. 72% респондентов считает, что религия ограничивает сферы, в которых женщина может самореализоваться.

На вопрос, какие из занятий считаются религиями допустимыми для женщин, были названы: «забота о семье» (100% респондентов обоего пола), занятия медициной (87 % мужчин и 100 % женщин), «обучение, занятие наукой» (80 % мужчин и 67 % женщин), бизнес, предпринимательство (47 % мужчин и 33 % женщин), «управление, руководство» (47 % мужчин и 33 % женщин), «служба в армии» (27 % мужчин и 29 % женщин).

На вопрос, «считаете ли Вы справедливым утверждение религиозных учений о главенстве мужа в семье?», 68% всех опрошенных с этим согласились (80% мужчин и 62% женщин).

Ответы на вопрос о праве женщин решать самой вопросы, связанные с рождением или не рождением ребенка в целом разделились поровну. Но различия по половому признаку заметные: с такой постановкой вопроса согласны 62% опрошенных женщин и 33% мужчин.

Продолжая изучать мнение респондентов, в каких сферах религия ограничивает участие женщин, был задан вопрос «Как бы Вы отнеслись к женщине-священнослужителю?». Видеть женщину служителем церкви не хотели бы всего 7% респондентов. 44 % отнеслись бы к этому положительно, а 49% остались равнодушны к этому вопросу. Стоит отметить, что многие (особенно женщины) к такой возможности отнеслись с воодушевлением, отметив, что им с женщиной-священником было бы проще.

Данные, полученные при опросе в регионе, где исторически основной религией являлось и остается православие, безусловно, интересны. Необходимо обратить внимание на сам факт принятия (или, по крайней мере, не отрицания) женщины-священнослужителя. В Поморье это может быть связано с традиционно значимой ролью женщины и в семье, и общественной жизни, связанной с длительным отсутствием в доме мужчин, уходивших в море на

промысел. Стоит выяснить и то, что делает общение с женщиной-священником более «простым», особенно для самих женщин. Понять, что именно сегодня православные священники могут (и должны ли) сделать для того, чтобы помочь преодолеть возникающие трудности или, следуя логике наших респондентов, сделать общение «проще» (если именно в этом заключается смысл выказанного аргумента). Позиция РПЦ по данному вопросу однозначна: женщина не может быть священнослужителем. Однако такая проблема сегодня широко обсуждается в средствах массовой информации. Возможно, респонденты, не обладая достаточными знаниями в данном вопросе, становятся «жертвами» позиции тех, кто фактически рекламирует священство женщин в некоторых религиозных общинах.

Безусловно, отношение к женщине, ее социальное положение корнями уходят в патриархальное религиозное наследие. Практически во всех религиях мы видим свидетельства доминирования мужчин не только в духовной, но и в важнейших социальных (светских) сферах. И сегодня актуально обращаться к религии, изучая предпосылки гендерной стратификации. В нашем случае это имеет практическое значение при изучении и социальных практик, и социального неравенства, а значит, может и должно стать предметом дальнейшего исследования с привлечением большего числа респондентов.

Е.В. Иванова

*Екатеринбург, Уральский федеральный университет
имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина*

ЖЕНСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ МИФОЛОГИЯ: ОБРЕТЕНИЕ СМЫСЛОВ ЧЕРЕЗ ИДЕНТИФИКАЦИЮ С КУЛЬТУРНЫМИ ГЕРОЯМИ

Современное мифотворчество, в отличие от архаического, имеет множество направлений: это и политическое, и информационное, и даже религиозное. Специфика мифотворчества подчеркивается В.М.Найдышем, когда он утверждает, что «это особая специфическая деятельность духа, способная к историческому разворачиванию, к многообразным инкарнациям в культуре, имеющая множество ипостасей. Мифотворчество постоянно воспроизводится в

некоторых фундаментальных отношениях способа человеческой жизнедеятельности и является культурной универсалией». В мифотворчестве в большом количестве задействованы эмоции, воображение, фантазия, апелляция к архетипам, идентификация с культурным героем, которые задают механизмы смыслообразования. Все эти признаки мифотворчества присутствуют и в современных мифах как технологиях обретения женщиной собственных смыслов бытия. «Первозданная женщина – здоровье всех женщин, она представляет собой женскую душу... И она нечто большее – это источник женственности... Она – это мысли, чувства, воспоминания» – так пишет об одном из архетипов Дикой Женщины, раскрывающейся через огромное количество мифов и волшебных сказочных сюжетов К.П. Эстес в «Женской Библии» – «Бегущая с волками». В современном мифотворчестве авторы-женщины часто переносят фокус повествования с героя на героиню или изменяют идейную окраску так, что негативный персонаж наделяется положительными качествами – так считает Д.Перкисс в своей работе «Женщины переписывают мифы».

Начало XXI в. привнесло новых героев и новые смыслы. Женские героини, хоть и были сильными, обретают другие черты. И здесь в силу вступает не просто обращение к архетипам Женской Души, как это было у К.П. Эстес, но переосмысление и инверсия инфернальных религиозных героев и идентификация с ними.

Мифология становится не просто гендерно окрашенной, но религиозной. В чем особенность религиозной мифологии. Автор статьи неоднократно подчеркивал в своих статьях онтологический и методологический статус данного понятия. Отмечу лишь некоторые особенности данного феномена. Религиозный миф позволяет упростить реальность и существующее в ней множество противоречий свести к простейшей формуле борьбы добра со злом. В религиозном мифе мир понятен и доступен к познанию и осмыслению, в результате чего обретается чувство гармонии с миром с помощью символических средств. Религиозный миф избавляет людей от страха перед реальностью, ориентируя не на сегодняшнее настоящее, а на будущее улучшение. При этом избавление наступает либо вследствие ритуальных женских практик возвращения к первоосновам Космоса, Дома, Первозданной Женщины, Магии, либо в ре-

зультате ухода от действительности в мир грез и фантазий. Религиозный миф, как и любой другой, имеет свою структуру: монады, диады, трады, мифемы. Монадой является культурный герой/героиня как основное действующее лицо развертывания сценарного текста мифического повествования.

В этом смысле показательным является миф о ведьме как инфернальном культурном герое, появившийся в далекой архаичной сексистской мифологии. Ведьма – чем-то ведающая женщина (ведать – знать, иметь о чем-то представление, весть, знание), скорее всего тем, что не подвластно обычному человеку. Налицо некоторые знания о чем-то, практическое применение этих знаний с целью управления природными или социальными процессами. Думается, что ведьма – это женщина, обладающая специальными, эзотерическими знаниями, позволяющими ей осуществлять общее руководство определенными процессами, а колдуньи, чародейки и пр. – это конкретные исполнители данных процессов.

Существует несколько точек зрения на происхождение символики образа данного культурного героя. Первая: это языческие жрицы; возможно, они ведали тайнами поклонения Богине-Матери, силам природы. Вторая: демонизация данного ремесла в средние века в связи с определенными историческими причинами. Третья: создание определенной мифологической модели мира в средневековье, где ведьма играла строго определенную, заданную ей роль.

Что же касается практического воплощения, то в современной религиозной мифологии, можно отметить две линии существования и функционирования образа «ведьмы». Первая характеристика связана с западно-европейской культурой и с идеями феминизма. Мифология Викки или Ведовства сознательно ставит во главе ритуальной практики женский образ Богини как своеобразный противовес официальным религиям. Сейчас на Западе нет религии (кроме «Ведовства» и некоторых подобных ему неязыческих культов), которая бы уделяла внимание божественной природе Женщины, и именно этот факт привлекает новых последователей. Некоторые из них занимаются политикой, пропагандируя феминистские идеалы. Другие являются членами «зеленых» движений. Иные же просто стремятся к духовному самосовершенствованию. В ведовской мифологии присутствует конгломерат образов египетской, греческой,

кельтской, вавилонской и шумерской мифологий. Центральная героиня мифологической модели мира – Богиня, имеющая тысячу имен. Предполагается, что тело символизирует собой храм Богини, поэтому символика женского плодородия является ведущей, также особое внимание уделяется чувственному и физическому началу в ритуальной практике. Проводя ритуалы, ведьмы собираются в круг, чтобы почтить Богиню, верят, что их воля будет услышана и окажет определенное воздействие на мир. Проведя параллель между действиями современных Викк и греческими вакханалиями, можно найти одно очень важное совпадение. Хотя, возможно, это спорный вопрос – сравнивать модели поведения древнегреческих женщин и современных западных, тем не менее, все же можно найти нечто общее между ними. Смысл ведовства как владение магией приворота и отворота, внешнего обольщения, трансформировался в женские мифы и клубы сетевого маркетинга, спиритуально-коммерческие движения, где директора, лидеры, консультанты пробуждают в российских женщинах новый образец поведения: «Для себя, любимой». Так проявляется женская религиозная мифология через ритуальные смыслы.

Другой поворот – обращение к миру игры воображения, идентификация с культурным героем. Как складывается идеальный образ женщины ведьмы (в молодежном сериале «Дневники вампира» (жанр триллер, фэнтези, реж. Д. Плек) и его спин-оффе «Первородные»). Оба сериала имеют достаточно высокий рейтинг, много раз был номинирован на премии и получает и сейчас различные призы зрительских симпатий. Сюжет выстроен по всем законам мифологического жанра: монады (протагонисты, главные герои), диады и триады.. По логике разворачивания данного сериального мифа именно благодаря ведьмам поддерживается природный баланс между людьми и сверхъестественными существами – вампирами и оборотнями. А теперь представим себе современный секуляризованный мир тинейджеров, которые весьма скептически относятся к «старинным» тайнам о сверхъестественном? И в центре внимания – юная семнадцатилетняя девушка из старинной семьи Беннет, которая и не подозревает о своем даре. Она искренне переживает, когда становится «ведьмой», проходит своего рода инициацию, когда умирает ее бабушка и она остается последней из рода. На всем про-

тяжении раскрытия текста этого мифического пространства ведьмовская линия является, подтекстом, однако задающим тон всему мифическому горизонту повествования. Также необходимо отдать должное и мастерству актрисы, исполняющей данную роль, у которой существует масса фанатично преданных ей кумиров (К.Грэхем).

Таким образом, современное женское мифотворчество предлагает широкий набор образцов для подражания – «новых героев» и значение культурного героя как «носителя культурных благ» сдвинулось в сферу почитания кумира и способу идентификации с ним в своем практическом опыте. Образ героя в современном женском мифологическом смыслообразовании отвечает насущным потребностям в идеалах, которые так необходимы человеку. Современный «положительный» мифический герой, «ведьма», задает определенные смысловые координаты, являющиеся ориентирами в сферах жизни человека – гармонии с природой как «потерянным раем», личностным ростом, ответственностью за свои поступки перед будущим.

И.В. Лобанова

Москва, Институт российской истории РАН

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЖЕНСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Христианство – это религия любви, а любовь, как известно, всё и всех уравнивает. Поэтому евангельский идеал очень высоко ставит звание человека самого по себе – без разделения по социальному, национальному или половому признаку. В Церкви, как говорит Апостол, «нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского» (Гал. 3,28.) В этом простом и ясном ангельском состоянии никакие человеческие страсти уже не должны иметь значения, потому и упраздняются конфликты любой этиологии – гендерные, в том числе.

Казалось бы, при таких условиях проблема пола не должна была бы возникать в христианском богословии, но она всё равно прорастает в аскетической христианской культуре – из Ветхого Завета, из самой аскетической традиции, которая, в свою очередь, подпи-

тывается универсальной мистической практикой познания себя, мира и Бога.

Мистический способ познания Бога в христианской аскетической традиции занимает особое место: с одной стороны, он опасен своей субъективностью, с другой – это единственная возможность для человека лично, без посредства разума прикоснуться к божеству. Медитация, молитва, отшельничество, безмолвие, телесная аскеза – все эти практические методы служат одной цели: заставить свой разум и свою природу замолчать, истончиться настолько, чтобы услышать Бога и раствориться в Нём. И вот здесь-то и проявляется тот самый гендерный аспект, который характерен для любых феноменов человеческой культуры. Достаточно вспомнить христианские гимны в которых Христос именуется Женихом, чтобы задать вопросом: почему в текстах, вышедших из среды аскетов и мистиков, душа человеческая во взаимодействии с Творцом так часто уподобляется женщине? Возможно, потому, что Он для мистика – Возлюбленный, следовательно, сторона активная, дающая, мужская. Образ Бога, как Возлюбленного – один из фундаментальных образов в мистической традиции, возникший задолго до христианства. Свидетельство этому – библейские тексты. Например, «Песнь Песней» – одна из самых неординарных книг ветхозаветного канона, которая наполнена чувственными эротическими образами, погружающими читателя в мир плотской земной любви буквально с первых своих строк – «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои слаще вина!» (Песня песней; 1,1).

Задумываясь об этом, приходишь к выводу, что мистический способ богопознания – это женский метод постижения реальности. Действительно, интуитивное, эмоциональное восприятие характерно в этом мире, скорее, для женщины, и мистик, ступив на путь христианской аскезы, отказывается от агрессивной, привыкшей доминировать части своей природы, добровольно становится слабым, отвергая тем самым *мужскую* манеру поведения. Не случайно покровителем монашества считается Богородица – олицетворение кротости, смирения, послушания и чистоты (что немаловажно для монаха, поскольку женственность включает в себя и различные «нецеломудренные» аспекты). Богородица для монаха – пример для подражания. Уподобляясь Ей, аскет приобретает те самые не-

обходимые для мистического делания женские свойства, которые делают его маргиналом в традиционном обществе, воспитанном на совсем иных ценностях.

Но ортодоксальное богословие избегает этой темы, не в последнюю очередь потому, что любая попытка ввести феномен пола в сферу трансцендентного бытия приводит к очередному рецидиву язычества. Отсюда крайности «злого» аскетизма, как, например, у Л.Н. Толстого, который прямо называл половую страсть абсолютным злом. Отсюда и сладострастное искушение русской религиозной философии – смелой, но желающей оставаться в русле традиционной мысли. Правда, Толстой не побоялся противопоставить себя официальной Церкви, в отличие от своего антагониста – Владимира Соловьёва, который оформил в законченную концепцию изначальную мистическую интуицию женственной природы этого мира.

Для Соловьёва уже весь мир – проявление женственного начала бытия, которое закономерно стремится к своему Возлюбленному, и для того, чтобы соединиться с ним, проходит длительный путь очищения и аскезы. В концепции Вл. Соловьёва всё человечество – единый мистический организм, воплощение Вечной Женственности, Софии, как он её называет. Это предполагает грандиозные изменения социального устройства: смягчение, упразднение тех его элементов, которые принято именовать мужскими, отказ от жёсткой циничной политики по отношению к «своим» и «чужим» – любовь, как основной принцип взаимодействия людей между собой.

Христианская мистическая традиция предлагает каждому найти в себе эти женственные элементы, снять свои доспехи, оставить холодный анализ, с помощью которого, как показывает практика, невозможно постичь по-настоящему тонкие феномены. Распространение христианской культуры открыло этому миру подлинную силу так называемой слабости, которая проистекает от Любви. В том, как общество изменилось за последние две тысячи лет, мы при желании можем увидеть след тонкого воздействия женственности на этот суровый мужской мир. Потерял ли человечество что-то при этом? Скорее, обогатилось – точно так же как взаимно обогащают себя мужчина и женщина, соединяясь в одно целое.

Л.В. Лукина

Витебск, Республика Беларусь, Витебская государственная академия ветеринарной медицины

МНОГОСТУПЕНЧАТОСТЬ ПОДВИЖНИЧЕСТВА

Духовное состояние современного общества обращается к деятельности, мировоззрению личностей, внесших значимый вклад в идеалы, нравственное развитие, ценностные установки. Христианские подвижники, воспитывали собственным примером представление о личной ответственности, готовности бескорыстно служить всем, кто нуждается в поддержке, опоре, защите, следовали христианскому нравственному закону, проявляя заботу о справедливости и общественном благе. Содержательно-стилевая многоаспектность пронизывая подвижничество, органично воплощается в представлениях об одной из первых канонизированных женщин среди восточных славян, преподобной Евфросинии Полоцкой, чья житейская мудрость озаряет благородную идею служения народу, позволяет оценить социальные проблемы.

На территории Беларуси христианство в целом укреплялось без насилия на протяжении нескольких столетий. На протяжении еще длительного времени люди прислушивались к волхвам, приносили жертвы Перуну, в то же самое время, молясь и пряча в нательные крестики языческие талисманы-обереги. Сочетание языческих и христианских представлений в сознании со временем своеобразно модифицировалось, имеющее мотивы и объяснение, проявив влияние во многих социальных аспектах. Поскольку однозначно с точной датой принятия христианства определить сложно, многие источники исчисление ведут со времени основания Полоцкой епархии (992 год). Христианство содействовало процессу агрегирования белорусских земель, усилению течения государственности, способствовало генерализации письменности и книгопечатанию, иконописи, становлению каменного зодчества наряду с деревянной архитектурой, интронизации храмов, монастырей и многому другому. С утверждением крещения проявились и христиане, осознававшие себя гражданами Небесного Отечества и, представ одновременно и гражданами Отечества земного. Служение божественной правде и начинается с самоотверженного, совестливого служения общественному благу, причем с малой его толики. Они были

готовы покинуть и отрекались от мирских благ во имя служения Богу и вере. Христианская религия освещала житие и деяния мучеников, праведников, святых, открыла западные и восточные духовные и культурные сокровища, поспособствовала становлению литературного языка. Вливаясь в европейское сообщество, расширялись социально-политические, культурные связи и взаимоотношения со значительным числом стран и народов, упрочив закономерные объединительные процессы укрепления восточнославянских земель в государствах-княжествах.

Христианство подвигло к формированию мировоззрения, привнесению морали и эстетики, разнообразию искусств, в числе которых культовое зодчество, церковно-религиозная живопись, содействовав вхождению в контент общеевропейского социума. На белорусских землях получили распространение разноплановые научные знания, нормы христианской этики, философия, просвещение, каноническое церковное право, оказавшее влияние на кодификацию белорусского права, иконопись, фресковая живопись, мозаика, музыка, ювелирное искусство. Олицетворением служат возведенная по заказу Евфросинии Полоцкой Спасская церковь – единственный храм Беларуси, в котором практически полностью сохранилась уникальная палитра фресковой живописи XII в. и образ Одигитрии Полоцкой (Богородица Эфесская), присланный в дар Евфросинией из Царьграда. Этот образ, хранящийся ныне в Русском музее Санкт-Петербурга, создан художниками полоцкой земли по образцу оригинала. В XI в. для письма использовалась кириллица: одна из азбук старославянского языка. Так, знаменитый шестиконечный крест, связанный с именем благоверной княгини, преподобной Евфросинии Полоцкой, содержал текст, выбитый кириллицей. Этот драгоценный на престольный крест, шедевр древнебелорусского ювелирного искусства, создал, обладая подлинным талантом и профессионализмом, золотых дел мастер Лазарь Богша в 1161 г. для Спасо-Преображенского собора Спасского монастыря, в технике перегородчатой эмали. Крест, длиной 52 см, изготовлен из кипарисовой доски, украшен 21 золотой пластинками, драгоценными камнями, орнаментными композициями, представляющими эпизоды истории Нового Завета и ранней христианской Церкви, 12 эмалевыми образами с ликами святых. В центре креста в пяти углублениях размещены реликвии: кусочки дерева креста Господня с ка-

пельками крови Иисуса, крохи камня гроба Богородицы, частички мощей святых Стефана и Пантелеимона, а также кровь святого Дмитрия. Крест Евфросинии Полоцкой считается культурно-исторической ценностью белорусов.

В жизненно-повседневном распределенном пространстве монастырей, адвокатирующим себя одновременно и культурным центром, располагались библиотеки, действовали школы, в которых по церковным текстам обучали грамоте, велось летописание, представлявшее собой запись происходящих событий по годам (летам) в хронологической последовательности. При монастырях функционировали и своеобразные мастерские (скриптории). В их стенах переписывали Священное писание, византийские хроники и окрестные летописи, создавали произведения отцов церкви, составляли патерики, жития святых и великомучеников. Таков и Спасский монастырь, в котором совершала молитвенный и просветительский подвиг Евфросиния.

С именем Евфросинии Полоцкой ассоциируется не только духовная жизнь восточнославянских земель XII столетия, но и многовековая история Беларуси. Мудрая просветительница из рода Всеслава выступала против княжеских междоусобиц, губительных братоубийственных войн. О внучке князя Всеслава Чародея, княгине, игуменье, наставнице и просветительнице рассказывается в «Житии Евфросинии Полоцкой». Это бесценный памятник старобелорусской литературы, созданный в конце XII века неизвестным автором и дошедшим до наших дней в шести редакциях и более чем ста списках. Со страниц Жития предстает величие благочестивой Евфросинии, игуменье и княжны Полоцкой, родившейся в стольном городе Полоцкого княжества в 1110 г. Она обучалась в школе при Софийском соборе, третьего на землях восточных славян. Собор, построенный Всеславом Чародеем, являл символ могущества Полоцкого княжества, равенства с Киевом и Новгородом. В нем хранились государственная казна и печать княжества, размещались архив и библиотека, подписывались важные договоры. В 12-летнем возрасте Предслава, узнав о намерении отца обручить ее с княжичем, предпочла безграничное самоотречение, духовное восхождение, служение Богу. В монастыре, постриглась под именем Евфросинии, переводила тексты с других языков, переписывала книги Святого Писания, создавая и свои оригинальные произве-

дения, участвовала в полоцком летописании. Усердиями Евфросинии, первой признанной женщины-книгописице, подвижницы основаны женский и мужской монастыри со скрипториями по переписке книг, распространению письменного слова. Христианские добродетели, многообразие и плодотворная деятельность, меценатство неустанно окружали Евфросинию талантливыми людьми. На склоне дней жизни Евфросиния Полоцкая, передав игуменство младшей сестре Евдокии, совершила паломничество на Святую землю, но заболев в пути, в 1173 г. умерла. Мощи святой преподобной Евфросинии Полоцкой в 1910 г. перевезли в основанную ею церковь Спаса, возведенную зодчим Иоанном (Иваном) за 30 недель – первый памятник-храм, образец полоцкой архитектурной школы, в котором византийские традиции трансформированы в национальном духе. Для верующих людей преподобная Евфросиния игуменья Полоцкая почитается небесной заступницей белорусской земли и ежегодно 5 июня отмечают день ее памяти.

Неординарный жизненный путь подвижницы, святой преподобной Евфросинии Полоцкой в ландшафте ее насыщенного драматического времени вдохновил на творчество историков, литераторов, художников. Жизнеописание, образ, характер просветительницы отображены на страницах книг, исторической повести, романов писателей, в стихотворных строках поэтов. Самоотверженная жизнь заступницы земли белорусской нашла воплощение в графических, скульптурных произведениях, песнопениях, на художественных полотнах, гобеленах, кинолентах.

Имя Евфросинии Полоцкой, ее христианская мораль, мировоззрение, подвижничество, просветительская деятельность непосредственные свидетельства обширной палитры панорамы духовной жизни восточнославянских земель XII в.

Е.Б. Хитрук

Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ «КУЛЬТУРЫ НАСИЛИЯ»

Мужское, многие сотни лет отождествлявшееся в западноевропейской интеллектуальной традиции с общечеловеческим, по инерции продолжает сегодня восприниматься как начало уни-

версальное, лишенное гендерной специфики, гендерно нейтральное. Тем не менее, целый ряд острых социальных вопросов, связанных с нормами маскулинности и специфическими маскулинными практиками в современном обществе, обращает на себя внимание специалистов самых разных областей научного знания от педагогики и медицины до социологии и философии. Одним из таких острых «мужских вопросов» является взаимосвязь культуры насилия и представления о мужественности. В данной статье проблема соотношения «мужского гендера» с разнообразными практиками насилия будет рассмотрена в контексте теории гендеризованного общества американского социолога Майкла Киммела.

Киммел утверждает, что насилие является необходимым смысловым элементом традиционного представления о «настоящей мужественности», одним из основных условий её демонстрации и доказательства. «За неимением другого культурного механизма, – пишет Киммел, – посредством которого юноши могут осознавать себя в качестве мужчин, они с готовностью приняли насилие как способ становления мужчинами».

В самом раннем возрасте мальчики усваивают, что физическая борьба – эффективный способ разрешения конфликтов, дающий не только конкретную победу в поединке, но и убедительное превосходство над противником, сообщающее победителю статус настоящего мужчины. Насилие в мальчишеской и мужской среде является, прежде всего, механизмом распределения мужественности, которая как трофей оказывается принадлежностью победителя и отнимается у побежденного. По сути, насилие представляет собой борьбу за право считаться мужественным и именно поэтому насилие настолько распространено в мужской среде, вопреки всем возможным внешним механизмам, направленным на его сдерживание. Существующие правовые и законодательные ограничения могут лишь сдерживать тенденцию, которая на самом деле имеет глубокие социальные и психологические корни. «С раннего возраста, – отмечает Майкл Киммел, – мальчиков учат, что насилие не просто приемлемо в качестве формы разрешения конфликта, но и вызывает восхищение». Восхищение мужественностью среди мальчиков и мужчин, как и тяга к «плохим парням» у девочек и женщин –

непременное психологическое условие распространности насилия в мужской и мальчишеской среде.

Однако проблема насилия в современном обществе продолжает обсуждаться в самых разнообразных контекстах от возраста до этнической и классовой принадлежности преступников, исключая только один контекст – гендерный. «Как же наши социальные комментаторы обсуждают эти проблемы? – задается вопросом Майкл Киммел. – Замечают ли они, что проблемы молодежи и насилия являются на самом деле проблемами молодых мужчин и насилия? Они когда-нибудь говорят о том, что как только этнический национализм где-нибудь поднимает голову, то это голова молодого мужчины? Говорят ли они о мужественности вообще?». Удивительным образом гендерное неравенство в современном обществе, продолжает оставаться мощным системообразующим механизмом, несмотря на развитую эгалитарную риторику, институционализацию женских и гендерных исследований в развитых странах мира, видимые изменения гендерного порядка. Невидимость мужского, его универсализация, будучи одним из основных признаков гендерного неравенства, сохраняет свои позиции незыблемыми в современном подвижном социуме. Относительно проблемы насилия эта невидимость обретает характер игнорирования важнейших социальных истоков мужского насилия, а следовательно, существенно затрудняет борьбу с этим явлением. Данная система работает в пользу культуры насилия, виртуозно вуалируя очевидное, а именно: то, что «фактически все насилие в мире сегодня совершается мужчинами».

Значительная доля насильственных действий, совершаемых мужчинами, относится к сексуальному насилию над женщинами. Вопреки распространенной точке зрения о том, что данный тип насилия обусловлен генетически и связан с необходимостью передать свой генетический материал «любой ценой», социологические исследования убедительно демонстрируют, что насильники чаще всего ведут активную сексуальную жизнь, имея постоянную партнершу, а нередко и семью. Для мужчины, который пользуется успехом у женщин, принуждение к сексу представляет собой акт самоутверждения и, соответственно, унижения жертвы, демонстрирующий «истину» мужского доминирования. Не удивительно,

что процент сексуального насилия над женщинами резко возрастает во время любой дестабилизации общественной системы, обнаруживая фундаментальный принцип гендерного неравенства, в контексте которого женское тело сексуализируется и объективируется. История войн и революций в XX в. – еще одно тому подтверждение: женское тело становится трофеем при ведении военных действий, в тюрьме, лагере, во время оккупации. «Изнасилование, – пишет Майкл Киммел. – это преступление, в котором сочетаются секс и насилие и пол становится орудием насилия. Изнасилование – не столько преступление страсти, сколько преступление власти, в нем нет ни любви, ни вожделия, но есть покорение и презрение, в нем выражена не тоска, а присвоение».

Демонстрация власти, которая рассматривается как неотъемлемый мужской атрибут, является причиной еще более сложного аспекта мужского насилия – насилия над близкими людьми «за закрытыми дверями». Дом, который традиционно воспринимается как убежище от опасностей внешнего мира, для женщин и детей нередко оказывается самым небезопасным местом, где их подстерегает насилие, унижение, а иногда и сама смерть.

Проблема бытового насилия распространена во всем мире и не имеет этнических или классовых ограничений. Богатые и бедные, успешные и неуспешные мужчины прибегают к такого рода поведению, демонстрируя при этом силу властных полномочий, которыми наделяет их культурный механизм гендерного неравенства вопреки всей внешней риторике равноправия полов. Исследования в этой области показывают, что наличие и уровень домашнего насилия в семье тесно связаны с тем, кто именно в конкретной семье ответственен за принятие решений. Если значимые для семьи решения принимаются сообща обоими супругами, риск бытового насилия существенно снижается.

Таким образом, именно властная иерархия, сосредоточивающая все полномочия в мужских руках, способствует появлению дополнительного модуса самоутверждения мужчины – посредством насильственных действий. Тем более, что власть мужчин во внешнем мире в течение последнего столетия была существенно поколеблена. Активный выход женщин на рынок труда лишил определенную часть мужского населения убедительных преференций в

экономической сфере, что стало причиной когнитивного диссонанса между невидимым, но явным культурным посылом о доминировании мужчин и сложностью его реализации в современном трансформирующемся обществе. Уберечь женщин от культуры насилия, жертвами которой они повсеместно становятся, уберечь мужчин от формирования психологии насильника – вот основные задачи современного общества. И, чем скорее, гендер насилия станет явным, «видимым», в культуре, тем скорее она окажется способной выработать успешную стратегию борьбы со страхом, унижением и агрессией, пронизывающими современный мир. И, напротив, замалчивание мужского характера насилия или сведение его к суровой природной данности неизбежно будет способствовать распространению основных архетипов культуры насилия.

Н.Ю. Таишыкова

Москва, Московский государственный институт музыки им. А. Г. Шнитке

О ДИАЛЕКТИКЕ ЛИДЕРСТВА, НАСИЛИЯ И СВОБОДЫ ВОЛИ: ФИЛОСОФСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРСЫ

Для философского дискурса более интересно исследовать феномен лидерства в сравнении с насилием: где кончается лидерство и начинается насилие? Для психологов и социологов важны другие аспекты: что в женской психологии препятствует развитию лидерских форм поведения; какие новые формы насилия возникают в связи с изменением статуса женщины?

Психологи различают конфликт и насилие так: разница между конфликтом и насилием в наличии реальной причины в конфликте и отсутствием ее в акте насилия. Они различают разовое, повторяющееся, хроническое насилие. В средневековой философии эта проблема формулировалась как проблема возникновения зла, в современной философии как проблема свободной воли.

Психологи и социологи подчеркивают: возникают новые формы насилия: со стороны мужчин к женщинам, в связи с их новым статусом. Данные исследований указывают, что в своем большинстве современные женщины стремятся совмещать профессиональную и семейную сферы: получить удовлетворение от профессио-

нальной деятельности, достичь успехов в карьере. Из-за неосуществления профессиональных устремлений женщины испытывают новые формы психологического насилия.

В целом, во всем мире лидерство остается у мужчин. По-видимому, этот порядок базируется на других основаниях. Мужчины все также доминируют в обществе, обладают властью, которую они закрепляют и утверждают разными путями. Неравенство укоренено в самих структурах и практиках: в разделении труда, доступе к распределению ресурсов и контролю над ними, возможности участвовать в принятии ключевых решений. Это положение подтверждается статистикой: по данным ООН женщины владеют лишь 1% всех мировых богатств, составляют только 5% в высших управленческих структурах.

С другой стороны, исследователи отмечают, что развитие и становление женского лидерства серьезно затруднено склонностью женщин признавать насилие культурной нормой, способствующей долговременному насилию со стороны мужчин: экономическому, физическому, сексуальному, эмоциональному. Насилие против женщин чаще принимает личностные, семейные формы. Их избивают отцы, братья, мужья, любовники. Этому способствуют традиционные стереотипы, укорененные в представлениях как мужчин, так и женщин.

Все это усложняет становление женского лидерства. Так, отмечается, что мужчины относятся к управлению как к сделке: поощряют и наказывают, абсолютизируют авторитет своей власти. Женщины же склонны стремиться выработать у подчиненных признания целей коллектива своими целями, поэтому они больше делятся важной информацией с подчиненными, стараются подчеркнуть заслуги подчиненных, часто преуменьшая свои. Они тратят силы на постоянное утверждение своего права на руководство и лидерство. Чаще мужчин они отказываются от вознаграждений, привилегий. В условиях экономического кризиса «сенситивный» женский стиль руководства признается психологами как наиболее продуктивный. Но в исследованиях отмечается, что чаще всего достигшие успеха женщины-руководители опирались на мужские принципы руководства, играли по «мужским правилам». И если бы

в руководстве было бы больше женщин, то женщины-руководители были бы тоже другими.

В современной аналитической философии очень активно идет процесс детализации классического компатибилизма, появляются различные аргументы против этой позиции. Под компатибилизмом понимается такое учение о свободе воли, при котором она оказывается совместимой с детерминизмом.

СПИСОК АВТОРОВ

Алексеева Надежда Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета (Вологодская область, Череповец). E-mail: alekseevanv35@mail.ru

Антошина Татьяна Константиновна, кандидат искусствоведения, член Союза художников и Международного художественного фонда (Москва). E-mail: antoshina@me.com

Ануфриева Евгения Владимировна, кандидат философских наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет, кафедра Истории, культуры и социологии (Волгоград). E-mail: ev_anufrieva@mail.ru

Баданина Ирина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет (Москва). E-mail: irinabadanina@gmail.com

Бакиева Гульсифа Такиюллоевна, кандидат исторических наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН Старший научный сотрудник (Тюмень) E-mail: Gulsifabakieva@yandex.ru

Бурданова Наталия Анатольевна, судья, Московский районный суд Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург). E-mail: burdanova_na@mail.ru

Веременко Валентина Александровна, доктор исторических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, профессор, заведующая кафедрой истории, (Санкт-Петербург). E-mail: v.a.verenko@ya.ru

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, Минский государственный лингвистический университет, доцент кафедры психологии (Минск). E-mail: galina_minsk@mail.ru

Веселова Инна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург). E-mail: veselinna@mail.ru

Волкова Екатерина Леонидовна, бакалавр, Московский психолого-социальный университет (Москва). E-mail: coldsong@mail.ru

Воробьева Светлана Викторовна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии культуры, Белорусский государственный университет (Минск). E-mail: cherbourg@mail.ru

Воротникова Кристина Сергеевна, студент, Уральский государственный аграрный университет (Екатеринбург). E-mail: selfpetrovich@mail.ru

Гавар Игорь Игоревич, фотограф, основатель проекта «Олдушка» (Москва). E-mail: gavarigor@gmail.com

Голованова Дарья Владимировна, аспирант, Череповецкий государственный университет (Череповец). E-mail: golovanova.daria.v@yandex.ru

Голубева Любовь Викторовна, аспирант, Санкт-Петербургский Государственный Университет (Санкт-Петербург). E-mail: luyba.golubeva@gmail.com

Громова Анна Игоревна, младший научный сотрудник, институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва). E-mail: anna4gromova@yandex.ru

Дадаева Татьяна Михайловна, доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии, Мордовского государственного университета им.Н.П.Огарева (Саранск). E-mail: dadeava13@mail.ru

Денисова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, профессор, доцент кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет (Челябинск). E-mail: lan2@mail.ru

Ершова Галина Гавриловна, доктор исторических наук, профессор, Мезоамериканский центр им. Ю.В.Кнорозова, Российский государственный гуманитарный университет, директор, главный научный сотрудник (Москва). E-mail: ga.gav@mail.ru

Есеева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) Федеральный Университет (Архангельск). E-mail: eseevaolga@mail.ru

Заболотная Лилия Павловна, доктор истории, доцент, ведущий научный сотрудник Национального музея истории Молдовы (Кишинев). E-mail: lilizab61@gmail.com

Зезегова Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Соро-

кина», магистрант, Юридический институт Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар). E-mail: oizezegova@mail.ru

Иванова Евгения Владимировна, доктор философских наук, доцент, Уральский Федеральный Университет им. Первого президента России Б.Н.Ельцина, профессор кафедры онтологии и гносеологии Уральского гуманитарного института (Екатеринбург). E-mail: ieviev@mail.ru

Иоффе Елена Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека института психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; доцент кафедры психотерапии и сексологии, Северо-западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова (Санкт-Петербург). E-mail: elenaioffe@yandex.ru

Козлова Наталия Николаевна, доктор политических наук, доцент, Тверской государственный университет, профессор кафедры политологии (Тверь). E-mail: tver-garп@mail.ru

Козлова Ольга Андреевна, аспирант, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва). E-mail: koa100011@rambler.ru

Козлова Татьяна Захаровна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН (Москва). E-mail: tatiana_kozlova@mail.ru.

Козловский Владимир Вячеславович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, директор Социологического института РАН (Санкт-Петербург). E-mail: vvk_soc@mail.ru

Кондратьева Алена Александровна, студент, филиал Московского психолого-социального университета (Ярославль). E-mail: alenychka15-95@yandex.ru

Коскова Анна Сергеевна, ученый секретарь, центр исследований «Южная Европа» (Симферополь, Крым). E-mail: annet-yurkina@mail.ru

Кубышева Полина Дмитриевна, студент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль). E-mail: lina0097@mail.ru

Кузнецова Олеся Васильевна, ассистент кафедры религиоведения департамента философии Института социальных и политических наук, Уральский Федеральный университет им Б.Елицина (Екатеринбург). E-mail: olesyakzn@yandex.ru

Курашова Наталия Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социальной работы, педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань). E-mail: nataliakurashona@mail.ru

Лобанова Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, старший научный сотрудник (Москва). E-mail: lobanova_irina@ro.ru

Ломакин Илья Валерьевич, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований Научно-исследовательский университет Высшая Школа Экономика (Москва). E-mail: elijah.lomakin@gmail.com

Ломоносова Марина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург). E-mail: lomonosovamv@mail.ru

Лукина Лариса Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины, заведующая кафедрой философии и политологии (Беларусь, Витебск). E-mail: lavalu29@ Rambler.ru

Мезенцева Елена Борисовна, кандидат экономических наук, доцент, Научно-исследовательский Университет Высшая Школа Экономики (Москва). E-mail: elena_mezentseva@list.ru

Мищенко Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, филиал БГУ (Новозыбков). E-mail: mtapost@yandex.ru

Морозова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра связи общественностью, Донской технический университета (Ростов-на-Дону). E-mail: olgafrost@gmail.com

Мунин Павел Иванович, кандидат технических наук, доцент, Научный сотрудник, Московский государственный педагогический

университет, Зеленоградское отделение (Зеленоград). E-mail: mounine@rambler.ru

Мхитарян Тамара Арменовна, студент, факультет социальных наук, Научно-исследовательский Университет Высшая Школа Экономики (Москва). E-mail: savinskaya@gmail.com

Насирова Лейла Атамоглановна, студент, кафедра социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск). E-mail: eseevaolga@mail.ru

Нефедова Лилия Амирянвна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет (Челябинск). E-mail: lan2@mail.ru

Новинская Таисия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Пензенский государственный технологический университет (Пенза). E-mail: golub_00@mail.ru

Орехова Мария Алексеевна, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург). E-mail: natnikore@gmail.com

Орехова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Институт управления (Архангельск). E-mail: natnikore@gmail.com

Перельман Ирина Владимировна, аспирант, Государственный институт искусствознания, преподаватель Пансиона воспитанниц Министерства обороны РФ» (Москва). E-mail: perelman7655@mail.ru

Пивоваров Александр Михайлович, кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург). E-mail: a.pivovarov@spbu.ru

Поликарпова Наталья Алексеевна, Newcastle, NSW, Australia; The University of Newcastle, The University of Newcastle, NSW, Australia, first year PhD candidate (Classics) Университет г. Нью-Кастл (Австралия, Нью-Кастл), аспирант. E-mail: Natalia.Polikarpova@uon.edu.au

Поправко Елена Александровна, доктор исторических наук, доцент, Военная академия материально-технического обеспечения

имени генерала армии А.В. Хрулёва (Санкт-Петербург). E-mail: elena_porpravko@mail.ru

Приказчикова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра русской литературы и фольклора, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: miegatalogos@yandex.ru.

Прищепова Валерия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург). E-mail: var@kunstkamera.ru

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, профессор, Научно-исследовательский Университет Высшая Школа Экономики, нижегородский кампус (Нижний Новгород). E-mail: rasv@yandex.ru

Рассадин Сергей Валентинович, кандидат философских наук, доцент, Тверской государственный технический университет, начальник управления академического развития (Тверь). E-mail: s_r08@mail.ru

Ржаницына Людмила Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН (Москва). E-mail: 938@mail.ru

Рыбак Евгения Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск). E-mail: e.rubak@narfu.ru

Савельева Анастасия Анатольевна, соискатель степени кандидата социологических наук, кафедра теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург). E-mail: saveljeva.aa@gmail.com

Савинская Ольга Борисовна, кандидат социологических наук, доцент, факультет социальных наук, Научно-исследовательский Университет Высшая школа экономики (Москва). E-mail: savinskaya@gmail.com

Светличная Мария Сергеевна, магистрант, факультет истории Европейского университета (Санкт-Петербург). E-mail: msvetlichnaya@eu.spb.ru

Сидорова Галина Петровна, доктор культурологи, доцент, профессор, кафедра истории и культуры, Ульяновский государственный технический университет (Ульяновск). E-mail: gala_si_61@mail.ru

Сидорчук Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Высшая школа общественных наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург). E-mail: chubber@yandex.ru

Смолина Наталья Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы департамента социологии и политологии Института социальных и политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: n.s.smolina@urfu.ru

Солнцева Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии человека, Институт Психологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). E-mail: natalia-sun@inbox.ru

Соловьев Аркадий Константинович, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный экономист РФ, Пенсионный фонд РФ (Москва), директор Департамента. E-mail: arksolov@yandex.ru

Солодкова Мария Михайловна, Центральный военно-морской музей Министерства Обороны РФ (Санкт-Петербург). E-mail: solodkovamaria@mail.ru

Сушкова Юлия Николаевна, доктор исторических наук, декан юридического факультета, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск). E-mail: yulenkam@mail.ru

Ташлыкова Наталья Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке (Москва). E-mail: tachlikova65@mail.ru

Тернопол Татьяна Вячеславовна, кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных литератур и языков, факультет русской филологии и культуры, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль). E-mail: ternopoldp@mai.ru

Тивонюк Наталья Геннадиевна, студент, факультет социальных наук, Научно-исследовательский Университет Высшая Школа Экономики (Москва). E-mail: gold2011-2012@yandex.ua

Ткачук Дарья Владимировна, аспирант, факультет социологии, кафедра социологии культуры и коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург). E-mail: tkachuk.daria@gmail.com

Трофимова Виолетта Стиговна, кандидат филологических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург). E-mail: violet_trofimova@mail.ru

Устинова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра истории русского феодализма Института российской истории РАН (Москва). E-mail: ilustinova@yandex.ru

Хитрук Екатерина Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Хришкевич Татьяна Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории и регионоведения, Псковский Государственный университет (Псков). E-mail: faschoda@mail.ru

Цыбулькинова Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей и отечественной истории, Армавирский государственный педагогический университет, бакалавр, лектор-экскурсовод (Армавир). E-mail: ana555000@yandex.ru

Чхутиашвили Лела Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра философских и социально-экономических дисциплин, Московский государственный Университет имени О.Е. Кутафина (Москва). E-mail: multistar@yandex.ru

Шендерюк Марина Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград). E-mail: m.shenderyuk@gmail.com

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социальных наук, профессор, заведующая кафедрой, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия (Нижний Новгород).

Шубина Татьяна Федоровна, кандидат философских наук, Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск). E-mail: t.shubina@narfu.ru

Щепанская Татьяна Борисовна, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, ведущий научный сотрудник (Санкт-Петербург). E-mail: roehaly@yandex.ru

Научное издание

**Сила слабых:
гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства
в прошлом и настоящем.**

Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и
ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск:
В 3-х томах
Том 3

*Утверждено к печати
Ученым Советом
Института этнологии и антропологии РАН
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Ответственный редактор
Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина
Редактор
А.И. Громова
Дизайн обложки
Е.В. Орлова
Компьютерная верстка
Д.В. Громов, Т.В. Царёва

Подписано в печать 11.07.2017. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 17,0. Тираж 200 экз. Заказ 113

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, 32а